
ISSN 2658-7920
ВЕСИ
№ 4, 2020

13
ВЕНА
ВИНЕР НОЙШТАДТ
32
2
МЕДЛИНГ

ПОБЕДИТЕЛЯМ

Вы слов на ветер не бросали
В ту пору пламенной страды,
Когда Отечество спасали
От неминуемой беды.
Не потому ль, что в сердце каждом
Вместилась боль родной земли, —
Слова привычные однажды
Иную суть приобрели?..

Вы слов на ветер не бросали,
Но смысл их всем понятен был,
Когда в молчанье вы стояли
У братских горестных могил.
Не потому ль, что в ту годину,
Где пламя выверяло шаг, —
Вы были слиты воедино
И понимали всё и так?..

Вы слов на ветер не бросали,
Когда, не сгинув под огнем,
Потом штыками расписали
Рейхстага стены майским днем.
Не потому ль, что затопили
Вас слез счастливые дожди,
И слов, что сразу б всё вместили,
Вам было нелегко найти?..

Александр Драт

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.Е.Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

На обложке (1, 2): писатель, публицист, боец Уральского добровольческого танкового корпуса Вадим Очеретин в перерывах между боями.
Фото из архива И.В. Очеретиной.
Подписано в печать 30.04.2020 г.

12+

Отпечатано в АО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Тираж 2500 экз. Заказ № 525.

Цена свободная.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Бег времени неизбежен. Сегодняшние внуки и правнуки тех, кто прошел и победил в Великой Отечественной войне, события того времени воспринимают только как историю. Историю, запечатленную в фильмах, изложенную на страницах учебников, переосмысленную в повестях и романах. Историю далекую, непережитую. Неперечувствованную...

Но во многих семьях, в архивах хранятся фотографии, письма родственников, участвовавших в этой истории, делавших ее. И обращаясь к этим семейным реликвиям, наши современники совсем по-иному представляют те далекие события. Они смотрят на них глазами солдат, своих родных дедов и прадедов, порой так и не успевших рассказать, написать, поделиться...

Но сами фотографии словно толкают узнать как можно больше о тех, с кем многим даже не довелось встретиться в этом мире.

И тогда прошлое, хранящееся в памяти, по краткому и точному высказыванию польского философа Тадеуша Котарбинского, становится частью настоящего.

Вглядываясь в лица на старых фотографиях, начинаем сопереживать, соприкасаться душами с теми, кто жил, делал свой выбор, брал на себя ответственность в то далекое историческое время

Из дня сегодняшнего мы пытаемся понять и разобраться в событиях давно минувших дней. Мы вырабатываем свою, очень личную, точку зрения и ищем способы поделиться ею и с помощью слова. И с помощью образа, и с помощью действия, а может – бездействия...

Многообразие этих способов рождается в уникальности каждого из нас.

Но никогда, пожалуй, общая картина не будет полной, да это и не главное.

Гораздо важнее, на мой взгляд, та живая связь с нашими предками, нашим родом, в которой мы обретаем чувство уверенности, поддержку, жизненную энергию, которая помогает нам лучше понять самих себя.

Татьяна Богина
главный редактор.

ВЕСИ

№ 4 (162)` 2020
май

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2020 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс
на сайте http://www.ural-press.ru/
Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс
в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.

Журнал удостоен медалей

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

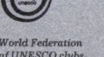

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

Выпуск журнала осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

РБА

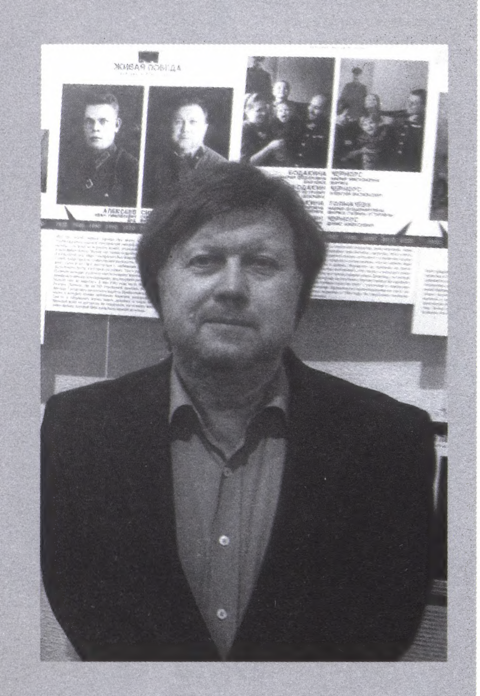
Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства TICCIH.

Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.

ЖИВАЯ ПОБЕДА ИВАНА АЛЕКСЕЕВА

эссе

Сергей СИМАНОВ

**Член Союза писателей России.
г. Каменск-Уральский**

На эти заметки меня натолкнуло мое участие в проекте «Живая Победа» – реконструкции снимков военных лет, прошедшего в некоторых уральских городах в канун 73 годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В проекте объектом реконструкции стала фотография моего родного деда по материнской линии Алексеева Ивана Тимофеевича, я же стал «субъектом» этого проекта – именно с моего «образа и подобия» воссоздавали портрет деда.

Написать про него я хотел давно, но то ли не было особого (т.е., сиюминутного) повода, подтолкнувшего к написанию, то ли не хватало сведений, то ли, как обычно бывает: все наиболее важное и срочное оставляем на потом, до лучших времен...

1.

Деда я не видел ни разу. Он погиб задолго до моего рождения – в первое военное лето Великой Отечественной. До поры до времени я о нем почти ничего не знал.

Бабушка про деда рассказывала мало: в те годы не принято было делиться самым сокровенным, а может быть и потому, что по неписанным законам того времени «рекомендовалось» говорить исключительно о родственниках, «геройски погибших на фронтах», а «без вести пропавшие», кем числился мой дед, приравнивались чуть ли не к предателям.

Даже отчество – Тимофеевич, весьма редкое в наше время, не сразу запомнилось, и во время майских митингов у обелиска погибшим на фронте односельчанам всякий раз приходилось напрягать свою детскую память, чтоб среди многочисленных Иванов Алексеевых, коих немало было в нашем селе (и имя, и фамилия-то – исконно русские, уральские), отыскивать «своего». По молодости мало задумываешься о своих корнях, предках, от которых к тебе перешли не только цвет волос и характер. Сейчас, анализируя собственную жизнь, сопоставляя ее с найденными фактами из жизни моего деда, я могу сделать выводы, что, несмотря на то, что наше совместное существование разделяет почти четверть века, ничего не пропало бесследно. И я не только нахожу в своем лице узнаваемые до боли черты (и не только я: это же, почти неуловимое сходство, пытались отыскать на фотографиях – дедовой и моей – ребята из проекта «Живая Победа»), но и более значительные, глобальные влияния и закономерности.

Так, узнав, что дед до своей службы в Красной армии некоторое время работал избачом в своей родной деревне Сипава, я не мог не принять эти сведения с особенным энтузиазмом и воодушевлением. Получается, что я, не зная этого факта дедовской биографии, следовательно, независимо от него, без влияния этого обстоятельства на собственные решения, самостоятельно выбрал ту же самую профессию, что и дед (я окончил Свердловское культурно-просветительское училище по специальности «режиссер самодеятельного театра» и Уральский политехнический институт по специальности «менеджер культуры», с конца 80-х годов подвизался на «хлебах» сельского культпросветработника, позднее работал в сфере городского управления культуры...)

Дед, по всей видимости, и, судя по рассказам-оговоркам бабушки, был яркой творческой лично-

стью: именно на основе общности творческих интересов и возникла взаимная симпатия моих будущих прародителей: дед был руководителем «культурного сектора» на селе – заведовал избой-читальней, а бабушка была активной участницей художественной самодеятельности – «синеблузницей», актрисой театральных постановок, где играла неизменных хрестоматийных старух – роли, которые доверяли только ей, кроме того, хорошо пела, впоследствии стала участницей знаменитого Сипавского фольклорного ансамбля под руководством Натальи Пироговой. Это творческое начало, вызвавшее взаимную симпатию и соединившую два некогда чужих и далеких друг другу сердца в единую семью или, как говорили тогда, в «ячейку общества», не могло не сказаться на потомках, проявившись хотя бы через поколение – мама моя слуха и способностей к творчеству, помимо рукоделия, не имела[1]. Я же уже в самые ранние годы поражал родителей, учителей и сверстников своими «закидонами»: в 1 классе потребовал купить скрипку, почувствовав небывалый зуд и интерес к этому инструменту, во втором написал в сочинении, что хочу быть мультипликатором, а никаким-таким не космонавтом, в 5 классе исписал общую школьную тетрадь рифмованными строчками, нацарапав на обложке очень серьезное и умное слово «Стихи». А в 8 классе я самостоятельно научился играть на гитаре, дав при этом себе обет – сочинять песни, к исполнению которого шел долгое десятилетие, написав самую первую уже после службы в армии, в возрасте 24 лет, находясь в стрессовой ситуации перспективы не сдачи дипломного спектакля по причине невозвращения с гастролей главного актера моей постановки.

Нынче всеми творческими удачами я готов с радостью «поделиться» со своими, не обделенными талантами, предками. Я считаю, что многим, огромно многим, фактически всем обязан своим генам, которые немало «потрудились» над тем, чтобы вся моя жизнь была связана именно с творчеством: участвовал в выставках художников, в том числе за рубежом, играл в спектаклях профессионального и самодеятельного театров, имею некоторый кинематографический опыт, до сих пор пишу песни и стихи, участвуя и даже побеждая в соответствующих фестивалях и конкурсах, являюсь членом Союза писателей России, имею собственную книгу стихотворений, публикации в коллективных сборниках, в «толстых» и не очень журналах, сам являюсь членом редакционного совета одного из них. И только недавно, сравнительно недавно, я узнал об истоках всех моих творческих начинаний, вернее, осознал их, эти истоки. Поэтому столь подробные личные детали в рассказе про деда не кажутся мне чересчур неуместными, а напротив, все свои жизненные достижения – продолжением пока еще ненаписанной и, к сожалению, несобранной до сих пор биографии моего деда Алексеева Ивана Тимофеевича. Таких достижений не особенно много, и они не очень большие и заметные, но я почему-то надеюсь, что деду за меня там не стыдно.

АЛЕКСЕЕВ
ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ
ДЕД

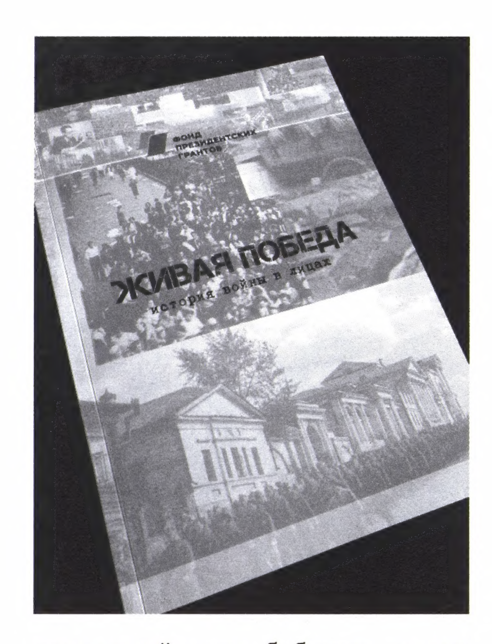

СИМАНОВ
СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ
ВНУК

2.

Бабушка прожила со своим мужем в общей сложности не больше двух месяцев (почему-то моя память сохранила именно эту цифру, возможно, сама она, бабушка, вела свой личный отсчет от времени призыва мужа в Красную армию, а не со дня свадьбы). Сразу же после вступления в брак (но скорее всего: сразу после рождения первенца Виталия) Ивана Алексеева призвали на службу в Красную армию. Затем он приезжал в отпуск на месяц. Обустроившись на месте службы, вызвал и перевез семью к себе. Но совместное проживание продолжалось недолго: вскоре часть, в которой служил младший лейтенант Алексеев, перекинули к самой границе, в Латвию, и на семейном совете было принято решение – возвращаться на Урал. В итоге и набралось-насобиралось: по денечку, по ночке, по выходному, по празднику – два месяца. Два месяца, которые сопоставимы с целой жизнью, два месяца, которые растянулись на целую жизнь, вернее, на две полноценные жизни – одну длинную, полную лишений и невзгод, другую – очень короткую и трагическую...

Бабушка одна поднимала детей, замуж она так и не вышла, хотя желающих было немало, в том числе и из города, что в тяжелое послевоенное время было немаловажным: переехать с колхозных трудодней на заводской оклад мечтали многие. Но баба Анна осталась верной мужу до конца. В семейных конфликтах, порой случающихся между моими родителями и моим собствен-

ным семейством, бабушка всегда выступала на стороне внука и его жены Ирины. Когда я, так же как и дед, вынужден был по рабочим обстоятельствам некоторое время находиться вдали от родительского дома, в котором временно обитали мои жена и дети, бабушка выступила активной зачинщицей воссоединения молодой семьи, в противовес желаний моих родителей, ратующих за временную отсрочку этого события на основании неустроенности жилья в месте этого воссоединения. Главным аргументом для родителей было – постоянное наличие «под рукой» любимых внучек, требующих повышенного внимания и комфортных бытовых условий. Бабушка же, любящая внучат нисколько не меньше, однако, была непреклонна и ее аргумент – «муж и жена должны жить вместе, вдруг завтра война!», подкрепленный ее личной судьбой, не смогли поколебать никакие доводы – в результате воссоединение состоялось.

Баба Аня принимала активное, даже несколько повышенное, участие в моем воспитании, словно компенсируя отсутствие в этом воспитании крепкой дедовской руки. После рождения моих собственных детей всю свою нерастраченную любовь бабушка обратила на них. Эта любовь оказалась взаимной: дочки и жена очень сильно привязались к бабе Ане и часто вспоминают ее в минуты радости и печали.

Я не раз посвящал свои песни и стихи бабушке. Интересно, что во всех моих этих творческих попытках баба Аня и дед Иван – всегда вместе, вместе хотя бы здесь.

Провожала бабушка
во солдаты деда.
Обещала Аннушка
ждать его с победой.

Как же вам, болезные,
было в сорок страшном
одиноко-боязно,
без вести пропавшим?!!

Разве под пилотками
не заметно нимбов?
Уходили ротами
с эшелонов – в небо.

...Остужающее белы
от бинтов и ужаса
облаками ангелы
над живыми кружатся.

3.

В детские годы мои знания об Алексееве Иване Тимофеевиче – родном дедушке по материнской линии, были весьма скудны и минимальны: дед погиб, вернее, без вести пропал в первые дни войны. Эти куцые сведения подтверждались красной тимуровской звездой на воротах дома «Бабани» – бабушки Анны. Такие символические «знаки отличия» – жестяные красные звездочки с черной окантовкой, – если солдат не вернулся с полей сражений и однотонные (или с оранжево-желтым кантом) – если воин вернулся домой, устанавливались в те годы на дверях квартир и воротах домов фронтовиков. В доме по улице Карла Маркса, 1, в котором проживала моя бабушка, в нашем фамильном доме, с которым связана почти вся история семьи в 20 веке, на воротах была звезда с черной траурной «ленточкой». Эта звезда, как любая подробность в детстве, вызывала интерес и вопросы: где и когда погиб дед? Но ответов не находилось: похоронка затерялась, а сведения из нее со временем исчезли из памяти семьи.

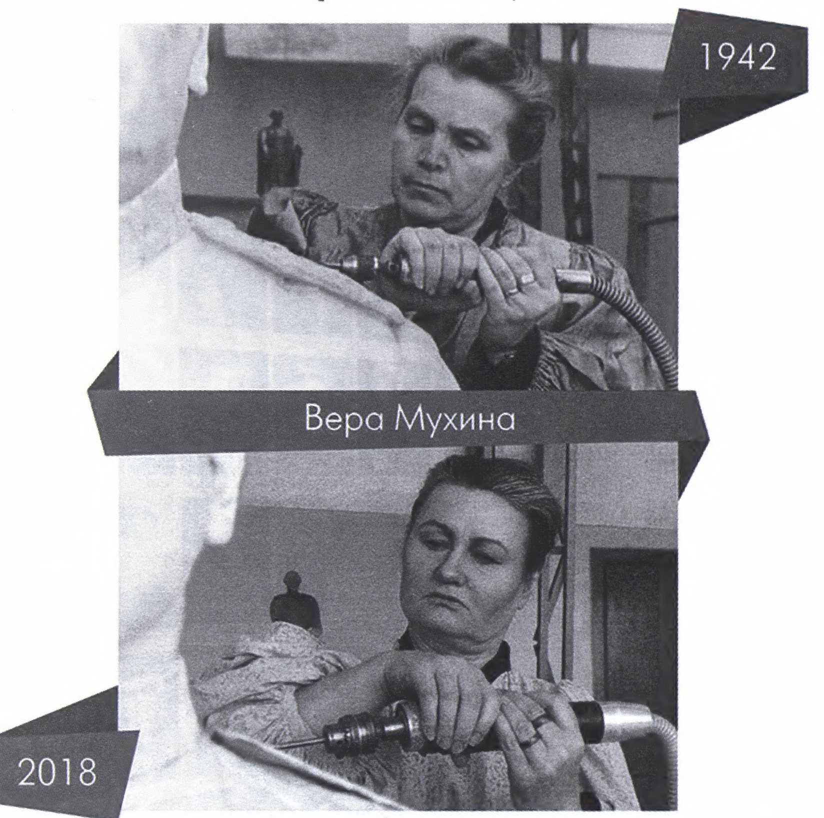
Однако кое что я знал. Дед был кадровым военным (он считался по тем временам грамотным, почти ученым, и, призвавшись срочником, службу начал сразу же с офицерской должности). Первое время жил один, без семьи, затем, обжившись на месте, приехал в отпуск и, скорее всего, именно в это время взял молодую жену с маленьким сыном Витей с собой в город Котельнич, где была расположена часть, в которой служил дед. Там и родилась незадолго до начала войны моя мама – Симанова Алевтина Ивановна. Время было тревожное, предгрозовое. Вся страна готовилась к будущей войне, о которой говорили почти в открытую, тем более в среде военных. И когда часть, в которой служил дед, передислоцировали в Прибалтику, все уже знали, что со дня на день она начнется, и дед отправил все свое семейство – жену, трехлетнего сына Виталия и почти полуторамесячную дочку обратно на родину – в деревню Сипава.

Впрочем, все это я узнал значительно позднее. А где нет полноценной информации, на помощь приходят бурная фантазия и воображение, недостатка которых у меня никогда не наблюдалось. Впрочем, вся эта история – история моего «знакомства» со своим дедушкой[2] – сама словно мистически-приключенческая повесть. Надо сказать, что я рос любознательным, достаточно начитанным ребенком, любил приключенческие книги и фильмы о войне. Прочитанная книга или просмотренный фильм буквально заполоняли мою жизнь, я начинал действовать и существовать по логике главных персонажей – то в роли капитана Блада, то в качестве разведчика Николая Кузнецова. Эти игры продолжались до прочтения (просмотра) нового понравившегося мне произведения искусства. Интересно, что из всех фильмов военной тематики я предпочитал «допогонный» красноармейский период, то есть, по сути, именно фильмы о начале войны. Нередко в своих фантазиях я «оказывался» и рядом с дедом – то сослуживцем и его сверстником, то в моем настоящем возрасте, т.е., в качестве «сына полка»

Однажды мне особенно понравился один из таких фильмов. Действие происходило в Прибалтике. Непривычные для русского

ЖИВАЯ ПОБЕДА

история войны в лицах

«Художник не имеет права сейчас мирно и тускло жить, это его гибель. И от этого я сейчас страшно страдаю. То, чего я так боялась, когда уезжала, то и случилось: я сыта, тепло, но жизни со всей страной нет, это страшно мучительно», – так писала Вера Игнатьевна Мухина о своей жизни в эвакуации.

Уезжать из прифронтовой Москвы ради собственной безопасности всемирно известный скульптор Вера Мухина не хотела и, как могла, оттягивала этот момент. Но собираться в дорогу всё же пришлось. В октябре 1941 года мастерские Дома Советов, где работала Вера Игнатьевна, эвакуировали в Каменск-Уральский. Мухина вместе с мужем и сыном отправились следом. Автора статуи «Рабочий и колхозница» Урал принял радушно, а местные власти старалась создать ей максимально удобные условия для жизни и творчества. Поселили семью Мухиных в комнате коттеджа, расположенного на берегу Волковского пруда. В Каменске-Уральском Вера Игнатьевна работала художником-декоратором в клубе «Уралалюминстроя». Известно, что за время эвакуации Мухина выполнила семь эскизов, но она писала в своём дневнике: *«Здесь, в эвакуации, мой душевный опыт еще недостаточен для решения задуманных образов, ведь о войне я знаю пока только из газет, радио и репортерских фотографий»*.

В Москву Мухина вернулась сразу, как только в 1942 году появилась такая возможность. Позже она напишет в своём дневнике: *«Всего полгода я провела на Урале, а кажется, что прошли годы...»*

уха названия городов и населенных пунктов будоражили воображение. Особенно запал в душу Даугавпилс, причем настолько, что все свои последующие военные «ролевые игры» я стал помещать именно в этом городке. Вскоре и «мы с дедом» были «расквартированы» в Даугавпилсском гарнизоне.

В детстве выдумка и реальность живут рядом, соприкасаются, часто заменяя друг друга. А игры претворяются в жизнь. Вскоре я уже был полностью уверен в том, что мой дед служил в городе Даугавпилсе, защищал его от врагов и тут же «погиб от пули одного из них». Я сам поверил в это, причем, поверил настолько, что однажды на вопрос учительницы: где воевали мои родственники, ответил: в Латвии, в Даугавпилсе.

И даже спустя годы, уже будучи взрослым человеком, на давний школьный вопрос своей учительницы я всегда отвечал однозначно: мой дед погиб в г. Даугавпилсе. И это не было ложью – наивной, без намека на какуюлибо выгоду и, тем более, не было откровенным враньем. При этом я прекрасно помнил всю предысторию появления этого моего нового знания.

И вот однажды, 17 апреля 2016 года, в день 10-летия со дня смерти сына Ивана Тимофеевича, моего дяди Виталия Ивановича Алексеева, его сын Александр Витальевич, мой сродный брат, прислал мне по социальным сетям (в ВКонтакте) письмо, в котором сообщал, что именно сегодня, в столь знаменательный день, наконец удалось раскопать сведения о нашем общем предке. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что мой дед без вести пропал, находясь на марше из города Резекне в город Даугавпилс! И оказалось, что мои детские фантазии – реальность! Никакие другие сведения: ни номер части, в которой служил дед, ни имена командиров, ни даже то обстоятельство, что мой дед, по факту, был одним из первых десантников в нашей стране (он командовал взводом в воздушнодесантном корпусе) уже не имели значения, померкли перед моим личным открытием: я уже давно каким-то невообразимым образом угадал место гибели деда и пребывал в этом своем убеждении всю свою жизнь, и, получается, пребывал не зря, не напрасно и, главное, небезосновательно!

4.

Алексеев Иван Тимофеевич родился в 1916 году в с. Сипава Каменского района Свердловской области в крестьянской семье. В семье было семеро детей, пять сыновей. В 1937 г. женился на Белоусовой Анне Афанасьевне. 3 января 1938 года родился сын Виталий, 3 апреля 1941 года – дочь Алевтина. До призыва работал избачом в Сипавской избе-читальне. Призвался в Красную армию в Каменском военкомате в январе 1938 года. Служил в в/ч 3269 203-й стрелковой дивизии (командир бригады – Конинский Василий Алексеевич) в г. Котельнич Кировской области (где у него родилась дочь Аля) Командовал взводом в звании младшего лейтенанта. В мае часть была передислоцирована в Прибалтику, в г. Резекне (Латвия), где из 203-й стрелковой дивизии была сформирована 9-я воздушно-десантная бригада 5-го воздушно-десантного корпуса Прибалтийского военного округа (командующий – генерал-майор Иван Семенович Безуглый) 22 июня 1941 года часть, в которой служил лейтенант Алексеев, находилась на марше из Резекне в Даугавпилс. Без вести пропал в г.

Даугавпилсе предположительно 2 июля 1941 года.

5.

Сейчас я могу почти со стопроцентной достоверностью воспроизвести основные обстоятельства жизни Ивана Тимофеевича. Конечно, это еще не полная биография, многое еще предстоит узнать. Своеобразным завершением моей истории стало мое же участие в проекте «Живая Победа». Само это участие было полно мистических и просто совпадений. Например, к проекту привлекли и мою жену Ирину (артистический псевдоним – Ирма Арендт) в качестве приглашенной модели-актрисы, изображающей знаменитого скульптора Веру Мухину, находящуюся в нашем городе Каменске-Уральском во время эвакуации. Хотя, по всей вероятности, она не могла принимать участие в этом мероприятии (родственники жены в войне не участвовали – русским «фашистам» воевать не разрешали, да и фотографий военной поры у репрессированной семьи поволжских немцев не сохранилось, вернее, просто не могло быть – не до того было в голой казахской степи, куда была выброшена на произвол судьбы и верную смерть моя будущая родня), но это не помешало «повоевать» моей супруге.

Сам я узнал о проекте случайно и в последний момент. Послал фотографии деда и свою наудачу, совершенно не предполагая и почти не надеясь пройти отбор – слишком много «несовпадений» нашел я на посланных мною фотографиях. Однако ответ мне пришел почти мгновенно – примерно через час, и ответ был положительный! Довершением всего стало еще одно неслучайное совпадение: когда я, собираясь на фотосессию, в последний момент полез в книжный шкаф, чтобы достать наугад какую-нибудь книгу для временного хранения-переноски фотографии деда, моя рука «выбрала» сборник «Вечный огонь. Поэты одного города о войне», в которой среди стихов каменских авторов было опубликовано и мое стихотворение!

Я не особенно надеялся, что попаду в проект «Живая Победа», несмотря на то, что очень желал этого, видя в участии, помимо общепонятных побуждений, только мне одному доступные смыслы и символы. Но случилось!

И вот меня облачили в форму военного, вернее, «довоенного» образца – без погон, убрали гримом временные несоответствия, несколько скрыв разницу в возрасте. И вот я уже сижу перед объективом фотокамеры и, как в свои детские годы, представляю себя, нет, даже не в роли моего деда, а именно им: будто это я-он снимаюсь на предвоенную карточку перед спешной отправкой на фронт. Снимаюсь, чтобы оставить о себе хоть какую-то память у жены, детей, внуков... Вот он-я, смотрящий в объектив, как в неизвестность, в будущее. А оттуда, из объектива, на меня смотрят глаза моих грядущих потомков – мои собственные глаза. Отражение меня в будущем, в настоящем...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Творческие способности деда Ивана отразились на его старшем сыне Виталии Ивановиче. В молодости «дядя Витя» писал стихи, всю жизнь проработал трактористом, но сумел сохранить чуткость к живому поэтическому слову, я не раз видел его плачущим над песней или стихотворением. Подробнее про моего дядю Виталия – в моем воспоминании «Про красные штаны и солдатские погоны»: «...Был у меня дядя – родной мамин брат Виталий Алексеев, леле Витя (так на Урале зовут крестных отцов – леле, от «лелеять, лелекать, лелекать», что пошло, кажется, от славянского бога любви и брака Леля). Леле Витя существенно повлиял на меня, на мое развитие, хотя почти всю свою сознательную жизнь прожил на Украине. Дядя любил поэзию,

это он дал мне имя – в честь своего любимого поэта Сергея Есенина. В молодости дядя сам писал стихи, немного играл на семиструнной гитаре. У него были большие деревенские руки-работяги, такие, что пальцы, расширяющиеся к кончикам, зажимали сразу по две струны. Мне, мальцу, это было удивительно, я завидовал дяде: с такими руками можно никого не бояться и на гитаре легче играть, потому что для игры необходимо значительно меньшее количество пальцев, чем обычным людям. Короче, понятно, что дядю я очень любил, гордился им и слушался больше, чем бабушек и родителей. Еще у меня были красные штаны, которые я тоже очень любил. И ходил только в них, не давая надевать на себя что-либо другое, хотя ходить мне было особо некуда: в детсад и обратно. Мои родители сильно переживали по этому поводу – не потому, что в деревне было некуда выйти, а потому что им было стыдно, что сын ходит в одних и тех же «портках», причем, весьма старых и обветшалых. И поэтому, едва дождавшись первой серьезной дырки на брючках, с радостью пустили их на ремки-половики. И когда утром я обнаружил пропажу любимой вещи, весьма огорчился по этому поводу. Грянул скандал: я наотрез отказался идти «на работу». Выручил, как всегда леле Витя: «Что за слезы? Ты же будущий солдат! А солдаты не плачут!» С этими словами он сшил из остатков штанов настоящие красные (!) солдатские погоны... После чего радостный «служивый» был торжественно препровожден «под конвоем» к месту «дислокации». Впоследствии, погоны неоднократно перешивались на разные «гимнастерки». ...Я был слишком мал, несмышлен и не сохранил дядины юношеские песни и стихи (он, покинув родину, писать перестал). Но одна песня в памяти сохранилась, и я впервые ее исполнил, когда надел на плечи настоящие погоны...

Виталий Алексеев
СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА

Кто не был солдатом – не знает, поверьте,
как счастлив и радостен он,
когда в голубом или сером конверте
письмо принесет почтальон.

Когда далеко до родимого дома
и где-то осталась любовь,
тогда-то и почерк до боли знакомый
тревожит солдатскую кровь.

Чтоб помнить родные, любимые руки,
когда-то ласкавшие нас, –
пишите нам чаще, пока мы в разлуке.
Нам это так нужно сейчас!

Солдатские будни хотя и тяжелы, –
причины печалиться нет!
И только тогда мой земляк невеселый –
когда не получит ответ...

В.И.Алексеев (03.01.1938–17.04.2006)

[2] В своих мысленных обращениях к своему деду, в рассказах о нем я всегда называл его именно «дед», а не по-домашнему «дедушка». Видимо, потому что никогда не видел его, не знал его ласк и наказаний за детские шалости и проказы, не слышал его советов, напутствий, рассказов о войне. Поэтому между нами всегда дистанция, стена, временная брешь, вырванная с корнем и кровью войной. Да и странно называть дедушкой 25-летнего молодого мужчину! Только «по факту», официально-документальному свидетельству – дед...

ДОПОЛНЕНИЯ:

Информация из приказа об исключении из списков

ID 73962468
Фамилия Алексеев
Имя Иван
Отчество Тимофеевич
Дата рождения/Возраст __.__.1916
Последнее место службы в/ч 3269
Воинское звание мл. лейтенант
Причина выбытия пропал без вести
Дата выбытия __.07.1941
Название источника донесения ЦАМО
Номер фонда источника информации 33
Номер описи источника информации 563783
Номер дела источника информации 47
https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=73962468

Источники:

Алексеев, Иван Тимофеевич. [электронный ресурс] // Помни меня[сайт]. Москва - http://www.pomni.is74.ru/person/94905/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2

Алексеев, Иван Тимофеевич. [электронный ресурс] Обобщенный банк данных «Мемориал» – банк данных о защитниках Отечества, погибших, умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период. // МЕМОРИАЛ[сайт]. Москва – https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=73962468

Симанов С. Памяти деда Алексеева Ивана Тимофеевича. [электронный ресурс] // Сергей Симанов (Кумохоб)// СТИХИ.РУ [сайт]. Москва – 08.05.2016 23:48 https://www.stihi.ru/2016/05/08/10772

Симанов С. Про красные штаны и солдатские погоны. [электронный ресурс] // Сергей Симанов (Кумохоб)// СТИХИ.РУ [сайт]. Москва – http://www.stihi.ru/2017/06/13/5415

Симанов С. Про красные штаны и солдатские погоны. [электронный ресурс] // Сергей Симанов (Кумохоб)// ПРОЗА.РУ [сайт]. Москва - http://www.proza.ru/2017/10/14/1126

Алексеев Виталий. Солдатские письма. [электронный ресурс] // Виталий Алексеев // литературный клуб «Феникс» [сайт]. Каменск-Уральский – http://litclub-phoenix.ru/publ/118-1-0-572

«Провожала бабушка» (видеоролик) исполняют Сергей Симанов и Виктория Закария https://www.youtube.com/watch?v=c6ekh11sML8

Фото: #живаяпобеда #президентские-гранты

Человек всегда должен оставаться непреходящей ценностью, преломляя в себе и времена, и нравы, понимая, что большая история начинается с малой – с него самого, с его семьи, с его рода. В каждой малой вещи, как учит платоновская диалектика, мы должны видеть отражение всеобщих законов. Только в этом случае история перестает быть нагромождением фактов, дат и документов и становится живым повествованием, поучительным и полезным для будущих поколений.

Эти мысли и стали движущей силой в написании классических биографических очерков, которые составляют суть книги о Полянцевых. В каждом из них – итог многолетней работы по сбору документального материала, записи воспоминаний. Начало было положено Георгием Алексеевичем Полянцевым, которому в советские годы не раз приходилось слышать в отношении биографии своего отца или деда стереотипный отказ: «Это – закрытая тема». Продолжил «собирать книгу» его сын, Олег Георгиевич, запрашивая архивы и не давая покоя родственникам просьбами написать воспоминания и найти недостающие документальные звенья. А первый биографический свод, который с благодарностью задействован в этой книге, составил в начале 2000-х годов ныне ушедший из жизни челябинский писатель и журналист Александр Афанасьевич Золотов. И только теперь доработанная и основательно дополненная история рода Полянцевых, сопровожденная уникальными фотографиями и документами из семейного архива, в год столетия со дня рождения Георгия Алексеевича и Ольги Григорьевны Полянцевых, оделась в книжную обложку и увидела свет...

ВСПОМНИМ ДОРОГИЕ ИМЕНА

Нет, это не заслуга, а удача –
Стать девушке солдатом на войне.
Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в День Победы стыдно было б мне! ..
Юлия Друнина

Антонина ХЛЫСТИКОВА

Научный сотрудник Литературного музея Степана Щипачева, г. Богданович.

На самой страшной войне XX века женщины стали солдатами. Никогда в истории человечества столько женщин не участвовало в военных действиях.

Вчерашние школьницы и студентки становилась не только сестрами милосердия или санитарками, они не только спасали и обстирывали, они стреляли из снайперской винтовки, передавали фронтовые донесения, становились оружейниками, разведчицами, зенитчицами.

В послевоенное время в Богдановиче и Богдановичском районе жили 137 женщин-ветеранов.

За участие в Великой Отечественной войне орденом Красной Звезды награждены: Антонина Григорьевна Бубенщикова, санитарный инструктор; Любовь Федоровна Ишимбаева, связистка; Таисья Гавриловна Козловская, старшина медицинской службы.

Нина Тимофеевна Шишкина, секретарь-шифровальщик, награждена двумя орденами Красной Звезды;

Ксения Александровна Коковина, лейтенант медицинской службы, также награждена двумя орденами Красной Звезды.

Тринадцать девушек были награждены медалью «За боевые заслуги». Самой главной солдатской медалью «За отвагу» награждены семь наших землячек.

Какими они были девушки, ушедшие на войну? Как воевали? Что пережили?

В 2000 году в музее состоялась презентация документальной книги «Была война», изданной по материалам, которые собрала ветеран Великой Отечественной войны Ю.А.Кобелева. Она продолжала службу после войны в военкомате Богдановича, помощником начальника по учету военнообязанных.

Благодаря Юлии Андреевне в мою жизнь вошли женщины – участницы Великой Отечественной войны.

Альбом большого формата с наклеенными фотографиями и документами Юлия Андреевна подарила музею двадцать два года назад.

В апреле 2000-го мы сделали компьютерный набор текстов, написанных от руки, сканировали фотографии и в канун 55-летия Великой Победы собрали в музее на презентацию женщин, участниц Великой Отечественной войны, которые жили тогда в Богдановичском районе. На ту памятную встречу пришло 55 фронтовичек.

С того времени женщины стали собираться в музее несколько раз в год. Некоторые из них сделались постоянными посетителями и участниками музейных событий: Юлия Андреевна Кобелева, Га-

Ветераны Второй мировой у музея.

Л.Ф.Ишимбаева.

А.И.Буштухина.

Э.Ю.Воробьёва.

лина Ивановна Алимпиева, Александра Андреевна Соболева, Этя Юльевна Воробьева, Анастасия Григорьевна Стражевич...

Вспоминаю, как стала приходить в музей Ирина Петровна Ивашина, которая всех сотрудников одаривала кружевными воротничками собственного рукоделия. Дарила кружева не только музейщикам, а всем, кто ей нравился в музее. Приходила с гитарой и пела тоненьким, дребезжащим голоском русские романсы, сама себе аккомпанируя. Выучилась играть на гитаре в шестьдесят лет! Говорила, что всю жизнь мечтала об этом.

Александра Соболева приносила в музей сласти для чаепитий, часто приглашала меня в гости на улицу Партизанскую. Она даже подарила в музейную коллекцию безмен – старинные весы.

Надо признаться, что тот альбом пролежал в музее почти два года. Я его поначалу только пролистала.

Приближалось 55-летие Великой Победы, и вот тогда – достала альбом...

На работе в те дни никак не удавалось прочитать написанные от руки далеко не каллиграфическим почерком записи Юлии Андреевны Кобелевой о ветеранах. Я унесла альбом домой и, вернувшись в тот день после весенних работ с дачи, времени было около полуночи, стала читать эти безыскусные строки о военных событиях, выпавших на молодость женщин, которым было тогда уже 75–80 лет.

Это однообразие дат, событий: родилась в 1923 (1924, 1925), окончила семь... десять классов, училась в фельдшерской школе, работала на заводе, в колхозе... И эта одинаковость: была мобилизована, направлена на курсы... Я читала альбом до самого утра, потрясенная не пафосными воспоминаниями, а почти анкетными данными, всё повторяющимися от судьбы к судьбе.

Сколько им было тогда в 1943, в 1944? Восемнадцать только исполнилось!

Читаю: Вера Брюхова мобилизована была из деревни Брюхово, Татьяна Мухина – из деревни Шермейка Бардымского района, Мария Калабина из деревни Ошья Куединского района. В те годы это была Молотовская область, теперь Пермский край.

Это с моей родины! Из тех глухих и бедных деревень, которые я запомнила с детских лет.

В книге «Была война» 114 фамилий, 114 дорог. Многих женщин к тому времени, когда я подписывала издание книги в печать, уже не было на этом свете.

После той первой встречи они стали приходить в музей или я навещала тех, с кем особенно подружилась. Пыталась разговорить участниц великих событий. Но очень редко случалось вызвать кого-нибудь на откровенные воспоминания. Чаще всего они были стандартными. Многие фронтовички унесли с собой в мир иной тяжелую память о войне. Возвращаясь, некоторые скрывали свое военное прошлое. Такое было время...

О женщинах-ветеранах Великой Отечественной войны я часто рассказывала на уроках истории в нашем музее.

ДЕВУШКА ИЗ БЕЛЕЙКИ – СНАЙПЕР

Галина Пермикина родилась в 1924 году в Белейке. В Кунаре окончила 7 классов, в Свердловске выучилась на швею. После войны вернулась на станцию Богданович, работала продавцом. Награждена знаком «Отличник советской потребкооперации».

А весной 1944 года, когда ей еще не исполнилось двадцати, была мобилизована в школу снайперов, в Подольск. 800 человек учились вместе с ней полгода, а только 40 стали снайперами. Галина Пермикина в звании сержанта была направлена в Висловский Краснознаменный полк, во вторую роту. Первый Украинский фронт.

На фотографии она с подругой в Праге. Награждена медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Праги».

Снайпером на войне воевала девушка с Урала! Я спросила ее

Снайпер Пермикина-Вольхина Галина Яковлевна (справа) с подругой.

однажды, сколько на ее счету убитых фашистов? Она не ответила...

В последние годы, говорили, часто молилась: ее мучили воспоминания об убитых. Стал болеть глаз, она ходила долгое время с повязкой.

ДВЕ ЗЕНИТЧИЦЫ

Раиса Пермикина родилась в селе Тыгиш. Здесь окончила 8 классов.

Ольга Палёных родилась в деревне Покровка в Тюменской области, у нее 4 класса деревенской школы.

Их фронтовые дороги начались летом 1943 года и завершились в августе 1945. Война на всю жизнь соединила их.

Боевые подруги часто вспоминали, как 9 апреля 1944 года их батарея стояла на станции Фастов, что юго-западнее Киева, на охране эшелонов с боевыми припасами, предназначенными для дальнейшего наступления нашей армии. Немцы бомбили станцию и раньше, но в тот день был массовый налет фашистской авиации.

– Наш заградительный огонь был почти сплошным, но несколько немецких самолетов прорвались и сбросили бомбы на эшелоны. И что тут началось! Земля встала стеной: сплошной огонь, треск, разрывы, вагонные доски и целые платформы – всё взлетало с грохотом и гулом. В таком аду человеческого голоса не было слышно. Как было страшно! А мы стреляли по немецким самолетам до самого конца из всех наших огневых точек. Такой бой до самой смерти останется в памяти.

Женщины рассказывали об этом, дополняя друг друга, вспоминая пережитое.

Фронтовые подруги-зенитчицы встретились неожиданно после войны в Богдановиче, на праздничном митинге в честь дня Победы.

Раиса Федоровна Пермикина жила в Тыгише, работала дояркой в колхозе «Родина» и была награждена за свой труд орденом Ленина!

Фронтовые подруги О.Паленых и Р.Пермикина.

Ольга Трифоновна Палёных жила в городе, на Рокицанской, работала на разных предприятиях.

В музее на встречах они садились всегда рядышком. И на фронтовой фотографии они вместе, они навеки молодые.

«А Я ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ЖДАЛА ВАНЮ ШИТИКОВА...»

Елизавета Чеканова родилась в 1924 году в селе Байны. До войны поступила в Свердловскую медицинскую школу, работала в госпитале. Ее фронтовой стаж с августа 1943 года до августа 1947. По многим фронтовым дорогам вслед за наступающей армией прошла Лиза Чеканова: выхаживала бойцов, ночами стирала бинты, потому что не хватало перевязочных материалов, недосыпала, недоедала.

День Победы Лиза встретила в Восточной Пруссии. Тогда же и полюбила Ваню Шитикова, которого выходила в госпитале. Героического бойца Ивана Шитикова направили в Москву для участия в Параде Победы. Уезжая, Ваня просил ее адрес. «Я адрес не дала, – сокрушалась Елизавета Егоровна, – вспомнила о матери. Вдруг придет письмо без меня, и мама спросит: «Ты чем там на фронте занималась?»

А потом, когда вернулась в село, я двадцать лет ждала Ваню. Он был из Курска. Прождала и замуж не вышла».

Медсестра Елизавета Чеканова награждена тремя медалями: «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией», «За Победу над Японией».

Вернувшись с фронта домой, поступила, ожидая письмо от Вани, работать на почту, в селе Троицкое. Так и проработала там всю жизнь. За свой труд награждена орденом «Знак Почета».

Администрация города переселила ее из села в новый дом, построенный за городской больницей. Она жила до этого в разрушающемся здании почты. Когда

Е.Е.Чеканова.

переехала, сотрудники музея по праздникам навещали ее. Однажды мы пришли в День российской почты и принесли ей в подарок памятную тарелку, изготовленную в Богдановиче. Она с радостью приняла подарок: на тарелке был изображен архангел Гавриил, покровитель почты.

В Богданович из Троицкого перевезла целый шкаф книг. Ее любимое чтение – книги по истории нашего Отечества.

А еще, вместе с ней жила родственница, инвалид, которая была значительно моложе Елизаветы Егоровны, а сердобольная ветеран Великой Отечественной войны опекала ее, ухаживала за ней, хотя сама передвигалась с помощью костылей.

«ВЕРНУСЬ, ТОГДА И ЗАКОНЧУ!»

Александра Соболева на войну ушла из Нижнего Тагила, работала секретарем у председателя исполкома. Повестку принесли в воскресенье, она вышивала кофточку. Отложила рукоделие и сказала матери: «Вернусь, тогда и закончу!» Вернулась, вышила свою кофточку и долго носила ее после войны.

А служила она на Карельском фронте на аэродроме, оружейником. В 80-е годы ездила туда на встречу фронтовиков. Рассказывала нам, что именно в тех местах снимали фильм «А зори здесь тихие...»

Александра Андреевна рассказала мне и о том, как однажды начальник аэродрома перед строем грозно заявил, обращаясь к мужчинам: «Вот, кто эту девочку тронет, пристрелю!» – и указал на нее.

Я ходила в тот день зареванная. Накануне меня вызвал к себе старшина и стал приставать, я вырывалась, но он все-таки поцеловал меня два раза.

Была тогда наивная, ничего не понимающая, решила, что я теперь не чистая, кому я нужна буду. Долго ревела и решила повеситься. Подруга моя меня уговорила этого не делать и доложила начальнику аэродрома.

Александре Андреевне Соболевой военные документы пришлось восстанавливать. Она их сожгла, когда вернулась с фронта.

У нее не было детей: тяжелой для девушек была служба на аэродроме. Каждая бомба весила около сорока килограммов. Сколько их надо было поднять, снаряжая самолет в боевой вылет!

Умерла она в больнице, в Байнах. Ее родственники туда отправили сразу же после составления завещания.

ДЕВУШКА ИЗ КАШИНО

Нина Шишкина родилась в 1919 году в селе Кашино. Теперь это деревня в городском округе Богданович. Окончила на станции Богданович среднюю школу, работала на огнеупорном заводе. В 1941 году на территории Сухого Лога и станции Богданович формировалась 167-я дивизия.

Дважды Краснознаменная Сумско-Киевская стрелковая дивизия от Воронежа шла к Победе до Праги. И вместе с ней – младший лейтенант Нина Шишкина из Кашино. В этой дивизии она служила в отделе контрразведки «Смерш» – «Смерть шпионам» на должности машинистки и секретаря шифровальщика.

Нина Шишкина-Ричняк награждена медалью «За боевые заслуги» и двумя орденами Красного

Н.Т.Шишкина-Ричняк.

Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, Чехословацкой медалью «Моравская Острава». А Почетным знаком Советского комитета ветеранов войны ее наградили за большую патриотическую и воспитательную работу по пропаганде боевых традиций в школах и предприятиях города после войны.

Посмотрите на фотографию Нины Шишкиной, сделанную в Праге, в Победном – 45-м.

Строгое, волевое, благородное лицо. Русская красавица!

Нина Тимофеевна Шишкина-Ричняк не дожила до своего 90-летия всего четыре месяца, и до последних дней жизни была истинным патриотом, человеком с активной жизненной позицией.

«ПОМНИТЕ МЕНЯ!»

Другая участница войны из Кашино – Анна Дворникова. У нее иная биография. Родилась 9 мая 1926 года. Окончила семь классов и работала на свиноферме колхоза «Искра». В шестнадцать лет вступила в комсомол. Весной 1943 года написала заявление и ушла на фронт. Была зачислена в пятый батальон ВНОС – воздушное наблюдение и оповещение связи, разведчиком-наблюдателем. Потом переведена была в зенитно-артиллерийские войска Второго Украинского фронта. Зенитчица. Рядовая.

После войны работала в колхозе, потом на Сухоложском цементном заводе. Ветеран труда Анна Ивановна Дворникова-Буштухина была награждена знаками: «Ударник коммунистического труда», «Победитель социалистического соревнования», «Ударник десятой пятилетки».

Десятая пятилетка эффективности и качества закончилась в 1980 году. Анна Ивановна через год вышла на заслуженный отдых. Доживала в своей новой однокомнатной квартире. Пока болезни не уложили ветерана, пела в хоре, была веселой и насмешливой. Когда тяжело заболела, я навещала ее несколько раз. У нее было одно очень страстное желание: «Помните меня!»

С МАТЕРИНСКИМ БЛАГОСЛОВЕНИЕМ

Любовь Колеватова родилась в Кировской области, в глухой деревушке Колеватово. В семье было семеро детей, она – вторая.

Когда началась война, на фронт ушли отец и старший брат. Брат с фронта написал, что скоро будут призывать девушек. Люба была единственная в деревне, кто окончил десятилетку, единственной девушкой, которую призвали защищать Родину.

Мать, собирая Любу в дальнюю дорогу, подала ей мешочек, а в нем – два крестика, иконка на картоне, молитва, написанная от руки, серебряная денежка, моток ниток и сухарики в тряпице.

«Храни, доченька, этот мешочек. Пока хранить будешь – будешь жива».

Фронтовыми дорогами от Смоленска до Берлина прошла Любовь Колеватова, связист-телефонист 912-го отдельного батальона связи 207-й стрелковой дивизии Первого Белорусского фронта. Вместе с подругами Шурой Машкиной и Аней Гусевой по очереди дежурили на посту в узле связи.

– Шура смелой была, на задания по восстановлению связи первая шла, дважды была ранена. Однажды, еще в Прибалтике стояли, я была на боевом посту, у коммутатора. Шура Машкина пришла меня сменить. И тут начался ураганный обстрел. У землянки разорвался снаряд, нас накрыло взрывной волной. Шуру ранило осколком в голову и повредило нос. Меня не задело, – вспоминала Любовь Федоровна.

– Девушке на войне труднее всех приходилось. Бывало, месяцами не мылись, спали на земле, застеленной плащ-палаткой, в головах – вещмешок, укрывались шинелью. Приходилось преодолевать иногда по 30–40 километров. Не всегда ребята могли помочь нести рацию. Не раз во время боя или, когда под взрывами ползла восстанавливать связь, шептала: «Прощай, мамочка! Прощай, родненькая!»

– Я первая из подруг получила знак «Отличный связист» и награждена была орденом Красной Звезды, – об этом мне рассказала Любовь Федоровна.

Она была дисциплинированной и очень исполнительной радисткой. Ее позывной: «Ромашка».

В Богдановиче семья Колеватых-Ишимбаевых проживает с 1967 года. Любовь Федоровна работала в исполкоме, в комиссии по делам несовершеннолетних, потом в детской библиотеке.

В День Победы, после митинга, все собирались за праздничным столом – дети, внуки, гости. В центре – Любовь Федоровна в своем парадном костюме: на пиджаке семнадцать правительственных отличий. На видном месте – китель мужа, подполковника медицинской службы.

Поздравление президента она поручала за праздничным столом зачитать мне, только в День Победы распечатывала его.

С почтением, уважением относились дети и взрослые внуки к своей героической и строгой матери и бабушке.

В последние годы жизни она совсем не выходила из квартиры, плохо видела, часто хворала, но сумела написать историю своего боевого пути и фронтовую биографию мужа, командира медико-санитарного батальона, которого встретила на фронте в самом конце войны. Они прожили вместе 46 лет.

А тот намоленный мешочек, полученный из материнских рук, хранила всю жизнь. В нем полуистлевшая иконка и молитва «Живые в помощи», которую уже трудно прочесть, спутанные нитки, сухарики в тряпочке. В мешочке было два крестика, один сломался пополам.

На войне ни разу не была ранена – такова сила материнской молитвы!

«...БЫТЬ МОЖЕТ, И БУДУ ЖИВА...»

Клара Русалина из деревни Поджуково Байновского сельсовета (теперь этой деревни нет) после окончания 7 классов поступила в Сухоложское медицинское училище. В 1942 году была мобилизована на фронт.

На фотографии – почти детское лицо, беленькая, с косами. В альбоме – два ее письма с фронта. Вот одно из них: «Здравствуйте, мои дорогие папа, мама и Тамара!

За последнее время я что-то в особенности часто вспоминаю вас и очень скучаю. Не знаю, чем это объяснить, но я сейчас бы на крыльях к вам улетела. Уже будет скоро год, как я не видела вас. Живу пока ничего, но это только пока, а дальше и не знаю, что будет. Сейчас стоим на одном месте, не движемся, но уже фрицы на Орловско-Курском и Белгородском направлении наступают. Целый день и ночь слышна артканонада оттуда, так что, наверное, и у нас не замедлит. А жива буду или нет, не знаю. Как-никак, а мы стоим километрах в 11–12 от фрицев, так что нас легко достанут и самолеты, и артиллерийский огонь. Но вы не беспокойтесь, быть может, и буду жива, но все-таки наступление, т.е. борьбы не избежать.

Разобьем фрицев, тогда уже я приеду к вам, только не плачьте и не волнуйтесь. Пока. Целую вас. Ваша дочь Клара».

Спасая раненых при бомбежке, Клара Русалина получила осколочное ранение в живот. Домой в село Байны пришла похоронка: «Ваша дочь, сержант Русалина Клара Николаевна, уроженка Свердловской области, в бою за

социалистическую Родину, верная воинской присяге, проявив геройство и мужество, была ранена 11.08.43 года. Умерла от ран 12.08.43 года. Похоронена в д. Бра-Четыревка Кировского района Смоленской области».

Погибли, спасая с поля боя раненных, Антонина Бубенщикова из села Чернокоровского, Александра Пургина из села Троицкое... У них не осталось ни детей, ни внуков.

Сегодня, уже как свечи, погасли жизни боевых подруг Раисы и Ольги, зенитчиц Первого Украинского фронта. Давно нет на земле кашинских красавиц: зенитчицы Второго Украинского фронта Анны Дворниковой и Нины Шишкиной, шифровальщицы Смерша.

Юлия Андреева Кобелева умерла 12 июня 2001 года. Галина Ивановна Алимпиева-Лоскутова умерла 25 ноября 2004 года. Сажина-Стражевич Анастасия Григорьевна умерла 20 июня 2017 года...

Ушли те, кто в страшные годы военного лихолетья отдал свою молодость Родине.

В городском округе Богданович из всех женщин, участниц Великой Отечественной войны, осталось только трое.

Надежда Григорьевна Хлюпина, санитарка Третьего Белорусского фронта, который год не поднимается с постели: за ней трепетно ухаживает ее милосердная дочь Анна, сама уже в летах немалых.

В селе Троицком живет Анна Петровна Никитина-Силаева. Перед войной окончила Сухоложскую двухгодичную школу медицинских сестер. Работала в госпитале в Камышлове. С августа 1943 года – на фронте. Эвакогоспиталь Центрального, позднее Третьего Белорусского фронта. ЭГ № 1707: Калуга, Смоленск, Вильнюс, Кенигсберг.

После Победы над фашистской Германией весь личный состав медицинского персонала был переведен в эвакогоспиталь № 1449 и направлен в распоряжение Второго Дальневосточного фронта. Сержант Анна Никитина демобилизовалась 26 января 1946 года.

К.Н.Русалина, медсестра.

Вернулась домой и до самой пенсии работала медицинской сестрой в Байновской больнице. В селе Троицком ее знают. Ветеран труда Анна Петровна Никитина-Силаева была активной участницей общественной жизни больницы, часто выступала перед школьниками.

В 2022 году ей исполнится 100 лет!

Моя любимая Этя Юльевна Воробьева на ногах, слаба уже, но каждый день готовит первое и второе на обед для себя и своего мужа Анатолия Алексеевича. 10 марта ее поздравляли с юбилеем. Военной телефонистке исполнилось – 95 лет! Ее поздравлял глава городского округа П.А.Мартьянов. Из Уральской коллегии адвокатов приезжали в этот день с поздравлениями. Этя Юльевна окончила после войны юридический институт и скоро исполнится 70 лет, как она приехала в Богданович.

Здесь ее знают, она была высокопрофессиональным адвокатом.

Этя Юльевна – книгочей каких поискать! Мы последние три года читаем почти одни и те же книги, делясь новинками.

Она с интересом читает литературные мемуары, дважды перечитала историю про Зулейху. В семейной библиотеке – подписные издания русских классиков, но больше всего книг, посвященных Великой Отечественной войне.

Родилась Этя Юльевна Коган в Днепропетровске, окончила 10 классов. Отец перед войной получил назначение на работу по укреплению западных границ.

22 июня 1941 года проснулись от взрывов. В этих условиях руководители объекта организовали эвакуацию. Добрались до родного города и потом вместе с эвакуировавшимися заводами выбирались на Урал. Работала в Кургане на военном заводе № 761. В июле 1943 года Этя Коган была мобилизована Курганским военкоматом и направлена на курсы радисток. Служила в 4-м полку службы ВНОС – воздушное наблюдение и оповещение связи, Второй Украинский фронт. Уволена в запас в мае 1945 года.

Война осталась в памяти тяжелым, неженским испытанием. Этя Юльевна не любит вспоминать о ней.

– Вот один счастливый день остался в памяти. В расположение части приехала кинопередвижка. Демонстрировали фильм «Леди Гамильтон». Сидели в огромной воронке от разбитого бомбой железнодорожного депо.

На экране – обворожительные дамы в роскошных туалетах, а мы в тяжелых сапогах не по размеру, в застиранных гимнастерках, сидим на земле. Фильм несколько раз прерывался из-за налетов вражеской авиации. Но волшебная сказка осталась в памяти.

Мы часто с Этей Юлевной забываем о времени в долгих разговорах. Ей интересно всё: события в музее, городе, стране. Она живет с доброй и благожелательной памятью о людях, с которыми ее сводила судьба.

В свои легендарные лета удивительно красива, умна и полна интереса к жизни. С ней можно говорить обо всем.

Позволь ей, Господь, пожить на этой земле и праздновать новые юбилеи.

ПИСЬМА НА ФРОНТ, ПИСЬМА С ФРОНТА

Нина ЕРОФЕЕВА

Член Союза журналистов СССР, заслуженный работник культуры РФ. г. Екатеринбург.

Мои сверстники должны помнить эту радиопередачу – «Письма на фронт, письма с фронта». Ее в годы войны – в годы нашего детства слушали с не меньшим вниманием, чем сводки Совинформбюро. Моя мама, уходя на работу, наказывала мне: «Слушай! Может, про папу что-то скажут...» Кроме моего отца, на фронте был мамин брат-летчик, несколько двоюродных родственников... Я, далеко не всегда послушная, неукоснительно исполняла мамину просьбу. Сотни имен, для кого-то родных, желанных, приносил радиоэфир, но только не наших. В 1980 году я, радиожурналист, готовя программу к 35-летию Победы вспомнила о той передаче.

В Центральном архиве Октябрьской революции они молчаливо лежат теперь в толстых папках, под инвентарными номерами, пришитые одно к другому, истлевшие по краям. Письма живых людей, страдавших, мучившихся в разлуке, испытавших зверства фашистов, смертельную опасность, все тяготы фронтовой жизни, но непоколебимых в своей вере. Строчки, написанные на немыслимых клочках бумаги – оборотной стороне каких-то бланков, на полях армейских газет, тетрадных корочках, до сих пор жгут руки, разрывают сердце. От них идут живые токи великой любви и беспощадной ненависти.

Эти письма приходили на Всесоюзное радио. В них – приветы родственников, земляков фронтовикам и весточки бойцов родным и знакомым в тыл, в них надежда найти своих близких, затерявшихся в потоке беженцев, в передвижениях воинских частей...

В архивных папках и письма наших земляков-свердловчан, красноуральцев, гаринцев...

Как звучала эта передача, по моим воспоминаниям? Из черной тарелки радио сквозь какие-то бульканья, трески прорывался голос диктора: «Внимание! Передаем письма с фронтов Великой Отечественной войны.

Слушайте письмо танковой бригады, сражающейся на Западном фронте.

«Товарищи уральцы! Озверелые фашистские орды стремятся прорвать нашу оборону родной столицы. Мы знаем, что борьба будет тяжелой и кровопролитной. Но лозунг уральцев: «Победа или смерть!»

От вас, уральцы, Родина и фронт ждут сейчас боевой работы.

Больше металла! Больше оружия и боеприпасов! За великую Родину, за вас, дорогие земляки, мы идем в бой!

По поручению личного состава политрук Шатохин».

Это письмо было передано по Всесоюзному радио зимой 1942 года, когда враг рвался к Москве.

Какой отзвук нашла эта горячая просьба тогда здесь в тылу, в бессонных металлургических цехах старейшего Верхисетского завода?

Спустя десятилетия я встретилась с мастером сталеплавильного цеха Николаем Николаевичем Дуевым. В 1942-м ему исполнилось 16 лет. Он только пришел на завод, проводив отца на фронт. Ничего не умея, стал подручным сталевара, как и другие такие же пацаны. По 12 часов у огненной печи – подругому нельзя было, потому что фронт ждал оружие, потому что отец обращался к нему в письмах с такой пронзительной личной просьбой: «Ты, сынок, пока не дорос, чтоб пойти на фронт. Но раз ты связал свою судьбу со сталью,

Наши дела еще молодые. Скоро узнаете новые боевые дела и подвиги «Свердловского комсомольца»
…ты Комсомольцы и Молодежь!, Помогайте нам громить врага своим трудом в тылу.
Каждый сверхплановый танк, самолет, оружие снаряд, каждый сверхплановый гектар засеянной вами земли в колхозах, ускоряет разгром ненавистного всем нам врага.
Больше сил на разгром врага!
Пишите нам боевые друзья тыла о Ваших подвигах, о Ваших трудовых делах на трудовом фронте; Крепче держите с нами связь.

Адрес:
Полевая Почтовая Станция
№ 25681 В
гв. тех.-л-ту Леониду Никоновичу
Мосендзу,
гв. тех.-л-ту Байтурин Саидибеку

3) ПРИВЕТСТВИЕ
ВОСПИТАННИКАМ УРАЛЬСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО
ИНСТИТУТА ИМЕНИ С.М. КИРОВА
НАХОДЯЩИХСЯ В РЯДАХ КРАСНОЙ АРМИИ. 214

Дорогие товарищи фронтовики! Комсомольцы института, собравшись на общеинститутское комсомольское собрание, шлют Вам, славным рыцарям нашей эпохи, свой горячий пламенный комсомольский привет.
Где бы Вы ни находились: на Днепре или Буге, под Нарвой или в снегах Карелии, пусть Вам сопутствует боевая удача.
Мирно и весело текла наша студенческая жизнь. Окруженные материнской заботой нашей Родины, мы учились, готовясь стать советскими инженерами, танцевали, веселились, ездили на экскурсии, катались на лыжах.
Вероломный враг нарушил нашу мирную жизнь, и Вы сменили студ. портфель на походный ранец солдата.
Третий год длится героическая борьба нашего народа.
Доблестная Красная Армия, ведомая стратегическим гением Великого СТАЛИНА, наносит сокрушительные удары по немецким захватчикам, изгоняя их из советских сел и городов.
Мы гордимся Вами, наши дорогие друзья. Мы гордимся тем, что грудь наших воспитанников тов. Бадьина, Сыромятникова и Оникина украшает сверкающая звезда Героя Советского Союза.
Оставшись в далеком тылу, мы прилагаем все силы, чтобы быть достойными Вас, дорогие товарищи фронтовики.
В тяжелые дни для нашей Родины мы не только учимся, а и работаем на заводах, помогаем колхозам, работаем на стройках.
Грозной поступью идете Вы на Запад по широким дорогам войны, и уже гремит артиллерийская канонада, на западных границах нашей Родины. Советские люди, пережив весь ужас немецкой оккупации, выходят из глубоких подвалов, встречая солнечное утро своего освобождения. Мы верим, что Вы высоко несете замечательные традиции нашего Уральского Индустриального института, и бьете врага наповал,

Настанет день, огромный словно море,
И радость снова воцарится тут,
И в трещинах Карпатских плоскогорий,
Пурпурные тюльпаны расцветут.

Настанет день – день нашей победы!
Мы встретим Вас, овеянных славой и дымом великой Отечественной войны. А теперь, пока еще ненавистный враг топчет нашу землю, будем вместе – Вы на фронте – Мы в тылу, общими усилиями приближать день победы и счастливой товарищеской встречи.
Будьте здоровы, родные! Сообщите нам свои адреса.
Желаем счастья и боевых успехов.
Слава нашим защитникам – воинам доблестной Красной Армии!

По поручению собрания
члены президиума: Акарцева [подписи]

31 марта 1944 года.

Ксерокопии фронтовых писем из Центрального архива Октябрьской революции (ныне – Государственный архив Российской Федерации).

так давай, по силе возможности, помогай нам».

Мальчишки не знали, как варить нержавеющую сталь для брони – хромансиль, но они ее освоили всего за две недели – на удивление визовским ветеранам.

Ответ на письма с фронта был один: «Дадим сверхплановую сталь».

Письма... Письма, датированные 1941, 42, 43 годами.

От коллектива Уралмашзавода фронтовикам-гвардейцам Н-ской части.

«Мы гордимся вашей оценкой боевого оружия, изготовленного нами. Коллектив завода объявляет стахановскую вахту в честь 27-й годовщины Красной Армии».

Слова привета в действующую армию от рабочих Красноуральского медеплавильного завода: «Дорогие товарищи! Бейте фашистских гадов, а мы обязуемся дать столько меди, сколько потребуется фронту».

Приветствие комсомольцев Уральского индустриального института имени Кирова своим сокурсникам и преподавателям, находящимся на фронте.

«Мы гордимся вами, наши дорогие друзья. Мы гордимся тем, что грудь наших воспитанников Бадьина, Сыромятникова, Оникина украшает звезда Героя Советского Союза.

Настанет день нашей Победы. Мы встретим вас, овеянных славой. А теперь, пока еще ненавистный враг топчет нашу землю, будем общими усилиями приближать этот день».

Письмо комсомольцам и молодежи Свердловской области: «Примите благодарность за ваш боевой подарок «Свердловский комсомолец». Ваш танк находится в надежных руках. И скоро вы узнаете с новых подвигах «Свердловского комсомольца».

Помогайте нам громить врага!

Гвардии техник-лейтенант Леонид Мосенда по поручению части».

И личные просьбы к работникам радио.

«Прошу передать мое письмо по радио, так как, находясь 20 месяцев на фронте, со многими родными и знакомыми потерял связь.

«Здравствуйте, дорогие мама, Валя, Боря товарищи-уральцы по учебе и труду. Сообщаю вам, что на нашем фронте из ваших пушек, вашими снарядами и на ваших танках мы серьезно бьем немцев. Враг отступает. Грязные, с опущенными пилотками, закутанные в женские вещи, тащатся они по дорогам. И недалек тот день, когда последний фашист будет изгнан с нашей земли. Тогда снова приеду к вам, на родной завод. Накаряков Павел Николаевич, март 1943 год».

Я перебираю старые архивные письма. И на некоторых конвертах встречаю фамилию Каблучко. Так и написано: «Москва, радио, Вере Васильевне Каблучко».

Через коллег, работавших на Всесоюзном радио, узнаю, что Вера Васильевна Каблучко в годы войны была начальником отдела писем на фронт и писем с фронта. Мне удастся найти ее московский

адрес... И Вера Васильевна поведает мне историю своей редакции.

«С первых дней войны в адрес Всесоюзного радиокомитета со всех концов страны и полей сражений начали поступать тысячи писем. В августе 41 года был создан специальный отдел писем с фронта и на фронт.

Вихрь войны разбросал в разные стороны десятки тысяч семей. И вот тогда-то родилась новая форма общения людей. Письма без адреса по радио. Радость, а часто горе приносили они.

В нашем отделе работало примерно около 15 редакторов, которые занимались чтением писем, подготовкой передач и столько же работало референтов. Отдел выполнял две функции: функцию вещания и одновременно впервые советское радио осуществляло задачу розыска людей. Огромный зал в радиокомитете был занят под картотеку, куда заносились адреса всех поступивших писем. И работали там референты. Порядок в картотеке был такой, что он давал возможность буквально в считанные минуты на запрос ответить и сообщить интересующий адрес.

Отдел работал по-фронтовому. Мы были на казарменном положении. Места равнодушным у нас в отделе не было. Потому что за каждым письмом стояли люди, с нетерпением ожидавшие вести от близких. И это требовало, конечно, душевного отношения».

Они соединяли людские судьбы, радовались их радости, но ведь и сами были живыми людьми, а война и им полной мерой отвешивала и горя, и тревог, и потерь.

В 44-м получила Вера Васильевна черную, горькую страшную весть о гибели старшего сына. С тревогой ждала писем от мужа. И болело сердце о младших детях, эвакуированных в Куйбышев.

Во время бомбежек они все: редакторы, операторы, дикторы – дежурили на крышах – гасили зажигательные бомбы. Однажды бомба упала во двор радиокомитета, но, к счастью, не разорвалась...

И каждый день, все 1600 дней войны звучал на волнах эфира голос Москвы, и шли, летели письма на фронт и письма с фронта.

Многие фронтовики, оказавшиеся по делам в Москве, приходили в отдел писем. Работники радио приглашали их к микрофону. И тогда звучал живой голос бойца, обращенный к родным и знакомым.

Вера Васильевна читает бережно сохраненные ею благодарности...

«Дорогие друзья, только при вашей помощи я разыскал своего брата. Многие солдаты, офицеры нашей части, благодаря вам, нашли своих близких и родных. Вы делаете великое, благородное дело.

Майор Дубина Николай Иванович, полевая почта 05303».

А вот материнское письмо: «Дорогие товарищи, только благодаря вам я нашла своего сыночка, о котором не знала год и пять месяцев».

Краснофлотец Павел Лобанов был ранен в бою под Ленинградом. Потеряв связь с родными, он передал письмо по радио и в ответ получил... – полторы тысячи писем из разных концов страны, в том числе конверт, склеенный из листочков школьной тетради. Его прислала Тамара Боровкина из Уфы. «Дорогой боец, – писала она, – я узнала по радио, что ты потерял свою дочку. Мой папочка тоже погиб на войне, и мне хочется назвать тебя своим папочкой. И писать тебе письма часто-часто. Папочка, посылаю тебе в конверте маленечко табачку. Папочка, я отличница и перешла в другой класс, а ты убей фашиста. Твоя дочка Тамара». Часто написавший получал тысячи писем от совершенно незнакомых людей...

Однажды радио передало письмо лейтенанта Морозова. И вот в ответ на его полевую почту пришло 10 тысяч писем. Известный поэт Виктор Гусев, который работал тогда в литературной редакции, зайдя в отдел Веры Васильевны Каблучко, узнал об этом и написал стихи.

Не знаете вы лейтенанта Морозова?
У того лейтенанта небольшая семья,
И послал он привет ей в леса березовые,
В освобожденные нами края.

И привет тот помчался на радиоволнах,
Ночь наступила, — за нею рассвет,
День пролетел, и вечером темным
К Морозову в дверь постучался ответ.

Но не родные ответ тот писали,
Не те, что в далеком живут краю,
А незнакомая девушка Валя
Карточку вдруг прислала свою.

Нежность и дружба в тех строчках звучали,
Сто раз перечитывать я их готов.
А утром к Морозову в дверь постучали
Сто новых писем из ста городов.

И письмоносец товарищ Митя
Начал прямо-таки голосить:
«Этих писем, вы извините,
Мне носить и не переносить».

Ругай меня, Митя, ругай построже,
Я ничего не скажу в ответ.
Но только пойми: этих писем дороже
И прекраснее в мире нет.

Письма, одно родилось на Волге,
В другом бушевала Кама-река,
Третье проделало путь недолгий
Из подмосковного городка.

А это примчалось сквозь бури и вьюги
Из сказочных древних ветлужских лесов.
Звенели те письма, письма-подруги
Сотнями девичьих голосов.

Друг наш далекий, друг неизвестный,
Мы как своей победой горды
Твоею атакой, твоею песней,
Пламенным орденом Красной Звезды.

Пусть он горит незабвенной кровинкой
На гимнастерке суровой твоей.
Пойдешь ты в разведку лесною тропинкой,
С тобой мы отправимся, — сотни друзей.

Неровные строчки, адрес обратный,
Люди пишут, волненьем полны,
Как верному другу, как старшему брату,
Как храброму воину нашей страны.

Меня, выпускницу Уральского государственного университета имени Горького, особенно заинтересовало письмо коллектива моей «Альма матер» студентам и преподавателям, сражающимся на фронтах.

«Дорогие фронтовики! Шлем вам сердечный привет.

Мы перестроили свою работу применительно к условиям военного времени. Выпущена группа медсестер. Мы и впредь будем готовить боевые резервы для РККА и в любой момент по зову партии

Подполковник запаса, бывший офицер связи штаба 22-й армии Иван Алексеевич Дергачев.

и правительства готовы придти к вам на помощь.

За ваши семьи не беспокойтесь – организуем им помощь. Поздравляем вас с наступающей годовщиной Красной Армии. Желаем новых успехов в деле разгрома ненавистного врага».

В 41–42 годах из Уральского Государственного университета ушли на фронт 158 человек, и среди самых первых – те, что названы в письме: ректор университета Николай Павлович Попов, проректор по учебной работе Николай Иванович Шатагин, деканы Крылов и Шуляковский, преподаватель Иван Алексеевич Дергачев.

Заведующий кафедрой русской литературы, доцент, кандидат филологических наук Иван Алексеевич Дергачев был моим преподавателем. Но я знала его и раньше – с его дочерью Леной мы были одноклассницами. Шумной ватагой мы часто приходили к Дергачевым домой. Предаваясь беззаботному девчоночьему щебетанию, не задумывались о том, что Иван Алексеевич прошел войну.

Письмо из 42 года, предъявленное мной, несказанно взволновало моего учителя.

Нет, он его тогда не получил, хотя радисты исправно передавали все сообщения политотделу штаба армии. Наверное, потому, что в это время шли длительные, изнурительные бои за станцию Нелидово. Одна из бомбежек продолжалась 36 часов... Но связь с земляками была постоянная. Писали родные, писал старший друг и наставник Павел Петрович Бажов, другие литераторы.

Начало войны застало Дергачева в Ленинграде, куда он приехал с почти завершенной диссертацией к своему руководителю. Иван Алексеевич тут же вернулся в Свердловск и уже 24 июня стал бойцом. Тема диссертации, которую не удалось защитить перед войной, была связана с творчеством Лермонтова. А в 43 году, будучи помощником начальника отдела связи штаба армии, он написал книгу, у которой было отнюдь не поэтическое название: «Организация связи в роте, взводе, батальоне» – практическое пособие, очень пригодившееся связистам 22-й армии.

– А поэзия Лермонтова? – спрашиваю Ивана Алексеевича.

– Я увез с собой томик Лермонтова из малой серии «Библиотека поэта». И этот томик был все 4 года со мной. На его страницах я делал записи о взятии Берлина, об окончании войны, о выходе моем из окружения и другие пометки».

Больше двух миллионов писем прошло в годы войны через отдел Всесоюзного радио. Эти письма стали страницами истории – достоверными, страстными, живыми.

9 мая 45 года прозвучала последняя передача. Была весна... и Победа! И выстраданный мир... Счастье, надежды...

Не горечь разлук, не прощальные речи,
не тайные вздохи предчувствий глухих,
а близкие, полные радости встречи,
не письма, а руки, писавшие их.

Военные письма и фотографии из семейного архива Н.П.Ерофеевой. Снимок А.Молчанова.

ПОБЕДНЫЙ МАЙ

Антон АЙНУТДИНОВ

**Кандидат филологических наук,
историк искусства,
член Союза журналистов России.
г. Екатеринбург.**

Когда я родился, моему фронтовому деду было уже семьдесят семь лет. О войне мы с ним успели поговорить мало. Да и детское, потом подростковое и юношеское восприятие рассказов о ней всегда носило для меня тогда другой, чем теперь в зрелом возрасте, характер. Сейчас, спустя время, это сильнее понимаешь. Хочется что-то спросить у деда в настоящем, когда прошло еще больше времени с момента войны, но сделать это, увы, уже невозможно.

В девяностые годы поколение фронтовиков, убежденных коммунистов, стало менее заметным, чем ранее. Их голос оказался подавленным натиском тех, кто в перестройку и позднее развенчивал культ коммунизма. Настроение замолчавших людей старшего поколения в новой жизни, строивших своими руками, потом и кровью новое послереволюционное, а затем и послевоенное государство, исчезнувшее в одночасье, можно понять.

Дед Сагит умер под день рождения города Екатеринбурга, чуть не дожив до своего столетия, векового юбилея. Есть в этом какой-то символизм – освободитель русских земель и Европы от фашизма, ставившего своей целью порабощение Урала, ушел из жизни накануне общегородского празднования по случаю основания одного из крупнейших мегаполисов современной России. Город Свердловск, ставший для него вторым домом после войны, теперь может спокойно ликовать под мирным уральским небом над головой...

Родился дед тоже в особенный день – 7 ноября. Или позже после октябрьской революции, веря в ее пролетарский мировой масштаб, написал в паспорте так сам, как это делали многие партийные деятели и идейные революционеры-коммунисты.

Узнал, что такое порох войны, молодым мужчиной еще в 1938 году в боях у озера Хасан комиссаром стрелкового батальона, отличился в сражении и получил свой первый орден Красной Звезды. Затем пропагандистом участвовал в противостоянии с белофиннами в 1940 году. Встретил известие о начале Великой Отечественной войны в Москве, где проходил обучение в Военно-политической академии им. В.И.Ленина, оттуда и был командирован в Свердловск, чтобы в уральском штабе немедленно приступить к формированию 375-й дивизии.

Именно в тот день он начал вести записи в своем фронтовом блокноте о том, что видел, в чем принимал участие, которые впоследствии отлились в несколько мемуарно-документальных книг. Последней из них стала «В памяти и сердце», повествующая о ратных делах 375-й дивизии, получившей, в честь героических освобождений, и отмеченной за это наградами, названия Харьковской и Бухарестской, дважды Краснознаменной... Ее великий путь лежал от освобождения Москвы до Праги. Уже ликовала столица, с фронта шли радостные известия, а дивизия деда еще вела бои с остатками фашисткой армии в Чехословакии, гибли его однополчане...

Сергей Шаргунов прошлой весной написал о ветеранах: «Ты с трепетом смотришь на них и думаешь: когда-то они все умрут до единого, и ни одного не останется больше». Мы без пяти минут уже свидетели этого факта.

Свою книгу дед подписал мне с просьбой сохранить как свидетельство боевого пути семьи, чтобы прочли мои дети и внуки. Воевал он вместе с моей бабушкой, Анастасией Павловной, которая служила в медико-санитарном батальоне, была лейтенантом в той же дивизии. Они и поженились там же на фронте, пражской весной 1945-го. В семейном альбоме есть фотография, датированная 20 мая, где дедушка и бабушка стоят после бракосочетания на фоне опаленного огнями войны города, освобожденного советскими солдатами...

Вторая моя бабушка, Маргарита Михайловна, в войну работала в тылу в Свердловске, как и ее супруг, мой еще один дед, Иван Андреевич, оказавшийся на Урале вместе с эвакуированным заводом из Москвы. «Все для фронта – все для победы» – было смыслом жизни их молодой семьи, в которой после войны родились четверо детей.

От моего второго деда уходит еще одна веточка в столицу нашей Родины. Вообще судьбы многих ветеранов войны и тыла в последующих поколениях соединялись в семейные древа, порою даже с причудливыми, неожиданными силуэтами.

Я видел детскую фотографию наследника цесаревича Алексея у мамы, которая досталась ей от родственников. За ее хранение после 1918 года можно было получить тюремный срок. Слава богу, владельцы, как и сама фотокарточка, уцелели, сумели сохранить и передать как память для следующих поколений о сложном, драматическом времени, в котором им довелось жить. Моя прабабушка, Клавдия Андреевна, будучи первой комсомолкой Невьянска, коммунисткой, до конца жизни не могла простить большевикам жестокой расправы над малолетним и больным наследником. До сих пор помню ее стариковские руки, за которые я держался дошкольником, когда она жила с моими родителями после того, как ослепла на оба глаза.

Фронтовой художник, «грековец», Петр Кривоногов находился в числе тех героев, кто освобождал украинские земли от врага вместе с дивизией моего деда в составе войск 2-го Украинского фронта. То долгожданное утро он написал в известной картине «17 февраля в районе Корсуни», которая как калька в красках подтверждает каждое слово в книге деда Сагита об этом же дне. Они оба были свидетелями, один запечатлел его как живописец на холсте, другой – как публицист в блокноте: «Итак, к исходу 17 февраля 1944 года группировка немцев в Корсунь-Шевченковском котле прекратила свое существование. В историю Великой Отечественной войны эта битва вошла как второй Сталинград. К утру умолкла стрельба. Прекратился буран, сменившись морозным безветрием. Рассвет открывал панораму Корсунь-Шевченковского побоища. Заснеженные поля и дороги были загромождены разбитой и брошенной техникой врага. Запорошенные снегом взорванные танки, бронетранспортеры, автомашины, орудия, тягачи, трупы фашистов – все это явило собой картину великого по масштабам разгрома врага, одной из самых крупных по своим результатам операций второй мировой войны».

375-я дивизия зимой 1944 года, взламывая узлы сопротивления врага, вместе с другими соединениями замкнула внешнее кольцо окружения немецкой группировки в районе Корсунь-Шевченковский. Совместно с частями 5-й танковой армии она вела кровопролитные бои и отбила 15 (!) яростных танковых атак противника, стремящегося прорвать окружение...

Читая книгу деда, поражаешься мужеству участников войны, которые до последнего выстрела, патрона, вздоха отстаивали независимость, гибли с верой в победу на устах. Как не вспомнить через семьдесят пять лет то, как отвоевывались разрушенные украинские деревни, как их дома в маленьких селениях в кровопролитных сражениях переходили от нас к выкинутым из них фашистам и в контратаках возвращались обратно к Красной армии множество раз. Линия фронта шла прямо по ним: «Немцы били из чердаков и окон, из-за углов строений, подвалов»...

А как форсировался Днепр, который обагрился кровью советских солдат, наступающих на укрепления врага по обстреливаемой глади воды и просматриваемому с возвышенности берегу? «Пылающий плацдарм», – так назвал его полковник Айнутдинов, мой дед. «В центре этой схватки неожиданно очутился связист Александр Исхужин, который исправлял порыв телефонного кабеля. Когда недалеко от него появился немецкий танк, он подбежал к нашей замолкнувшей 45-милимметровой пушке, расчет которой был выведен из строя, и, зарядив ее несколькими снарядами, подбил фашистскую машину. После боя Исхужин говорил, что не успел он опомниться после всего происшедшего, как из танка вылез фашист с пистолетом в руке и бросился на него. Но выстрелом из карабина Исхужин убил его».

«Перед глазами седьмая атака «тигров». Стонал, живым криком кричал, ворочался песок. Куда ни глянь, красные от крови бинты, разбросаны трупы... Тяжелораненые стонали... В батарее осталось трое: Спиридонов, Досунгаев, Бернштейн. Танки утюжили окопы... «тигр» заметил нашу третью пушку и как бы нехотя развернулся. И тогда Паливада зажал в руках две мины, подобранные ночью, бросился под гусеницы. Танк вздрогнул от взрыва, но успел выстрелить... Взрыв уничтожил многих... Бои за плацдарм продолжались».

Вот, что вспоминает в книге дед: «К утру 23 сентября Полтава была освобождена от фашистских захватчиков... Жители рассказывали о зверствах фашистов в городе, о том, как они пытались свалить монумент славы, установленный в честь героев Полтавской битвы...» Дед Сагит, слава богу, уже не увидел, как на этот монумент в 2014 году был водружен красно-черный флаг фашистов XXI века. Позорная страница в истории.

В оккупированной чехословацкой Инглаве немцы устроили резню: «Старушка пригласила зайти в дом к семье, которой немцы на

протяжении нескольких лет запрещали выходить со двора. Квартира оказалась закрытой. При помощи соседей открыли дверь, зашли. В доме все было на своих местах. Старик сидит у печки, упершись лбом в стенку, две девочки лежат на кровати, мать – за дверью шкафа, но никто из них не поднял головы. Все они оказались убитыми выстрелами из пистолета в затылок и в лоб... Нам также стала известна судьба чешской деревни Лидице, которую фашисты сравняли с землей подобно многим русским, украинским и белорусским селам».

Так и видишь перед глазами ужасный сюжет картины Тараса Гапоненко «Рабовладельцы», в котором фашист застрелил ни в чем не повинную русскую женщину на глазах собственного малолетнего ребенка и других жителей села. Через некоторое время, может быть, его и их ждет та же судьба... А возможно, придет и спасет Красная армия. Одна женщина, в картине, поднеся пальцы ко лбу, застыла над телом в отрешенной позе, как Богоматерь.

Это «или-или» прошло через семьи всех народов, столкнувшихся лбом ко лбу с нацистами.

Сегодня мы много говорим о патриотизме. Иной раз результаты спортсменов или достижения творческой интеллигенции сравниваются с подвигами дедов и бабок на фронте. Между ними проводят параллели. «Спасибо деду за победу», – раскрашивают кузова машин, делают наклейки на стекла с такими лозунгами бритоголовые крепкие дяди. Мне всегда кажется, что за этими, может быть искренними действиями, можно потерять то настоящее, что связано с войной. Понимание того, как однажды в санроту уже в начале 1945 года привезли раненого офицера, спасти жизнь которого могло только переливание крови и санитарка Елена Ивановна Сергеева предложила свою кровь... И этим спасла жизнь командира.

Когда в бою под деревней Тисса-Шюль в Венгрии санинструктор второго батальона 1243-го стрелкового полка Нина Черенцова была сражена пулей, неся с поля боя двенадцатого раненого... До этого она спасла 500 солдат, пять раз сдавала кровь... Она погибла в победном рывке, когда до победы оставалось ровно столько, сколько требовалось, чтобы «выжить».

Как телефонистка этого же полка Лидия Ивановна Остапенко была окружена на командном пункте фашистами, но не покинула его, взяла автомат и отражала атаку... Была убита пулеметной очередью вражеского танка...

Эти истории бесконечны... Вообще, как это было тяжело воевать, когда враг уже выброшен за родные границы. Дед писал в книге, чтобы подбадривать уставших от войны солдат, к ним приезжал в дивизию Илья Эренбург.

Помните картину фронтового художника Бориса Неменского (которому сейчас 99 лет) под названием «Машенька (сестры наши)»? Ее героини – простые медсестры в момент отдыха между боями и спасениями раненых. Одна спит от усталости, другая сидит возле керосиновой лампы и о чем-то задумалась. Может быть, она вспоминает дом или ей грезится, как она, рискуя жизнью, выносила с поле сражения бойца. Сколько таких Машенек, Ниночек, Леночек было на фронте еще?.. Не сосчитать, не забыть.

Дед Сагит и бабушка Анастасия. *Май 1945 г. Прага.*

Вечная память фронтовым товарищам и подругам.

Уральская 375-я Харьковско-Бухарестская, дважды Краснознаменная стрелковая дивизия, сформированная на Урале в тяжелые сентябрьские дни 1941 года, прошла с боями 12 тысяч километров.

Освободила на территории нынешней России, Украины, Молдовы, Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии 1205 сел и деревень, участвовала в освобождении 56 городов.

Истребила более ста тысяч и взяла в плен более 17 тысяч фашистов. Подбила, сожгла 651 и захватила 165 исправных танков, сбила 85 и взяла на аэродромах 16 исправных самолетов, уничтожила 830 орудий и минометов, 1805 пулеметов, захватила 8512 автоматов, 805 автомашин, а также военное имущество: снаряжение, боеприпасы, оружие.

За отличные боевые действия, за освобождение городов и форсирование военных преград в честь дивизии и ее воинов прогремели 18 победных салютов в Москве. Верховный Главнокомандующий объявлял 19 раз благодарность.

За героизм, мужество и отвагу 28 тысяч солдат, сержантов и офицеров дивизии были награждены орденами, медалями, девять из них удостоены звания Героя Советского Союза, пять стали полными кавалерами ордена Славы.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

Наталия СУББОТИНА

г. Несебр, Республика Болгария.

Поселившись в Болгарии в чудесном городе Несебр на берегу Черного моря, я начала сразу учить болгарский язык, изучать болгарскую культуру и историю.

Несебр – город древний, возникший более 3200 лет тому назад. В нем жизнь текла беспрерывно, его ни разу не сжигали, не уничтожали до тла, несмотря на бурные исторические события. Это исключительно красивое и естественно защищенное место, полуостров, на котором поселились первые фракийцы, построившие крепостную стену, используя существующие особенности рельефа. В древности город называли Месамбрия, он изображен на бронзовых монетах с 4–2 вв. до н.э. Затем город Мелсы превратился в греческую колонию и быстро утвердился как мощный торговый центр.

Меня с первых дней охватило чувство причастности к этой земле, сохранившей античные храмы, следы римской и византийской власти, мусульманских завоеваний и ранних христианских построек. Это была контактная зона между двумя цивилизациями – факт, который дал возможность в средние века сохранить этот город.

Сейчас Старый Несебр – это музей под открытым небом, где можно гулять каждый день, делая все новые открытия, погружаясь в старину и радуясь современности. Среди старинных церквей и узких улочек, вымощенных камнем, расположилось множество лавочек и галерей, кафе с разнообразной кухней, где всегда можно отдохнуть, попробовать морские блюда и кулинарные деликатесы, выпить вкусного болгарского вина и продолжить свой путь по исторической земле.

Это ли не место для поэтического вдохновения? Я писала стихи, рисовала виды Несебра, наслаждаясь морским воздухом и буйным цветением роз, которые цвели под ногами, поднимались в розовые кусты и большие деревья, свитые в арки, усыпанные разноцветными розами, радуясь обретенному маленькому раю после суровых уральских зим родного Екатеринбурга, где я родилась и прожила большую часть своей жизни до пенсии.

Как я узнала позже, это побережье Болгарии выбрали многие мои соотечественники, выйдя на пенсию, радовались благополучной старости и спокойной комфортной жизни.

Но русские люди особенные, неугомонные и деятельные. Вскоре я узнала, что есть в Несебре Русский клуб и Русский театр, познакомилась с русскими и болгарскими поэтами и художниками. И жизнь наполнилась ярким и живым общением, новыми открытиями и знакомствами, что не позволяло чувствовать себя одиноко в другой стране. И мне захотелось рассказать об этих людях, которые даже в преклонном возрасте умеют жить наполненной и яркой жизнью. Один из таких людей – Виктор Иванов, сейчас он «стоит у руля» русского клуба, очень много делает для объединения болгар и русских людей, устраивает встречи по интересам, проводит экскурсии, занимается переводами с болгарского языка. У него прекрасный дар рассказчика и сценический талант, нередко Виктор Иванов блестяще ведет концерты как конферансье, умеет сказать нужные слова на клубных встречах и мероприятиях, он поет в болгарском хоре и может выступить с проповедью в церкви. А главное его качество – умение объединить людей разных национальностей общими интересами.

Его супруга Валентина Иванова, родом из Екатеринбурга, верная помощница Виктору во всех делах. Яркая, красивая женщина, прекрасно водит автомобиль, знает несколько языков, поет в болгарском хоре, очень любит экскурсии и всегда открыта к познанию нового. При всех достоинствах Виктор Иванов – человек скромный, написал о себе краткое, но емкое резюме, которое мы публикуем вместе с его переводами стихов известного болгарского поэта.

Виктор ИВАНОВ

Родился в 1945 году и половину жизни прожил в г. Иркутске, образование высшее филологическое и журналистское, работал внештатным корреспондентом на Иркутском радио, телевидении, в областной газете «Восточно-Сибирская правда» более 10 лет, основная профессия по жизни – менеджер международного туризма, владеет немецким, английским, французским, испанским, итальянским, болгарским языками. После переезда в Болгарию в 2012 году, выйдя на пенсию, освоил литературный и научный перевод с немецкого, английского и болгарского языков. Тематика: богословие, философия, проза и поэзия. Общественная работа – председатель клуба «Соотечественник» общины Несебр. Живет в Болгарии, курорт Солнечный Берег возле г. Несебр, область Бургас.

С «ЛЕЙКОЙ» И БЛОКНОТОМ, ШТЫКОМ И ПУЛЕМЕТОМ...

В год 75-летия со Дня Освобождения Европы от фашизма хочу вам рассказать историю о семейной реликвии, которая хранится в семье нашего хорошего друга, члена «Клуба Соотечественников общины Несебр», председателя региональной общественной организации «Забота о диабетиках» Радки Жековой.

Это – фронтовая тетрадь со стихами болгарского коммуниста-антифашиста

Младена Исаева – поэта, военного корреспондента, воина-интернационалиста, сражавшегося против гитлеровских фашистов в составе советской интербригады, встретившего День Победы в Австрии у подножья Альп накануне одного из последних боев.

Этому празднику он посвятил свое стихотворение.

В НОЧЬ ПОБЕДЫ

Европа вся во мраке ночи
в невероятной тишине.
Но не сомкнуть нам наши очи
в горах высоких при луне.

В горах заснеженных австрийских
От холода дрожишь без сна.
Неужто средь хребтов альпийских
для нас закончится война?

Лежишь под звездами, мечтая,
вдыхаешь майский ты покой.
Нас утром снова ожидает
тяжелый и кровавый бой.

Вершины Альп в тумане тают,
мерцают звезды на штыке.
Покоя вечного желают
друзья погибшим вдалеке.

От счастья сердце замирает,
от этой дивной тишины.
Ты ясно видишь, как сияет
Планета наша без войны.

Перевод Виктора Иванова
6.05.2020 г.

В этом стихотворении нет опечатки в дате окончания войны. Остатки войск вермахта, окруженные в Австрии возле городка Клагенфурт, яростно сопротивлялись советским войскам до их окончательного разгрома 11 мая 1945 г.

Жизнь этого героического человека Младена Исаева похожа на приключенческий блокбастер.

В сентябре 1923 года 18-летним пареньком он принимал участие в восстании революционно настроенных болгар против царя, в 20-е годы он вступил в Болгарскую рабочую партию и стал одним из ее руководителей.

В 1923–1926 году находился в политической эмиграции в СССР, активно работал в Коминтерне, который в тридцатые годы возглавил видный болгарский политический деятель, коммунист Георгий Димитров.

Поэт Младен Исаев в годы Второй мировой войны, военный корреспондент Коминтерна.

Младен Исаев в начале 80-х годов – период признания и славы.

В 1932 году царская охранка Болгарии арестовала все руководство Рабочей партии. Царь Борис III подписал заговорщикам смертный приговор. После суда двух руководителей партии Николу Вапцарова и поэта Антона Попова расстреляли как агентов Коминтерна, а остальных 6 арестованных приговорили к 20 годам каторги, Младен Исаев был среди них, он прошел через все ужасы трех концлагерей Гонда вода, Еникьой и Свети Кирик.

В годы Второй мировой войны поэт-интернационалист стал советским журналистом. Он прошел по всем дорогам войны как военный корреспондент Коминтерна.

После освобождения Болгарии от фашизма пришли к нему слава и признание.

Младен Исаев был удостоен званий Героя Болгарии и Героя Социалистического Труда, он награжден многими медалями и орденами. Он посвятил себя полностью писательской и переводческой деятельности. Его перу принадлежат прекрасные переводы стихов Пушкина, Некрасова, Блока и Есенина.

Младен Исаев стал одним из ведущих поэтов послевоенной Болгарии, заместителем председателя Союза писателей Болгарии, любимым детским писателем болгарской детворы. Его стихотворение «Родина» включено во все школьные учебники.

РОДИНА

Высокие синие горы крутые,
Пещеры, долины, поля золотые,
Небо бескрайное, солнце лучистое,
Родины милой просторы родные.

Люблю тебя, земля моя прекрасная!
Как маму нежную люблю всем сердцем я!
Мне по душе закаты, утро ясное,
травинка каждая и трели соловья.

Люблю родной язык, болгарские слова,
Что раздаются по полям и селам,
Люблю я песен наших кружева
и мудрость сказок грустных и веселых.

За моря синь, за горные вершины,
За шум лесов, журчанье быстрых рек,
За блеск озер на Риле и Пирине
Мою Болгарию я полюбил навек!

Перевод Виктор Иванов
5.05.2020 г.

Серия «Национальное достояние России»

Музей ВДВ «Крылатая гвардия» – один из двух в Российской Федерации музеев, рассказывающих об истории и современной жизни отечественных воздушно-десантных войск. Он расположен в Верх-Исетском районе Екатеринбурга, рядом с прославленным металлургическим гигантом – ВИЗом.

В двухэтажном здании на улице Крылова, 2 а, в фондах музея хранится более двенадцати тысяч экспонатов: уникальные документы, личные вещи десантников, боевая экипировка и оружие, фронтовые награды, произведения живописи и прикладного искусства ветеранов Великой Отечественной войны и локальных конфликтов. В музее можно узнать о боевых традициях воинов-десантников и бойцов частей специального назначения, о подвигах уральцев в годы Великой Отечественной войны, войны в Афганистане, в ходе боевых действий на Северном Кавказе и в других «горячих точках», о современном состоянии воздушно-десантных войск, об уральских спортсменах-парашютистах. Сотрудниками музея проводится огромная научно-просветительская работа; выпускаются книги, брошюры, альбомы.

Музей ВДВ «Крылатая гвардия» не только открыт для всех желающих, за двадцать лет работы он стал еще и своеобразным клубом – местом постоянных встреч и ветеранов, и молодежи уральского региона, одним из центров военно-патриотического воспитания.

ОРДЕНА И МЕДАЛИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(1941–1945 гг.)

Дмитрий ШУНЯКОВ

Автор более 10 публикаций. Область научных интересов – история армии России, история наград. г. Екатеринбург.

Великая Отечественная война, 75-летие окончания которой отмечается в этом году, явилась тяжелейшим испытанием для всего советского народа. Для освобождения родной земли на фронт ушли 29,5 млн человек, а с учетом численности Вооруженных сил на начало войны, фактически, 34,5 млн человек (37 % всего мужского населения СССР). Демографические потери СССР составили 26,6 млн человек (8,66 млн (32,5 %) из них военнослужащие и 17,94 млн (67,5 %) – гражданские лица) [8, с. 36, 43].

На момент начала Великой Отечественной войны в государственную наградную систему входили высшие звания – Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда и медали, которыми награждались удостоенные их – «Золотая Звезда» и золотая звезда «Серп и Молот», ордена – Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Знак Почета, медали – «За отвагу», «За боевые заслуги», «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие», «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии» [26, с. 30]. Композиционно, ордена строились на классово-революционной символике, несли все атрибуты государственной идеологии: развернутое красное знамя с лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», звезду, скрещенные серп и молот, лемех плуга, штык, производственные предприятия и механизмы. Ордена и медали, учрежденные в СССР до начала Великой Отечественной войны представлены в планшете 1.

Наградное производство Вооруженных сил занимало подчиненное положение к государственному. Наградные органы воинских формирований готовили наградной материал и отправляли его по следующей вертикали (строевая часть полка (дивизии) – строевое отделение корпуса – наградное отделение армии – отдел по присвоению званий Управления кадров Красной армии) [14, с. 234]. Далее наградной материал поступал в Высшую аттестационную комиссию Народного комиссариата обороны (НКО), откуда после рассмотрения и утверждения передавался в наградную комиссию при Президиуме Верховного Совета СССР. После предварительного рассмотрения документов в наградной комиссии, утверждения и издания указа о награждении, председатель Президиума Верховного Совета СССР, М.И.Калинин, либо его заместители вручали ордена и медали награжденным в Москве [19, с. 46].

22 июня 1941 г. германская армия без объявления войны вторглась в Советский Союз, бросив невиданную в истории силу: 190 дивизий, более 4 тыс. танков, 47 тыс. орудий и минометов, около 4,5 тыс. самолетов, всего более 5 млн человек [4, т. 2, с. 525]. Первыми приняли на себя удар пограничные войска НКВД, ни одна застава не сдалась без боя, пограничники дрались до последнего, 95 % из них погибли или пропали без вести [2, с. 64]. Много подвигов совершили пограничники в тот день, так, заместитель политрука 7-й заставы 90-го Владимир-Волынского отряда В.В.Петров, в течении пяти часов удерживал переправу через Западный Буг, а когда кончились патроны, гранатой взорвал себя и окруживших его фашистов. Именем Героя Советского Союза В.В.Петрова названа одна из за-

став [16, с. 268–271]. В 4 часа утра фашистские самолеты пересекли границу СССР, разгорелись воздушные бои. Уже в 4 часа 15 минут лейтенант Д.В.Кокарев тараном сбил бомбардировщик врага, в 4 часа 25 минут его подвиг повторил командир звена 46-го истребительного авиационного полка, старший лейтенант И.И.Иванов. Защитники Брестской крепости, чья численность едва составляла 4 тыс. чел. месяц сдерживали натиск 20 тыс. солдат из состава 31-й и 45-й дивизий вермахта. Они сражались в полном окружении, характерна надпись на одной из стен крепости: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина! 20/VII–41 год». Младший политрук 125-го танкового полка А.К.Панкратов, 25 августа 1941 г. под Новгородом закрыл собой вражескую амбразуру [4, т. 1, с. 229, 240; т. 2, с. 683].

Член Военного Совета Северо-Западного фронта, 1-й секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Андрей Александрович Жданов с участниками советско-финской войны – Героями Советского Союза, март-апрель 1940 года

За первые три недели вторжения противник понес потери, каких не знал при разгроме Польши, Франции. Начальник Генерального штаба сухопутных войск, генерал Ф.Гальдер в дневнике подсчитал, что войска потеряли 92 тыс. чел., 30 % самолетов, 20 % танков, а к концу года количество вышедших из строя танков возросло до 80–85 %. Начальник штаба оперативного управлений генерал-полковник А.Йодль писал о боях под Вязьмой: «Окруженные русские армии оказывали фанатичное сопротивление, несмотря на то, что последние 8–10 дней были лишены какого-либо снабжения» [4, т. 1, с. 247].

С первых минут вторжения агрессор встречал ожесточенное сопротивление, тысячи бойцов и командиров показывали свою беззаветную любовь к Родине, готовность к самопожертвованию ради освобождения своей страны: «Уже за первые бои с немецко-фашистскими агрессорами отличившихся военнослужащих Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями, а некоторым из них за выдающиеся подвиги присвоил звание Героя Советского Союза» [25, кн. 2, с. 489].

Однако эффективность наградной системы была невысокой, о чем наглядно говорят данные отчета Главного управления кадров, из которых следует, что за второе полугодие 1941 г. было вручено всего 8987 (30,5 %) орденов и медалей, а 20 556 (69,5 %) наград остались неврученными [13]. Все это свидетельствует о том, что довоенная система награждения орденами и медалями давала сбой, о чем в своей книге прямо говорит С.М.Штеменко: «...Обычная для мирного времени процедура вручения наград не соответствовала боевой обстановке и массовому характеру героизма» [25, кн. 2, с. 489]. Практика награждения орденами и медалями в первые месяцы войны выявила недостатки наградной системы: это и сосредоточение всех полномочий по награждению в высших эшелонах власти, и малое количество наград для награждения военнослужащих, и неконкретные упрощенные статусы наград.

Руководство страны подобная ситуация не устраивала. Оно считало наградную систему важным стимулом в укреплении боевого духа армии и воодушевления населения. «Получить в такой момент награду, – говорил Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И.Калинин, – высокая честь. Это – признание того, что вы активно боритесь с врагом, это... благодарность от советского народа» [17, с. 105]. В законодательных документах высших органов власти прослеживается четкая тенденция устранить недостатки наградной системы: делегирование прав награждения орденами и медалями от имени Верховного Совета нижестоящим инстанциям; конкретизация порядка награждения орденами и медалями и, наконец, учреждение новых наград.

Уже в сентябре 1941 г. Военные советы фронтов и армий получили право самостоятельного награждения орденами и медалями и вручения их на месте, без вызова награжденного в Москву [5, с. 171]. В штабе полка готовилось представление на награждение в 4-х экземплярах, один из которых оставался в штабе, а три других отправлялись в вышестоящие инстанции. После рассмотрения и утверждения в штабах дивизии и армии наградной материал оказывался в штабе фронта, где издавался приказ и вручение награды отличившемуся. Протокол заседания Военного совета фронта утверждался указами Президиума Верховного Совета СССР [10, с. 364–365].

Несмотря на то, что наградной процесс упростился, подобный алгоритм не решал проблему в целом. В конце 1941 г. сложилась

тяжелейшая ситуация, враг стоял у порога Москвы, Ленинграда, Севастополя, рвался вглубь территории страны. Войсковые формирования непрерывно находились в боях, переформировывались, оказывались в окружении и полностью разгромленными. В данных условиях движение наградного материала между инстанциями было затруднительно, представленные к награждению погибали, убывали в госпитали, пропадали без вести, Военные советы фронтов и армий не имели в наличии наградных знаков. Это не значит, что награждением никто не занимался, просто приоритетность была другая, наличию танков, снарядов, горючего придавалось куда большее значение, чем медалей в штабе. Были необходимы радикальные изменения в наградной системе, которые стали осуществляться, начиная с 1942 г.

Прежде всего был серьезно расширен арсенал награждения. Необходимость учреждения новых наград прекрасно понимали многие неравнодушные к судьбе Отечества люди. Вот что писал в своем письме ветеран Гражданской войны В.Е.Маркевич на имя И.В.Сталина: «В настоящее время мы стараемся поднять патриотизм масс историческими примерами героики русского народа... Следует выпустить медали в память войн (Русско-Японской, обороны Порт-Артура, с белофиннами и т.д.), чтобы видно было... что человек свою голову под пули подставлял, кровь проливал за Родину... Раненого необходимо отметить какой-либо звездочкой, нашивкой или другим знаком. Все... будут почитать его как пострадавшего за Родину, за советский народ. Необходимо... культивировать дух самопожертвования, храбрости, отваги и непобедимости» [4, т. 10, с. 753–754].

Первым, 20 мая 1942 г., был учрежден орден Отечественной войны 1-й (позолоченная) и 2-й (серебряная) степени. К этому ордену много раз можно применить понятие впервые. Это был первый советский орден, имевший разделение на степени, впервые в истории советской наградной системы перечислялись конкретные подвиги, за которые отличившийся мог быть награжден, первая награда, передаваемая семье в память в случае смерти владельца (остальные ордена на тот момент необходимо было возвращать государству). Первыми вновь учрежденным орденом были отмечены артиллеристы, отличившиеся в боях под Харьковом. Имелись случаи, когда орденом награждали всех участников боя. Так, за атаку линейного корабля «Тирпиц» 5 июля 1942 г. были награждены все члены экипажа подводной лодки К–21 Северного флота, а в январе 1943 г. орден получили бойцы штурмовой группы под командованием лейтенанта А.Атаева за отличия в боях на реке Северный Донец. Всего за годы войны орденом Отечественной войны 1-й степени были награждены 324 903 чел., 2-й степени – 951 652 чел. [4, т. 1, с. 636–637].

Учреждение этого ордена имело большой эффект для воодушевления и поднятия боевого духа действующей армии. В директиве № 82 Главного политического управления РККА начальникам политуправлений фронтов, начальникам политотделов армий, редакторам фронтовых и армейских газет сказано: «Во всех частях и подразделениях проведите... беседы о значении нового ордена Отечественной войны... разъясните, какие боевые заслуги дают право быть награжденным новым орденом, используя это для еще лучшей мобилизации бойцов и командиров... В ближайших номерах дайте статьи... о награжденных новым орденом, указывайте, за какой подвиг тот или иной боец, командир, политработник получил эту награду» [7, с. 139].

Для награждения командного состава, за организацию действий вверенных им частей, соединений и объединений, было учреждено три «полководческих» ордена: Суворова, Кутузова и Александра Невского. Орден А.Невского имел одну степень, остальные – по три. Награждение «полководческими» орденами было не последовательным (от низшей степени к высшей), а зависело от должностного положения военнослужащих. Орденами Суворова и Кутузова 1-й степени награждали командующих фронтами и армиями, их заместителей, начальников штабов и начальников родов войск (артиллерии, воздушных сил, бронетанковых и минометных) фронтов и армий. Обоими орденами 2-й степени награждали командиров корпусов, дивизий, бригад и начальников штабов, орденом Суворова 2-й степени – и заместителей командиров корпусов, дивизий, бригад. Орденов Суворова и Кутузова 3-й степени удостаивали командиров полков, батальонов и начальников штабов полков. Ордена Александра Невского – командиров дивизий, бригад, полков, батальонов, рот и взводов. Кроме командного состава, «полководческими» наградами могли награждаться и воинские формирования. Всего орденом Суворова 1-й, 2-й и 3-й степени было произведено 7268 награждений (из них 1529 награждений воинских формирований), ордена Кутузова были удостоены 7329 командиров и начальников (в т.ч. 1590 частей и соединений), орденом Александра Невского было произведено 42 165 награждений (из них 1473 частей и соединений, в т.ч. летчики французского авиационного полка «Нормандия–Неман») [4, т. 1, с. 632–634].

Композиционно учрежденные ордена были выполнены в дореволюционных орденских традициях: имели симметричность по отношению к центру; заметное выделение центральной части (т.н. центрального медальона); расположение деталей, окружающих центральную часть, в радиальных направлениях. В центральном медальоне располагались изображения полководцев прошлых эпох. Боевые традиции, мужество и храбрость пращуров вновь воскресали в подвигах их наследников (планшет 2).

Учрежденные ордена носились с помощью прямоугольной колодки. К концу 1942 г. награды СССР имели три способа ношения, одни ордена носились с помощью нарезного штифта с гайкой, другие – с помощью прямоугольной колодки с красной лентой, учрежденные к тому моменту медали носились на

Планшет 1. Ордена и медали СССР на момент начала Великой Отечественной войны:
1 – орден Ленина; 2 – орден Красного Знамени; 3 – орден Красной Звезды; 4 – орден Трудового Красного Знамени; 5 – орден «Знак Почета»; 6 – медаль «Золотая Звезда»; 7 – медаль «Серп и молот»; 8 – медаль «За отвагу»; 9 – медаль «За боевые заслуги»; 10 – медаль «XX лет РККА»; 11 – медаль «За трудовую доблесть»; 12 – медаль «За трудовое отличие»

Планшет 2. Ордена, учрежденные в СССР в 1942–1943 гг.:
1 – орден Суворова 1-й степени; 2 – орден Суворова 2-й степени; 3 – орден Суворова 3-й степени; 4 – орден Кутузова 1-й степени; 5 – орден Кутузова 2-й степени; 6 – орден Кутузова 3-й степени; 7 – орден Александра Невского; 8 – орден Отечественной войны 1-й степени; 9 – орден Отечественной войны 2-й степени

Планшет 3. Ордена СССР на момент окончания Великой Отечественной войны:
1 – орден Ленина; 2 – орден Красного Знамени; 3 – орден Славы 1-й степени; 4 – орден Трудового Красного Знамени; 5 – орден «Знак Почета»; 6 – орден Победы; 7 – орден Суворова 1-й степени; 8 – орден Кутузова 2-й степени; 9 – орден Богдана Хмельницкого 2-й степени; 10 – орден Александра Невского; 11 – орден Отечественной войны 2-й степени; 12 – орден Красной Звезды; 13 – орден Ушакова 2-й степени; 14 – орден Нахимова 2-й степени; 15 – орден «Материнская слава» 2-й степени

Планшет 4. Медали СССР на момент окончания Великой Отечественной войны:
1 – медаль «Золотая звезда»; 2 – медаль «Серп и молот»; 3 – медаль «За отвагу»; 4 – медаль «За боевые заслуги»; 5 – медаль «За оборону Ленинграда»; 6 – медаль «За оборону Одессы»; 7 – медаль «За оборону Севастополя»; 8 – медаль «За оборону Сталинграда»; 9 – медаль «За оборону Москвы»; 10 – медаль «За оборону Кавказа»; 11 – медаль «За оборону Советского Заполярья»; 12 – медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени; 13 – медаль «Партизану Отечественной войны» 2-й степени; 14 – медаль Ушакова; 15 – медаль Нахимова; 16 – медаль «20 лет РККА»; 17 – медаль «За трудовую доблесть»; 18 – медаль «За трудовое отличие»; 19 – Мать-героиня; 20 – медаль «Материнства» 2-й степени

Планшет 5. Медали СССР учрежденные после окончания Великой Отечественной войны:
1 – медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; 2 – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; 3 – медаль «За взятие Берлина»; 4 – медаль «За взятие Будапешта»; 5 – медаль «За взятие Вены»; 6 – медаль «За взятие Кенигсберга»; 7 – медаль «За освобождение Варшавы»; 8 – медаль «За освобождение Праги»; 9 – медаль «За освобождение Белграда»; 10 – медаль «За победу над Японией»

Планшет 6. Нагрудные знаки, учрежденные в годы Великой Отечественной войны:
1 – Гвардия; 2 – Отличный снайпер; 3 – Отличный пулеметчик; 4 – Отличный минометчик; 5 – Отличный артиллерист; 6 – Отличный танкист; 7 – Отличный торпедист; 8 – Отличный подводник; 9 – Отличный сапер; 10 – Отличный минер; 11 – Отличник санитарной службы; 12 – Отличник железнодорожных войск; 13 – Отличный разведчик; 14 – Отличный связист; 15 – Отличный понтонер; 16 – Отличник ПВО; 17 – Отличный шофер; 18 – Отличный дорожник; 19 – Отличный повар; 20 – Отличный тракторист

Планшет 7. Полководческие и флотоводческие награды Российской Федерации:
1 – орден Александра Невского; 2 – орден Суворова; 3 – орден Кутузова; 4 – орден Ушакова; 5 – орден Нахимова.

Начальник штаба бригады подводных лодок Северного флота капитан 1 ранга Б.И.Скорохватов прикрепляет орден Красного Знамени на знамя бригады за успешные боевые действия. 1943 год

Юный разведчик Ваня Михайленко, награжденный медалью «За отвагу». Калининский фронт, 1942 год

пятиугольной колодке, обтянутой индивидуальной лентой. Для достижения единообразия 19 июня 1943 г. были установлены новые правила ношения орденов и медалей. Ордена, имеющие круглую или овальную форму, а также все медали стали носится с помощью пятиугольной колодки с индивидуальной для награды лентой на левой стороне груди. Ордена, имеющие звездообразную форму – без колодки, на правой стороне груди, при помощи штифта с гайкой. Существовало несколько исключений, о чем речь пойдет ниже. Для каждой награды устанавливалась индивидуальная шелковая лента с уникальной комбинацией цветов и рисунков. Указом вводились прямоугольные планки для ношения лент без орденов и медалей. Все последующие награды учреждались в соответствии с данными правилами [22, с. 303–307].

В дни, когда Красная армия освобождала Украину, 10 октября 1943 г., был учрежден орден Богдана Хмельницкого 1-й, 2-й и 3-й степеней. В отличие от уже существующих «полководческих» наград, 3-й степенью могли награждаться солдаты и партизаны. Поскольку по смыслу новый орден перекликался с уже существующими, возникла негласная градация: орден Суворова считался наступательным, Кутузова – оборонительным, а Б.Хмельницкого стал освободительным. Всего орденом Б.Хмельницкого 1-й, 2-й и 3-й степени было произведено 8451 награждение (из них – 1076 награждений воинских формирований) [4, т. 1, с. 634–635].

Через месяц, 8 ноября 1943 г., была учреждена высшая полководческая награда – орден Победы. Орден предназначался для высшего командного состава за операции в масштабе фронта, в результате которых обстановка кардинально менялась в пользу Красной армии. Орден являлся произведением ювелирного искусства, изготавливался из платины, общий вес бриллиантов составлял 16 карат. В Большом кремлевском дворце учреждена мемориальная доска, куда заносились фамилии награжденных.

Экипаж 14-го танкового полка 1-й механизированной бригады Воронежского фронта командира танковой роты гвардии лейтенанта Василия Яковлевича Стороженко, подбивший 10 танков противника в боях на Курской дуге 6–10 июля 1943 года

Всего состоялось 19 награждений орденом Победы. Орденом были награждены: И.В.Сталин (дважды), А.М.Василевский (дважды), Г.К.Жуков (дважды), Л.А.Говоров, И.С.Конев, Р.Я.Малиновский, К.А.Мерецков, К.К.Рокоссовский, С.К.Тимошенко, Ф.И.Толбухин, А.И.Антонов. Также ордена были удостоены пять иностранных граждан: генерал армии США Д.Эйзенхауэр, британский фельдмаршал Б.Монтгомери, румынский король Михай I, маршал Польши М.Роля-Жимерский, а также верховный главнокомандующий Народно-освободительной армией Югославии маршал И.Б.Тито [4, т. 1, с. 635].

Одновременно с высшей полководческой наградой, 8 ноября 1943 г., учреждается орден Славы для награждения рядового и сержантского состава, а в авиации также и младших лейтенантов. Орден вручался за исключительное мужество в бою, воинские формирования им не награждались. По своему статусу и цвету ленты орден повторял самую почетную награду России – Георгиевский крест, отличаясь иным количеством степеней (три вместо четырех) и внешним видом. Награждение шло последовательно от 3-й степени (низшей) к 1-й (высшей). Всего за годы войны орденом Славы 3-й степени были награждены около 980 тыс. солдат и сержантов, 2-й степенью – 46 473 чел. и полными кавалерами стали 2638 (по другим данным 2656) чел. Среди полных кавалеров ордена Славы – четыре женщины: снайпер Н.П.Петрова (награждена посмертно), пулеметчик сержант Д.Ю.Станилиене, медицинская сестра старшина М.С.Нечепорук и воздушный стрелок-радист гвардии старшина Н.А.Журкина. Четыре полных кавалера удостоились звания Героя Советского Союза: летчик штурмового авиационного полка И.Г.Драченко, морской пехотинец П.Х.Дубинда, артиллеристы Н.И.Кузнецов и А.В.Алешин [4, т. 1, с. 636].

Ордена Победы и Славы, имевшие звездообразную форму, тем не менее носились слева на груди, при этом Орден Победы носился ниже всех наград, а орден Славы на пятиугольной колодке с георгиевской лентой.

Для награждения адмиралов и офицеров, а также частей и соединений ВМФ 3 марта 1944 г. учреждаются ордена Ушакова и Нахимова 1-й и 2-й степеней каждый. Всего орденом Ушакова 1-й и 2-й степени было произведено 241 награждение (из них – 23 награждения воинских формирований ВМФ), а орденом Нахимова

1-й и 2-й степени награждали 551 раз (в т.ч. 6 частей и соединений ВМФ). Ордена Ушакова 2-й степени № 1 был удостоен командующий Кронштадтским морским оборонительным районом контр-адмирал Ю.Ф.Ралль, дальний родственник Ф.Ф.Ушакова, который приходился дядей прабабушке Ю.Ф.Ралля [4, т. 1, с. 637–638].

В годы Великой Отечественной войны, наравне с вновь учрежденными, активно проводилось награждение орденами, с которыми Советский Союз вступил в войну. Звания Героя Советского Союза были удостоены 11 603 чел., в т.ч. дважды – 98 чел. и трижды – трое: Г.К.Жуков, И.Н.Кожедуб, А.И.Покрышкин. Высшей наградой СССР – орденом Ленина было произведено 8800 награждений (в т.ч. 200 награждений воинских формирований) [10, с. 381]. Орден Красного Знамени вручался 238 тыс. раз (в т.ч. 3270 награждений воинских формирований и предприятий). Более 2 млн 811 тыс. награждений состоялось орденом Красной Звезды (из них 1740 награждений воинских частей и соединений, в т.ч. 14 чехословацких и польских частей, воевавших на территории СССР). Труженики тыла, ковавшие оружие победы, награждались трудовыми наградами. Орденом Трудового Красного Знамени награждено более 21,5 тыс. тружеников (в т.ч. 6 предприятий), а орденом «Знак Почета» – 66 тыс. чел [4, т. 1, с. 631–632].

Ордена, с которыми Советский Союз встретил победу в 1945 г., представлены на планшете 3.

Одновременно с орденами учреждались и медали. Для награждения защитников городов и территорий были учреждены следующие медали: 22 декабря 1942 г. «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда», 1 мая 1944 г. – медали «За оборону Москвы» и «За оборону Кавказа», 5 декабря 1944 г. – медаль «За оборону Советского Заполярья». Медалями награждались военнослужащие Красной армии, Военно-морского флота, войск НКВД, участвовавшие в оборонительных действиях в обозначенных городах (территориях), а также гражданские лица, содействовавшие обороне на предприятиях, учреждениях, военном строительстве и т.п. Все медали имели общее композиционное решение, по окружности медали шла надпись «За оборону...» и далее название города (территории), уникальное рельефное изображение (здания Адмиралтейства в Ленинграде, кремлевская стена в Москве и др.). Обратная сторона медалей содержала надпись «За нашу советскую Родину» и серп и молот. Количество врученных медалей огромно, сотни тысяч. Первую медаль «За оборону Москвы» вручили 20 июля 1944 г. И.В.Сталину вместе с удостоверением к ней № 000001 [11, с. 52–67, 80–87, 92–95].

Командующий 18-й стрелковой дивизией генерал-майор Михаил Овчинников награждает бойцов орденами и медалями. Волховский фронт, 20 января 1944 года

Великая Отечественная война отличалась широким размахом партизанского движения. Для борьбы с партизанами противник был вынужден выделять значительные силы, в том числе регулярные части и соединения, в среднем до 5–10 % в конце 1941 г. и до 30–35 % в 1943–1944 гг. «Командованию вражеских войск пришлось у себя в тылу практически создавать второй фронт для борьбы с партизанами, – отметил в своих воспоминаниях Г.К.Жуков, – на это отвлекались крупные силы, что серьезно отразилось... в конечном счете на исходе войны» [21, с. 38, 41]. Указом от 2 феврале 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «Партизану Отечественной войны», которая отличалась от учрежденных ранее двумя степенями. 1-я степень предназначалась для награждения за особые заслуги в деле организации партизанского движения, 2 степень – за личное боевое отличие в выполнении приказов и заданий командования. Рисунок художник Н.И.Москалёв взял от неосуществленного проекта медали «25 лет Советской Армии». Это была первая советская награда, на которой появилось погрудное изображение И.В.Сталина. 1-й степенью было награждено 56 883 партизана и подпольщика, 2-й – 70 992 чел. Среди награжденных были антифашисты Европы: командир чехословацкого партизанского отряда капитан Ян Налепка, болгарская партизанка Вера Павлова, перешедшие на советскую сторону румынские военнослужащие Апостол Тома, Михаил Михайлеску, Лазарь Георги, Маринеску Георги, Комбари Никола и др. [11, с. 69–71].

Одним указом с «флотоводческими» орденами были учреждены медали Ушакова и Нахимова. Медали предназначались для награждения мичманов (прапорщиков), старшин (сержантов), матросов (солдат) флота и береговых войск. Профили флотоводцев выполнены на медалях аналогично

орденам. Медалью Ушакова было произведено более 16 тыс. награждений, Нахимова – около 13 тыс. [11, с. 72–79].

Несмотря на учреждение новых медалей, наиболее массово в годы войны награждали довоенными «За отвагу» и «За боевые заслуги». Первой было произведено свыше 4 млн 230 тыс. награждений, второй наградили свыше 5 млн 210 тыс. раз. После 19 июня 1943 г. обе медали стали носиться на пятиугольной колодке, обтянутой лентой серого цвета с двумя продольными синими полосками по краям для медали «За отвагу» и полосками желтого цвета для медали «За боевые заслуги». Эти медали являлись самыми массовыми для награждения рядового и сержантского состава, многие были награждены несколько раз. Так, сержант медицинской службы С.В.Грецов был награжден медалью «За отвагу» шесть раз, еще 14 – пять раз, среди них заместитель командира отделения 3-й стрелковой роты 3-го отдельного стрелкового батальона 71-й отдельной морской стрелковой бригады гвардии сержант В.С.Ипполитова [11, с. 28–35].

Медали, с которыми Советский Союз встретил победу в 1945 г., представлены на планшете 4.

Существует еще одна группа наград, учрежденных за события Великой Отечественной войны, однако вручавшихся уже после ее окончания. Речь идет о медалях за взятие/освобождение городов, за победу над Германией/Японией. Медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За победу над Японией» вручались всем участникам Великой Отечественной войны и разгрома Квантунской армии на Дальнем Востоке соответственно, а также лицам, внесшим свой вклад в победу. Примечательно, что профиль маршала И.В.Сталина на одной медали смотрит на запад (За победу над Германией), в другом на восток. Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» является единственной учрежденной наградой для награждения тружеников тыла, ковавших оружие победы. Лицевая часть медали аналогична медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», на обратной стороне надпись по окружности «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», серп и молот в верхней части и звездочка в нижней. Медали «За взятие Берлина», «За взятие Будапешта», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Вены», «За освобождение Белграда», «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги» выполнены по единой композиционной схеме. На лицевой стороне помещалось название города, взятого штурмом или освобожденного от фашизма, на обратной стороне дата взятия/освобождения. Суммарное количество награжденных медалями за победу над Германией/Японией и за взятие/освобождение городов составило около 36,5 млн. чел. [11, с. 98–99, 107, 110, 123, 127, 131].

Механик-водитель тяжелого танка ИС-2 «Колыма», младший техник-лейтенант Иван Бойко прикрепляет орден Отечественной войны 1-й степени своей жене Александре Бойко, командиру танка, за отличие во время проведения Режецко-Двинской операции, 25 июля 1944 года. Супруги Бойко, проживая в Магадане, внесли в Фонд обороны 50 тыс. руб. и отправили письмо Верховному Главнокомандующему И.В.Сталину с просьбой позволить им воевать в построенном на сданные деньги танке. В ноябре 1943 года супруги по ускоренной программе окончили Челябинское танковое училище и были направлены в 48-й отдельный гвардейский тяжелый танковый полк 5-го танкового корпуса. С мая 1944 по май 1945 гг. Александра и Иван Бойко в составе одного экипажа принимали участие в боевых действиях на территории Прибалтики, Польши, а победу встретили уже в Чехословакии.

Медали, учрежденные после победы в Великой Отечественной войне, представлены на планшете 5.

Победа над врагом забрала миллионы жизней, большинство погибших на фронтах войны были мужчины молодого и среднего возраста. Для помощи многодетным семьям, стимулирования рождаемости в стране 8 июля 1944 г. указом Президиума Верховного Совета СССР было введено почетное звание «Мать-героиня», учрежден орден «Материнская слава» 1-й, 2-й и 3-й степени, а также медаль «Медаль материнства» 1-й и 2-й степени. «Материнскими» наградами отмечались женщины, родившие и воспитавшие: пять детей – «Медаль материнства» 2-й степени; шесть – «Медаль материнства» 1-й степени; семь – орден «Материнская слава» 3-й степени; восемь – орден «Материнская слава» 2-й степени; девять – орден «Материнская слава» 1-й степени;

за десять и более детей – почетное звание «Мать-героиня». Кроме самих наград, был установлен ряд моральных и материальных стимулов таких, как выплата государственного пособия, при этом денежная сумма возрастала при рождении каждого последующего ребенка. Кроме того, увеличивался отпуск по беременности и родам, для малообеспеченных родителей снижалось плата за содержание детей в детских садах и яслях. Награды и льготы способствовали восстановлению довоенной численности населения СССР уже к 1954 г. [11, с. 90–91].

Кроме учреждения новых орденов и медалей советское руководство полностью изменило наградное производство. Как мы уже рассмотрели выше, делегирование прав награждения Военным советам фронтов и армий не дало ожидаемого результата. В 1942–1944 г. Президиум Верховного Совета СССР наделил наградными полномочиями командиров воинских формирований в зависимости от занимаемой должности. Так, командир полка награждал рядовой и сержантский состав медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», командир дивизии уже имел права награждения офицеров до командира роты включительно, а его наградной арсенал был расширен орденами Красной Звезды и Славы 3-й степени. Командующий армией награждал офицеров до командира полка включительно и т.д. [5, с. 360–361, 384–385; 6, с. 74–75, 83, 87–88, 136, 203–205, 247–248, 303].

Наградной лист оформлял на отличившегося непосредственный командир с описанием боевого отличия, время и место его совершения [10, с. 389]. Представление составлялось как по конкретному подвигу, так и по совокупности заслуг. Военный врач Б.В.Эпштейн вспоминал: «Бывало, кончились бои, дали разнарядку, надо сто человек наградить. Стали выбирать – этот, этот... Иногда не за конкретные какие-то подвиги даже награждали, а за период по совокупности...» [29].

Наградные листы оформлялись в 2-х экземплярах, один из которых оставался в штабе полка, а другой отправлялся вверх по инстанции. Командиры соответствующего ранга (командир дивизии, командующий армии и т.д.) рассматривали представление и издавали приказ о награждении. Если статус награды превышал их полномочия, то командиры ставили свою резолюцию и отправляли документы дальше. В конечном счете, через соответствующие комиссариаты (Обороны, ВМФ, безопасности) представление оказывалось в наградном отделе Президиума Верховного Совета, где издавался указ о награждении [10, с. 389–390].

Вручение наград происходило, как правило, в торжественной обстановке, с построением личного состава, выносом боевого знамени и оркестром. Командир взвода 1816-го самоходного артиллерийского Мозырьского полка Г.С.Корнев вспоминал: «По приходу наград, если есть возможность, выстраивался полк. А другой раз, построят, например, батарею. Приходит награда, вручают в торжественной обстановке. Бывало, обмоем. В котелок со спиртом бросали» [20].

Для обеспечения награждения отличившихся в воинских формированиях от полка и выше создавался запас наградных знаков. Кадровый орган отправлял заявку на получение орденов и медалей, хранил определенный запас наградных знаков, вручал их при награждении и отчитывался за движение орденов и медалей перед вышестоящим наградным органом [10, с. 395–396]. В годы войны имелся дефицит наградных знаков, промышленность не справлялась с масштабом героизма советских воинов. В этом случае награжденному выдавалась справка, на основании которой он мог получить награду позднее. В боевой обстановке награжденный мог погибнуть, по ранению оказаться в госпитале, быть переведенным в другую часть, пропасть без вести. Уже после войны было установлено, что около 3 млн наград осталось не врученными [10, с. 397]. Поиск и вручения наград продолжается и сегодня.

Количество награждений орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны и по сей день остается дискуссионным вопросом. Представляют интерес данные, опубликованные в 12-томной энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.»: 5,3 млн награждений орденами и 7 млн 587 тыс. медалями, всего 12 млн 887 тыс. награждений [4, т. 1, с. 639]. В 1941 г. было произведено всего 32,7 тыс. награждений (0,25 % от общего количества за всю войну), в 1942 г. количество награждений выросло в 12 раз до 395 тыс. (3,06 %). В дальнейшем неуклонно наблюдался рост числа награждений, в 1943 г. количество награждения составило 2 млн 50 тыс. (15,9 %), в 1944 г. – 4 млн 300 тыс. (33,3 %), в победном 1945 г. – 5 млн 470 тыс. (42,4 %). Награждения производились и после окончания войны, всего в 1946–1948 гг. состоялось 652 тыс. награждений (5,1 %). Из общего количества наград 97,62 % было вручено за бои с фашистскими захватчиками и 2,38 % награждений осуществлено за разгром японского милитаризма на Дальнем Востоке [10, с. 379–380].

Более половины (52,8 %) врученных орденов за индивидуальные отличия составил орден Красной Звезды, для коллективного отличия чаще всех, в трети случаев (29,9 %) использовался орден Красного Знамени. Для награждения отличившихся чаще всех вручалась медаль «За отвагу» – 39,28 % от общего количества награждения медалями. 62 % удостоенных званием Героя Советского Союза – офицеры, 36,4 % – сержанты и солдаты и 1,6 % – гражданские лица. Две трети героев (76,9 %) служили в сухопутных войсках [10, с. 381].

От общего количества награжденных за индивидуальные отличия 8,99 % пришлось на долю женщин. Их число на фронтах Великой Отечественной войны оценивается в 740–780 тыс., что составляет 2,28 % мобилизованных и воевавших в годы войны. Всего состоялось 1 млн 760 тыс. 522 награждения женщин, из них 762 тыс. 473 награждения пришлось на «материнские» награды (43,3 %)

и боевыми наградами состоялось 998 тыс. 049 награждений (56,7 %) [27, с. 84–85].

По национальности большинство награжденных (68 %) являлись русскими, 17,81 % – украинцами, 2,9 % – белорусами и 11,29 % – остальные национальности. Из числа Героев Советского Союза 70,5 % являлись русскими, 17,6 % – украинцами, 2,58 % – белорусами и 9,32 % – остальные национальности [10, с. 381]. Цифры по награждениям соответствуют цифрам по национальному составу населения СССР. По предвоенной переписи населения, проведенной в 1939 г., по национальности русскими являлись 58,4 % населения, 16,5 % украинцами, 3 % белорусами и 22,1 % населения представляли жители других народностей [24, с. 6–10]. На долю РСФСР пришлось и наибольшее количество мобилизованных – 71,6 % призывников. Из числа павших воинов на фронтах Великой Отечественной войны 66,4 % являлись русскими, 15,89 % – украинцами, 2,9 % – белорусами и 14,81 % военнослужащих были других национальностей [8, с. 42, 52]. Приведенные цифры свидетельствуют, что основную тяжесть войны вынесли народы РСФСР, что большая часть фактически мобилизованных в ряды Вооруженных сил, погибших и награжденных являлись русскими.

Кроме советских граждан, награждение орденами и медалями производилось и среди граждан армий антигитлеровской коалиции. За годы войны на территории СССР из граждан Польши, Чехословакии, Франции, Румынии, Болгарии, Югославии были сформированы две общевойсковые армии, три армейских, танковый и авиационный корпуса, 30 пехотных, артиллерийских, зенитно-артиллерийских, авиационных и учебных дивизий, 31 бригада, 182 полка и др. Их общая численность к концу войны составила свыше 550 тыс. чел. (8 % от численности действующей армии). Кроме того, награждались офицеры и солдаты армий США и Великобритании. Всего было произведено 2592 награждения иностранных граждан (0,02 % от общего количества награждения) [15, с. 64–71].

Как мы видим, в 1942–1945 гг. наградная система была усовершенствована, учреждено большое количество орденов и медалей, наградные полномочия предоставлены непосредственным командирам, которые осуществляли планирование и управление операциями и награждение подчиненных. Однако и этот алгоритм награждения не был лишен недостатков. Для награждения рядового и сержантского состава их непосредственный начальник – командир полка был ограничен лишь медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Для награждения другими орденами и медалями необходимо было отправлять документы в вышестоящие кадровые органы. Это занимало много времени, в условиях военного времени документы терялись, вышестоящий начальник отклонял представление к награждению. Артиллерист Г.Ковалевский рассказывал случай, когда их расчет уничтожил несколько тягачей с орудиями противника: «Командир батареи подал рапорт на награждение: командира орудия и меня орденом Славы 3-й степени, остальному расчету – медалью «За отвагу». Но только командиру дали «Славу», мне медаль «За отвагу», а остальным – «За боевые заслуги». И так почти всегда было. За боевые успехи награды получал, в основном, командный состав, а солдатам, кроме медали «За боевые заслуги» вроде бы ничего не было положено, хотя на фронте все делалось руками солдат» [18]. Разведчик И.В.Воронин был еще категоричнее: «Я считаю, что восемьдесят пять процентов тех, кто был в кровопролитнейших боях, свои заслуженные награды не получили. Тем, кто остался в живых, дали медали «За победу над Германией» и все» [12].

В годы войны для рядового и сержантского состава были учреждены 22 нагрудных знака отличник / отличный. Вся серия нагрудных знаков была построена по одной схеме. Вытянутый по вертикали варяжский щит, бывший на вооружении древнерусских воинов, наложенный на золотистый венок. Щит покрыт красной прозрачной эмалью (за исключением знака «Отличный понтонер», покрытого синей эмалью). Внизу щита располагалась эмблема, изображение вида оружия или техники, соответствующей названию знака. Знаки вручались специалистам, мастерски владевшим оружием, вооружением, техникой [28]. Нагрудные знаки, учрежденные в годы войны, представлены в планшете 6.

Формально, квалификационные знаки не являлись наградами. Однако, по воспоминаниям ветеранов, они не вручались автоматически, их нужно было заслужить в бою, вручение нагрудного знака рассматривалось как награждение. Танкист Н.Н.Борисов вспоминал: «А вскоре наступило 23-е февраля, и тот день в моей памяти остался как большой праздник... на митинге я получил знак «Гвардия». Он у нас автоматически не присваивался, только специальным приказом. И я считаю, так правильно. Такое звание нужно делом заслужить, а не автоматом получать» [3]. «Мы несколько суток готовили разведпоиск для захвата «языка»... Немец был солдатом 3-й горнопехотной дивизии, – вспоминал о награждении знаком «Отличный разведчик» сержант П.Н.Андриенко, – за его поимку всю разведгруппу наградили только что появившимся знаком «Отличный разведчик»... Вручал нам награды начальник разведки 301-й стрелковой дивизии майор Четвертной» [1]. Из воспоминания командира приборного отделения батареи 85-мм зенитных орудий 153-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона сержанта П.Н.Власовой: «...В ночном бою с воздушным противником заменила раненого осколком авиабомбы первого номера орудия, не дав возможности авиации противника вести прицельное бомбометание по огневой позиции, за что была награждена значком «Отличник ПВО» [9]. Нагрудные квалификационные знаки являлись дополнением наградной системы в отношении рядового и сержантского состава.

Авторитет наград Великой Отечественной войны настолько велик, что Указом Президента РФ № 1099 от 7 сентября 2010 г. «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» многие награды были сохранены, утверждены их статуты и новый внешний вид. Ордена утратили деление на степени, перестали дублировать друг друга, в качестве основообразующего элемента место звезды занял крест, орденские знаки носятся с помощью пятиугольной колодки с индивидуальной лентой. Существенно изменились наградные положения. Некогда самый младший в линейке «полководческих» наград орден Александра Невского теперь занимает высшее положение в иерархии, вручается военным и гражданским лицам за особые заслуги перед Отечеством. Орденом Суворова награждается высший командный состав, начальники родов и служб Вооруженных сил, орденом Кутузова – командиры воинских частей и их заместители, а также командиры батальонов и рот. Орденом Ушакова производится награждение высшего командного состава флота, орденом Нахимова – офицеров флота. Кроме того, всеми наградами могут награждаться части и соединения армии и флота (планшет 7) [23].

За четыре годы войны наградная система прошла путь, какой в обычных условиях занял бы десятки лет. Учрежденные ордена и медали позволили награждать все многообразие заслуг военнослужащих: личное мужество в бою, полководческое искусство командного состава, вклад военнослужащего в успех коллектива (для экипажей кораблей, самолетов и др.), совместных усилий воинского коллектива по достижению общего результата (успеха в боевых действиях). В условиях войны, когда под угрозу было поставлено не только существование государства, власти, но и выживание целых народов из-за расовых бредней руководителей фашистской Германии, основное внимание уделялось именно поощрению солдат на фронте, что прекрасно демонстрирует статистический анализ наградной практики.

Список литературы

[1] Андреенко Петр Николаевич (разведчик). // Федеральный портал «Я помню». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/andreenko-petr-nikolaevich-2/. (дата обращения: 04.05.2020). – Загл. с экрана.

[2] Белоусов О.М., Черномазов И.С. Войска НКВД в годы Великой Отечественной войны // Ростовский научный журнал, 2017. – №. 5. – С. 60–105.

[3] Борисов Николай Николаевич (танкист). // Федеральный портал «Я помню». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://iremember.ru/memoirs/tankisti/borisov-nikolay-nikolaevich/ (дата обращения: 04.05.2020). – Загл. с экрана.

[4] Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. / гл. ред. комис.: ген. армии С.К.Шойгу - пред. [и др.]. – М. : Кучково поле, 2015.

[5] Великая Отечественная война : Приказы народного комиссара обороны СССР 1941–1942 гг. / под общ. ред. В.А.Золотарёва. – М. : Терра, 1997. Т. 13 (2–2). – 448 с.

[6] Великая Отечественная война : Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. / под общ. ред. В.А.Золотарёва. – М. : Терра, 1997. Т. 13 (2–3). – 456 с.

[7] Великая Отечественная война : Главные политические органы ВС СССР 1941–1945 гг. / под общ. ред. В.А.Золотарёва. – М. : Терра, 1996. Т. 17–6 (1–2). – 665 с.

[8] Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф.Кривошеев, В.М.Андронников, П.Д.Буриков, В.В.Гуркин. – М.: Вече, 2010. – 384 с.

[9] Власова Пелагея Никитична. Федеральный портал «Живи и помни». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://pobeda71.ru/history/56044/. (дата обращения: 03.05.2020). – Загл. с экрана.

[10] Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под. общ. ред. генерала армии А.П.Белобородова. – М. : Воениздат, 1963. – 624 с.

[11] Володин А.Н. Медали СССР / А.Н.Володин, Н.М.Мерлай. – М.: Печатный Двор, 1997. – 229 с.

[12] Воронин Иван Васильевич (разведчик). // Федеральный портал «Я помню». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/voronin-ivan-vasilevich/ (дата обращения: 03.05.2020). – Загл. с экрана.

[13] Данные о количестве награжденных орденами и медалями СССР за 2-е полугодие 1941 г. // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11447. Д. 38. Л. 285.

[14] Жилин В.А. Организационное строительство Вооруженных Сил : история и современность / В.А.Жилин. – М. : Воентехиздат, 2002. – 584 с.

[15] Запарий В.В., Шуняков Д.В. Награждение граждан иностранных государств советскими орденами и медалями в годы ВОВ (1941–1945 гг.) // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. – 2017. – Т. 18. – № 3. – С. 64–71.

[16] Их именами назвали заставы: сборник. – Алма-Ата : Казахстан, 1979. – 391 с.

[17] Калинин М.И. Статьи и речи (1941–1946 гг.) / М.И.Калинин. – М. : Политиздат, 1975. – 671 с.

[18] Ковалевский Г. Пешком до Берлина...За Победой // Федеральный информационно-аналитический журнал «Сенатор». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.konkurs.senat.org/article/KovalGen.html (дата обращения: 06.05.2020). – Загл. с экрана.

[19] Командный и начальствующий состав Красной армии в 1940–1941 гг. : структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий : документы и материалы / под. ред. В.Н.Кузеленкова. – М. ; СПб. : Летний сад, 2005. – 272 с.

[20] Корнев Григорий Сергеевич (самоходчик). // Федеральный портал «Я помню» – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://iremember.ru/memoirs/samokhodchiki/kornev-grigoriy-sergeevich/ (дата обращения: 02.05.2020). – Загл. с экрана.

[21] Марценюк Ю., Ченцов А. Развитие теории и практики партизанского движения в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны // Академический вестник Внутренних войск МВД России. Москва, 2015. – №. 1. – С. 36–41.

[22] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР : 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Ю.И.Мандельштама. – М. : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1956. – 500 с.

[23] Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (ред. от 25.12.2019) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // Система «Гарант». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/Cons_ doc_ LAW_104589/. (дата обращения: 01.05.2020) . – Загл. с экрана.

[24] Численность населения СССР на 17 января 1939 г.: по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам. – М. : Госпланиздат, 1941. – 266 с.

[25] Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны : в 2 кн. / С.М.Штеменко. – М. : Воениздат, 1989.

[26] Шуняков Д. В. Развитие советской наградной системы и поощрений военнослужащих в 1941–1945 гг. / Д.В.Шуняков // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 4. – С. 30–37.

[27] Шуняков Д.В. «Слабый пол» на войне. Награждение женщин-военнослужащих орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Д.В.Шуняков // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 3. – С. 82–86.

[28] Шуняков Д.В. Нагрудные знаки Красной армии и ВМФ (1918–1946 гг.) // Вызовы времени и социально-историческое знание : Седьмая ежегодная конференция кафедры Истории науки и социальных технологий, 8 февраля 2018. – Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2018. – С. 85–96.

[29] Эпштейн Борис Владимирович (военный врач) // Федеральный портал «Я помню» – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://iremember.ru/memoirs/mediki/epshteyn-boris-vladimirovich/ (дата обращения: 05.05.2020). – Загл. с экрана.

СТИХИ О ВОЙНЕ

Вера КУЗЬМИНА

Родилась в 1975 г. в г. Каменске-Уральском Свердловской области. Окончила медицинский колледж. Работает медсестрой в городской поликлинике № 1. Печаталась в журнале «Наш современник». Автор книги стихотворений «Медицина здесь бессильна» (литературный псевдоним Веник Каменский). Лауреат конкурса имени Н.Гумилева «Заблудившийся трамвай» (г. Санкт-Петербург). г. Каменск-Уральский.

БЛОКАДА

Под ногами — крошево снежных глыб: много их лежит — до перил моста.
Саночки по снегу-то скрип да скрип: мать на Пискаревку везет Христа.
Шепчет небу, улицам, январю: «Бати не послушал сынок Христос:
Кану галилейскую повторю... Чудо застывает в такой мороз.
Как ни бился, паечка — вот она: сто и двадцать пять, а побольше — шиш,
Да и ту соседям... попросят — на: тот меня постарше, а тот малыш».
Все везет да шепчет: «Сейчас бы рыб, фиников, хлебов — да кусать, кусать...»
Саночки по снегу-то скрип да скрип, будто повторяют: сто двадцать пять.
«Хоть бы двести» — голос вконец охрип, «хоть бы двести» — шепчет бескровный рот.
Саночки по снегу-то скрип да скрип: мать на Пискаревку Христа везет.
Довезла... а санки-то, глянь — пусты. Где сынок, не видели, злые львы?
Где сынок, поведайте мне, мосты? ...стал блокадной пайкой, водой с Невы.
Кровь и тело. Молча застыла мать, снятые перчатки дрожат в руке.
Страшное причастье — сто двадцать пять и вода из проруби на Неве.
Саночки по снегу-то скрип да скрип: «кровь и тело» — слышится, «хлеб-вода»...

А на Пискаревском в тени от лип видят Богородицу иногда,
Да никто не может ее догнать, хоть бегут за ней, не жалея ног.
Ходит и бормочет: «сто двадцать пять», и зовет тихонько: «сынок, сынок...»

ЯНУШ КОРЧАК

Сотни глаз — вопрошающих, темных, невинных, тревожных,
Гневных, яростных, детских — охраннику в рыло глядят.
«Эй, пархатые твари! Живей, черномазые рожи.
Сколько? Двести и с лишком? В расход эту кучу жидят».

«Я стараюсь не лгать. Точно сказано — слово в начале.
Тот охранник шутил, правда, шутка его не смешна.
Что? Вагоны без окон? Чтоб пули в проем не влетали.
Сами знаете, дети, кусает овчарка-война.
Позади безнадежность и голод варшавского гетто,
Где горячая кровь пропитала тяжелый песок.
Уезжаем в поля — там поет одичавшее лето,
Солнце прыгает с неба — играть в ханукальный волчок.
Звезды — яблоки с медом. Луна — с пирожками корзинка.
Сколько хочешь, бери. Карусель смастерим — благодать.
Мы еще не приехали, дети. Всего лишь Треблинка.
Мы помоемся здесь, отдохнем и поедем опять.
Мне уйти — одному? Что-то, унтер, вы слишком уж бледный...
Ну-ка, дети, вперед. Не возиться же здесь до зимы».

Януш Корчак останется. В книгах, статьях и легендах.
Генрик Гольдшмит уходит. Играть со своими детьми.

ДОНЮШКО-ДОНЮ

Донюшко-доню, беги на кухню,
Там на столе чугунок картошки.
Мячик оставь и не трогай куклу,
Нам же сказали — с собою трошки.

Донюшко-доню, Параску вбили,
Вот и ее сарафанчик синий...
Ладно, уехать успел Василий,
Все поспокойней, кажись, в Хатыни.

Чуешь, командуют: «Юде, топай!»
Пан офицер молодой, да ранний.
Донюшко-доню, сосед наш Степа,
Что молоко куповал — в охране.

Степушка, нет на тебе погонов,
Только повязка, она не в счет ведь.
Степушка, нас-то куда погонят?
Что ты казав — отбивать чечетку?

Чуешь, мой свекор женат на русской —
Степа, какие же мы евреи?
Вот — от Явдохи остались буски,
Жинка износит на белой шее.

Ленту возьми — как подвяжет косы,
Скажет любой: хороша хозяйка...
Степушка, что ты казав? ...по носу,
Не по родне узнаются Хайки...

Донюшко-доню, там кто? Солдаты?
— Мамо, гляди, как шагают ловко!
Мамо, у дядей зачем лопаты?
...Мамо, а можно не быть жидовкой?

ГАФУР

На Урал приехали
Узбеки неженатые —
На них белые штаны,
Халаты полосатые
(Частушка времен Великой Отечественной войны)

Николаю Франковичу Голдену, автору книги
«УАЗовские перекуры»,
который первым рассказал эту историю

В сорок первом-то — не лютики,
На заводе — крик-пожар:
В двух бригадах три Махмутика,
Два Ивана и Сафар.
Ох, ворчал начальник Бормышев:
«Хоть прислали без семьи...» —
Средней Азии оторвыши,
Не чужие, не свои.
«Эй, Гафур! Бабай! Едрить тебе!
Ну, ничо не понимат...»
Проходная, снег да рытвины,
А в Коканде — Сибахат.
Что задумано — не сбудется,
Плавь люминий да терпи,
И дышал завод верблюдицей
В загоревшейся степи.
Сероватый снег на площади,
Две полуторки, воза...
У соседской Сони тощенькой —
Сибахатины глаза.
Над заводом ночью зарево.
«Что, Гафурка, хлеба ёк?»
«Гадом буду, на базаре он
Продавал вчера паек!»
«Точно, баял лысый Карпович:
Весь Восток — большой базар».
«За работу! Ишь, закаркали.
Продает — кака буза?
На калым накопит, женится,
Нам-то, паря — ни гу-гу...»
...Слишком твердая поленница,
Хорошо лежать в снегу.
Смена кончилась — не вошкайся,
Запахни, Гафур, халат...
А в Коканде — чай с лепешками,
И урюк, и Сибахат.
Ишаки в Коканде добрые,
Две черешенки в саду.
Сибахат, куда? За облако?
Погоди, с тобой пойду...
Все воздастся полной мерою —
И в золе, и в серебре.
К проходной старушка серая
Прихромала на заре.
«Просит хлеба внучка Сонечка —
С год закончилась мука.
Не принес Гафурка нонеча
Заводчанского пайка.
Ох, и славно же придумали,
Ворошилов подсказал:
Чтоб паек — хоть свату, куму ли,
Чтоб не грабил нас базар.
Как — пайка какого? Нашего.
Подавай-ко, милый сын...»
Вся бригада ошарашенно
Замолчала, как один.
Все узнают полной мерою —
Все слова и все дела.
В кузовке старушка серая
Внучке хлеба понесла.
И со снегом тихо падали
В воды Каменки-реки
Крошки глины — той, Кокандовой,
И урюка лепестки.
Умирали люди — тыщами,
Обращались в дым да мел.
Но узбекскими глазищами
Со стены Христос глядел...

ПЛЕННЫЕ

Бабкины байки — то быль, то небыль,
Та — наповал, а вон та — мурня.
«Гиб, майне фрау, картошки, хлеба.
Свет, зажигалка... менять, менять».
Пленные фрицы ползли Вороньжей,
Еле тащились — подъем-то крут.
Вслед им плевался безногий Роньжин,
Дети орали свое «капут».
Хоть подчистую обед съедали —
Восемь робяток толклось в дому —
Анна, прабабка моя седая,
Молча картошек дала ему.
Молча — дала... зажигалку — молча
Сунула фрицу в рукав пальто.
С неба Егорий смотрел по-волчьи:
Что-то ты, Анна, творишь не то.
Сыпал дождем на пилотки, лица,
Грозно копье направляя вниз:
Вдруг подпалит зажигалка фрица
Край белоснежных Господних риз?
Анна шепнула: «Небось не пухнем...»
Молча от фрица пошла назад.
...А за иконной доской на кухне
Две похоронных... «ваш сын и брат...»

ЧЕТЫРЕ ПОДАРКА

Анна с Вороньжи — счастье бабайка стырил, бабкина мама, значит, прабабка мне...
Были у ней подарки — за жизнь четыре — это Вороньжа, не в романе, не в кине.
Первый: Терентий-батя привез лошадку, пряничный хвостик, сахарное седло.
Вплоть до Святой субботы казалось сладко, звонко, подковно, яблочно и светло.
Был и второй: обручально кольцо от Гриши. Баяли бабы: шибко на водку лих.
Как же не выйти — пропили... плачь потише... в сорок втором обменяла кольцо на жмых.
В пальцах сведенных — глянцевый хмель крушины, редькины думки, мох в избяных пазах.
Третий подарок — шаль от вдовца Ишима. Сватался, мать сказала: не наш, казах.
Шаль отдала обратно, Ишим скуластый сжег на Исети молча свою любовь.
Целую ночь в проулке раскосо шастал, утром уехал, баяли, что в Азов.
Был и четвертый дар, и никто не отнял: черное солнце в небе сосновых стен.
Черные круглые солнца — десятки, сотни. В Каменске было шесть или, может, семь.
Радио дочке выдал начальник Саша, слушала Анна-Аннушка, не дыша:
«Вот бы их видно было! Поют да пляшут... будто водички в засуху — из ковша,
Будто по сердцу гладят — тепло, утешно. Вот бы их видно было! Сапог, рука...»
Так и ушла — под песни во тьме кромешной. Короток век — а Родина велика.
Греет Вороньжу солнце свечным огарком. Анна ушла, а Родина все жива.
Короток век... плывут в облаках подарки: кольца, платки, свидетельства и слова.
Короток век... Господь в драгоценной ризе, в мирре и золоте тихо шепнет Петру:
«Анне с Вороньжи завтра же — телевизор... Кем — не положено? Чтоб привезли к утру».

ТРИ СЫНА

Лебеда и полынь на обочине,
Лес березовый, спелая рожь.
Здесь когда-то кукушка пророчила:
Ты, мальчонка, до ста доживешь.
Деревянные стены с полатями,
Лай кудлатых ленивых собак.
Жили-были три сына у матери:
Двое умных, а третий — дурак.

«Здравствуй, мама. Как Лёша и Гришенька? Новый фельдшер-то Гришу смотрел?
Так охота домашней яишенки и картошки, печеной в костре.
Не прокормишь ты борова Борьку-то, пусть зарежет кривой Каленчук.
Тут река на границе — не бойкая, называется Западный Буг,
Ходим берегом, окуни плещутся, часто слышим нерусскую речь.
Перемет бы... хотя бы подлещика, да границу-то надо стеречь.
Через месяц прощаюсь с ребятами, и домой, в наш любимый Рассвет.
Мама, Нину Орлову просватали? Ты скажи — от Сергея привет.
Посылаю вам ящик с консервами, пусть Гришуха сгущунки поест».

Ниже дата. Июнь. Двадцать первое.
А на штемпеле значится: Брест.

«Здравствуй, мама. Спасибо за варежки. Март на Висле — еще не весна.
Плохо — в бане никак не попаришься, вот вернусь, истоплю докрасна.
А фашистская гнида измучена, гоним гансов, им скоро конец.
Как Гришуха-то? Часто падучая? Всё играет в лошадки, стервец?
Сорок лет дурачине упрямому, как скажу, так не верит никто.
Из Берлина, маманя, из самого привезу патефон и пальто.
Смерть безглаза, для всех одинакова, нынче видел убитых лосей.
Не простынь, без платка не выскакивай. Обнимаю. Твой сын Алексей».

Мужики — не бумажки казенные
Жили-были, да Бог не сберег.
За иконами — две похоронные
И свидетельства желтый листок.
Эпилепсия... Буковки бурые.
Помнишь, сына несла в подоле?
Хорошо дураками и дурами
Век прожить на российской земле.

Заполняет ивняк и черемуха
Берега неглубокой реки.
Еле слышно, незримо, без промаха
Над кустами летят шепотки:
«Кудри черные. Бати. Серёгины.
Брови Нины Орловой — углом...»
Лист черемухи за руку трогает:
«Я родился бы в сорок втором».

«Мой отец — Алексей из Рассветовки, —
Шепчет лесу дорожная грязь.
Не зовет, не рыдает, не сетует:
«Я бы в сорок седьмом родилась.
С дядей Гришей играли бы в рыцари,
Он бы нас на загривке катал...»

Три бумажки казенные выцвели.
Кроме них — ничего. Пустота.
Три казенных бумажки с печатями:
Всё не то, не о том и не так.

...Жили-были три сына у матери:
Двое умных, а третий — дурак.

ЛЕТО СОРОК ПЯТОГО

Шли в сорок пятом по домам солдаты.
Поспать бы... вон хозяйка рубит жердь —
И был ночлег случайным, как когда-то,
Два месяца назад — случайна смерть.

Топила баню, щурилась от дыма.
Две стопки наливала: «Будь здоров...
Война, война, разлучница голима,
Полсотни баб да восемь мужиков,
И те старее лапотной подошвы...
Тебе, служивый, сколько? Пятьдесят?
Родить бы Ваньку — скоро ты уйдешь ведь.
Неуж не пожалеешь, слышь, солдат?»

Слегка тянуло холодом от пола
И запахом соломенной трухи.
В углу закрыл глаза святой Никола:
Ничо я не видал, каки грехи?
Вздыхал огонь, в беленой печке шаял,
В жестянке Ванька мокрый тихо чах.
Страна лежала — сильная, большая,
Со скомканной Европой в головах.

Не кончилась страна: деревни, чащи,
Москва, глаза Ванюшек и Марусь...
Крестили бабы спины уходящих,
А в теплых животах —
Толкалась Русь.

РЕКРУТЧИНА

Алексею Ивантеру, который однажды сказал о рекрутах русского слова — с уважением и любовью к его стихам

Есть рекруты русского слова — ведь бабы рожают еще.
Кто Богом и чертом целован, похмельным попом окрещен,
Тому неизбежное «годен», костры у степных рубежей,
Заставы у речек Смородин, рубцы от ножей и вожжей.
Постелью — солома и ягель, и в поле осенняя грязь.
Не рвется с убогим бродягой рекрутская кровная связь.
Свистит, заливается дудка, воткнулся в столешницу нож.
Есенин стихи проституткам читает про чистую рожь.
От кислых антоновских яблок, сухих просоленных кусков,
Старух, молчаливых и дряблых, болящих седых стариков,
Подметных листов Пугачева, Тобола и Обской губы —
Рекрутчина русского слова, рекрутчина русской судьбы.

ДОРОГА

Знаешь, можно, наверно, шкатулку открытого сердца
Перебрать, чтобы выбросить то, что копилось давно:
Николая с Алешей, и пепельно-серый Освенцим,
И соленую речь мандельштамовских скорбных длиннот.

Я пойду по дороге, кидая в ладони обочин
Бриллианты княжон, Мандельштама черничную боль.
В синеву закричит деревенский обдерганный кочет,
Замотается дым на ветру над кирпичной трубой.

Отделить, перебрать... Переборы вдали, переборы.
Голоса, будто пчелы, звенят в золотистой пыльце.
Помнишь, мальчик Алеша, затылки сестер и проборы,
И высокие вышки, берущие их на прицел?

Перебрать, отобрать... Обручальные кольца и косы,
Голоса и фамилии, жизней тугие хребты.
Умирает в Освенциме тощий замученный Осип.
Догорает у Ганиной ямы живая Хатынь.

Разобрать, перебрать... переборы вдали, переборы.
Кандалы, колокольни, звенящие связки ключей.
Завалился за крышку шкатулки какой-то заморыш,
Черноглазый Алешка — хромой, сумасшедший, ничей.

Я бросаю монеты на скорбной российской дороге,
Подбирает прохожий, проезжий, замотанный люд.
Переборы вдали... у мальца заплетаются ноги.
Нам куски пирога и краюшки бабенки суют.

Не пустеет шкатулка. Неведомо, где заночуем.
И шаги, будто сердце, стучат: тишины, тишины.
Переборы вдали... «Мы живем, под собою не чуя...»
Повторяй же, Алеша: «...собою не чуя страны».

ЮЛИЯ ДРУНИНА

«Как летит под откос Россия —
Не могу, не хочу смотреть!»
Юлия Друнина

То ли падал старый тополь, то ль камыш шумел...
Мишка продал, Борька пропил Друниной шинель.
Жирный хряк да бык комолый обменяли — на!
На бутылки с кока-колой Юли ордена.
Жаль, что нет военной пули: фара да педаль.
Мишка сунул ей пилюли, Борька газ подал.
Темнота на дне колодца, руки холодны...
Потому что штык — не гнется. Он пришел — с войны.
Прогибаться — под Лолиту, Юпи и ларьки?
Штык ломается. Финита. Гнутся — не штыки.
То ли шрамик, то ли копоть: дай-ка сковырну...
Мишка продал, Борька пропил Друниной страну.
А один уже — в землице, сверху лебеда.
Хорошо ли, Борька, спится? Мишке, вроде — да:
Пух, портретик на обоях, тихонькая мреть...
Ждет вас Друнина — обоих: в зенки посмотреть.
Что, не ждали, ошалели? Подались в бега?
Вместо хлястика шинели — Курская дуга,
И Дорога Жизни вьется на шинели швом.
Вам ответ держать придется. Заикайтесь. Ждем.
Ходит Друнина на страже, ждать недолго ей.
Ветер в небе тучки вяжет из ночных теней,
А луна плывет, как лодка — знать, пора ко сну.
...Светит звездочка с пилотки на мою страну.

КАРТОШКА

Давно пора мне подгребать картоху,
Уж цвет набрали ранние сорта...
Глядят глазами страшными эпохи
Из каждого картовного куста:
Сочится чем-то красненьким — не морсом,
Почти закрытый ворохом бантов,
Картофельный цветок в прическах Монсих
Над палками картофельных бунтов.
Картошка поднялась — такая сила,
Все б здорово, да выросло травы...
...А руки тянут к топорам и вилам
Из-за земли... а попросту — жратвы.
Все просто на земле — такое дело.
Все просто, как картошина в костре,
Как цвет войны — то розовый, то белый,
В сороковых на каждом пустыре:
В тылу своя война, своя победа,
Свой — со слезами горькими — пирог,
Своя картошка... «отнеси к обеду
Картохи пленным — в сенках чугунок».
Кыш с грядки! Занесло чужую кошку,
Иди в межу, разбегалася тут!
...Мне кажется, покуда есть картошка,
Нас будут убивать. И хрен убьют.

ПРО БАБКУ ДАРЬЮ, ПАШКУ И БЛИНЫ

В мире, где пахло донником, белой кашкой,
Где забивали, пива хлебнув, «козла»,
Все пацаны дразнили толстиной Пашку,
Я пожалела, треснула их — базлал.
Стал он ходить за мной — тили-тили-тесто,
Блинчики бабки Дарьи таскал в кульке.
Рыжее детство — все в камышином треске,
В запахе трав — дремало в моей руке.
...К бабке Дарёне в гости. Блины и мячик,
Ласково треплет волосы Дарья мне.
«Баба Дарёна, вы из-под Минска, значит?
Баба, а правда, Пашка храпит во сне?
Баба, мово-то деда зовут Григорий.
Вашего звали как?»
«Ох, совсем дитё...
Звали его Адольфом — такое горе,
Встретились на пожаре — горел костел.
Как я его любила! И он, коханый.
Ноги мне мыл, Брунгильдой какой-то звал.
Как расстреляли жинку-то партизана,

Шубку принес в подарок — хоть щас на бал.
С дочкою Таней, мамочкой дурня Пашки,
Драпать пришлось — Советы вернулись... ох...»

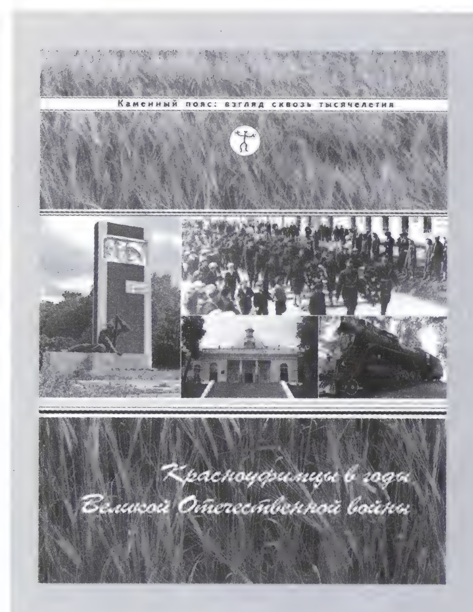
Пахло блинами, донником, белой кашкой,
Где-то орали — «рыба!» — и цвел горох.
Встала, и блин в тарелку пошел обратно,
Вытерла губы и навсегда ушла.
Пашкин подарок с тумбочки прикроватной —
Куклу Нинель — спалила в костре дотла.
Долго потом дразнила я Пашку — трактор,
Так довела — как видел, под стол нырял...
Зря я, толстина Пашка, с тобой вот так-то.
С бабкой с твоей, с Дарёной...
Да нет, не зря.

ПОЧТАЛЬОНКА БРОНЬКА

Сказки слаще давней были, только сказки — не о том...
Почтальонку не любили в сорок первом и втором.
«Похоронны, знать, у Броньки — ох, пропали мужики...»
Их не звали «похоронки» — слишком были велики.
Брали бабы желтый листик, кто молчал, а кто базлал.
Кулаками била Христя Броньку с горя — не со зла.
Где порвется, там и тонко. Глядь — в ладони пустота.
В сорок третьем почтальонка померла от живота.
«Тань, пошарься за иконой... подоконник-то в пыли...»
Восемь рваных похоронных под окутками нашли.
Шапку снял Семенко Белый: «Ох ты, Бронька, ё-мое.
То ль себя она жалела, то ли глупое бабьё».
Всё б ничо, да дура Олька — погрешили на вино —
Утром баяла в песелке: Броньку видела в окно.
Сумка сбоку — та, казенна, гребнем месяц молодой,
Восемь рваных похоронных вместо крыльев за спиной.
«Не бывать такому делу». — «Не мути, знатка, народ».
Только Христя заревела первый раз за целый год.
Только видят всё же Броню в огородах, в камышах:
Восемь рваных похоронных за лопатками шуршат.
С каждым годом крылья шире, суше, сгорбленней спина...
Ей ходить, покуда в мире не закончится война.

СТОРОЖИХА НА БРОДУ

Зимней ночью холодно и тихо, пес из будки смотрит на звезду...
На крыльцо выходит сторожиха дровяного склада на Броду.
Пахнет снегом, деревом, мышами — «Развелось мыша да хомяка!» —
Толстая, усталая, большая, XXL — размер пуховика.
Загулял мужик-то, сука в ботах, за него на складе поживи...
Мир такой — большие для работы, маленькие, значит, для любви.
Мир такой — ночной, морозный, мутный, только звезды радуют, горя...
А в Расее верят не кому-то, а в кого-то... в Бога и царя.
Только далеко-далёко царь-то, Бог поближе — столько нынче звезд...
Вон скрипят по небу Божьи нарты, кучером у Бога — Дед Мороз,
Новый год уж скоро... Крысы, что ли... «Развелось мыша да хомяка!»
Синим ветром и морозным полем пахнет от ее пуховика,
И Господь глядит светло и строго: «Что, идешь?» — «Иду уже, иду...»
Два шага всего до санок Бога от крылечка склада на Броду.
«Ну, проси. Чего ты хочешь, Валя? Ибицу? Айфон или айпад?»
«Господи, чтоб доски не украли».
«Всё?»
«Ага».
«Ну что ж, иди назад».
Звезды — Богом ставленые свечки — льют на снег лимонный слабый свет.
Сторожиха Валя на крылечке крестит Божьи саночки вослед:
Скрылись за звездою цвета меди, вынырнули около Луны...
«Ладно, Он еще, поди, приедет.
Попрошу, чтоб не было войны».

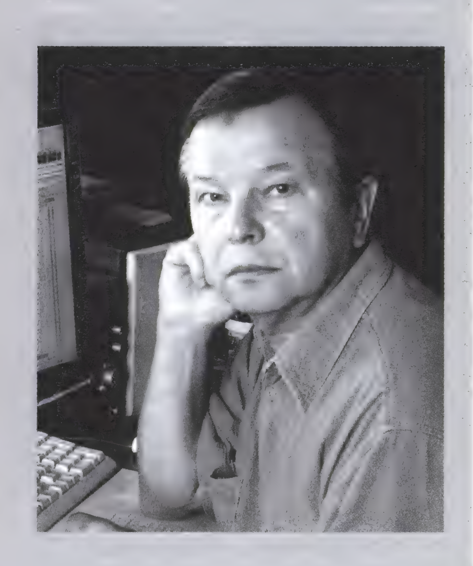

Серия «Каменный пояс: взгляд сквозь тысячелетия»

История Великой Отечественной войны и сегодня изучена неполно. Зачастую современники не имеют представления о тех событиях, которые происходили в их местности, не знают о подвигах, которые совершили их земляки. Поэтому так важно рассказать, какой вклад в дело Победы внесли земляки-уральцы, которые сражались на фронтах Великой Отечественной войны, и те, кто трудились в тылу.

В 1941–1942 годах на территории города Красноуфимска и Красноуфимского района Свердловской области формировались пять дивизий: 82-я кавалерийская дивизия и четыре стрелковые – 152-я (второе формирование), 221-я, 284-я (второе формирование) и 140-я (переформирование). Маленький уральский городок Красноуфимск, в то время с населением в 25000 человек, принявший еще 10000 человек эвакуированных, защищал Отечество, трудился. В 1986 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Красноуфимск был награжден орденом «Знак Почета», и не только за успехи в хозяйственном и культурном строительстве, но и за вклад в обеспечение разгрома немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.

Все дальше в прошлое уходит Великая Отечественная война. Все меньше остается ее живых свидетелей – старых солдат. Но память сильнее времени. «...Память – основа всему, она священна. Человек не вечен. Как и все живое, со временем он превращается в прах. Однако пока он жив, он думает о потомках и старается довести до их сознания свои мысли и чаяния, таким образом продляя свое земное существование в памяти детей, внуков, родственников и просто знакомых...» – писал в своих воспоминаниях участник Великой Отечественной войны красноуфимец Александр Васильевич Конев. И с этим трудно не согласиться.

Владислав ТАРИК
e-mail: tarik.swet@yandex.ru
Родился в 1935 г.

Техник-геофизик, кинорежиссер. С 1957 года – на Свердловской киностудии: ассистент оператора, кинооператор, режиссер документальных фильмов. Снял более 40 фильмов, в т.ч. документальную комедию «Тот, кто с песней…» (1988) https://www.youtube.com/watch?v=guzR5jFiFIU, фильмы-памфлеты «Господи, помилуй!» (2018) https://www.youtube.com/watch?v=XRf5OuXNN_k, «Назад к византинизму?» (2019) https://www.youtube.com/watch?v=_JDoXZSBOzc&t=156s. Кавалер ордена Дружбы, Почетный кинематографист России, член Союза кинематографистов России, академик Академии киноискусства «НИКА». Лауреат премии губернатора Свердловской области (1996, 2015). г. Екатеринбург.

ПОЭТ-ФРОНТОВИК СЕРГЕЙ ТЕЛЬКАНОВ

Вот уже 85-й год я живу в Свердловске-Екатеринбурге. Когда мне было два года, отца расстреляли, маму с 4-месячной дочкой на руках выслали в Нижний Тагил, а меня взяли к себе бабушка с дедушкой, которые жили в малюсенькой комнатке в доме на улице Вайнера. С нами жил также мамин брат Борис, который стал для меня как папа. Но вскоре его призвали в армию. Он воевал на Дальнем Востоке, затем вернулся, а через полтора года – снова война…

Этажом ниже в такой же комнатке жила мамина сестра Тамара с мужем Сергеем Телькановым. Дядя Сережа тоже редко бывал дома. Как корреспондент областной молодежной газеты «На смену!» он мотался по всей области. Помню только его письменный стол с машинкой – святое место для всей родни.

Вообще, в 3-этажной коммуналке в доме на углу улиц Вайнера и Всевобуча (теперь улица Попова) жило немало журналистов. Раньше там была редакция газеты «Уральский рабочий», в которой даже Маяковский выступал.

С началом войны оба мои дяди исчезли. Как и почти все мужики в доме.

Когда в 1967-м году я прилетел в Хабаровск на кинофестиваль, то первым делом побежал к Телькановым. Весь вечер дядя Сережа рассказывал мне о рыбалке на Амуре, о том, каких огромных карасей он ловит в районе каких-то островов. Я же рассказал ему о съемках в Югославии, из которой только что вернулся, и которую он когда-то освобождал от фашистов.

Прощаясь, он подарил мне рукопись «Баллады о сербской девушке» и сборник стихов «Память сердца», в котором я обнаружил такие строчки:

Еще письмо. Еще утрата.
Откуда сразу столько бед?
Уже лежат в земле два брата,
И вот теперь любимой нет.
И нету слез, и в горле сухо,
И горе плещет через край.
Лишь сердце бьется глухо-глухо,
Стучит одно:
– Прощай, прощай!..

Это он о своей жене, моей тете Тамаре, которая в 44-м году умерла, оставив на попечение нашей бабушки еще одного внука – семилетнего Вову.

Я не помню, когда это было, но вдруг по дому разнеслось: «Тельканов приехал!» Он был не больше 2–3 дней, и то где-то пропадал. Помню только, как мы с Вовой сидели под письменным столом, и он пытался кормить меня кофейными зернами из стоявшей там банки. Потом Вова осторожно выдвинул ящик стола, и показал лежащий там отцовский пистолет.

С удивлением читаю теперь стихи этого молчаливого, красивого, строгого, интеллигентного человека, и думаю: как же я прошел мимо? Не прикоснулся к его теплой, поэтической душе, с добрым, светлым, сострадательным взглядом художника на природу, на человека, на все происходящее вокруг. Светлая ему память, и да простит он меня.

«...РОССИЯ В СЕРОЙ ФРОНТОВОЙ ШИНЕЛИ...»

Сергей ТЕЛЬКАНОВ
(1911–1974)

писатель, поэт, журналист, военный корреспондент, участник Великой Отечественной войны. Родился в поселке Майкор Пермской губернии. С 1931 года в Свердловске – разъездной корреспондент газеты «На смену». С начала войны – военный корреспондент дивизионной газеты «Боевая красноармейская», с 1943 года – в газете 2-го Украинского фронта «Суворовский натиск». Позади Сталинград, Курская дуга, Днепр, Украина, Молдавия, Румыния, Чехословакия, Венгрия, Австрия, Монголия, Манчжурия.

* * *

Было десять атак на участке полка.
Уцелело лишь трое из нашего взвода.
Пахнет дымом строка,
пахнет кровью строка.
Это запах стихов сорок первого года.

* * *

Картины эти в памяти свежи.
От них мне никогда не отмахнуться.
Пехота оставляет рубежи,
А по дорогам беженцы плетутся.

С крестом на башне танк пшеницу мнет,
Как люди, перелески поседели.
И дым вокруг, и в том дыму идет
Россия в серой фронтовой шинели.

ПЯДЬ ЗЕМЛИ

Пядь земли – это очень мало.
Развернешься на ней не очень.
Но она нас так измотала,
Что признаться, уже нет мочи.

Сохнут раны, и губы сохнут.
Не пробиться в дыму к рассвету.
Третий день, от войны оглохнув,
Пядь земли защищаем эту.

Черный гребень бугра крутого –
Сколько здесь мы врагов скосили...
Пядь земли – это очень много.
Бугорок этот – часть России.

КУРСКАЯ ДУГА

Поля, дубравы и луга,
Сады, пруды, селений крыши...
Все это – Курская дуга,
Что не звенит, а громом дышит.

Что не над гривою коня,
Не с бубенцом, не с песней ветров.
Дуга иная – из огня
На много сотен километров.

Дуга из дзотов и траншей,
Из бронированных чудовищ,
Дуга из тысячей смертей,
Из пепла, копоти и крови.

Мы утром двинемся вперед,
И бой все жарче, все сильнее,
И ветер взрыва вновь несет
Ромашки сбитые в траншею.

ДНЕПР

В степи стояла тишина с утра,
Должно быть, враг готовил контратаку,
Приполз солдат и прошептал: «С Днепра!»,
Протягивая командиру флягу.

И фляга быстро по рукам пошла.
Дул ветерок с туманных близких плавней.
Казалось нам, что вряд ли где была
Вода днепровской чище и прохладней.

Украина, 1943

ДЕВЧОНКИ

Их было двое в полушубках стареньких.
В ту ночь в степи буянила пурга.
Девчонок этих где-то ждали маменьки,
А шли они в глубокий тыл врага.

Им предложили кашу, чай с галетами,
Печурки нашей слабое тепло.
Никто девчат не осаждал советами,
Сказали только:
– Будет тяжело.

А им бы надо бегать на свидания,
Сидеть в кино и под луной мечтать.

Ушли девчонки в полночь на задание.
Мне больше их не довелось встречать.

ТАНКИСТЫ

Памяти Ирины Левченко

Танкисты сидят на привале.
Дымятся в руках котелки.
Эх, много же «дров» наломали
Ребята у этой реки.

Все то, что наломано ими,
В бесформенных грудах лежит
И больше стволами своими
Уже никого не страшит.

А солнце повисло в зените,
И танки молчат в тишине.

Девчонка, механик-водитель,
О маме грустит на броне.

* * *

Сюда мы больше не придем.
Лежит вперед наш путь.
И Будапешт в кино потом
Увидим как-нибудь.

Припомним всё, и этот дом,
И то, как мы в те дни
Сказали: – Ратушу возьмем!
И взяли, черт возьми!

* * *

Заслуг особых не припишешь мне.
Кого-то удивить могу едва ли.
Вот разве строки, строки о войне,
О той войне, когда мы мир спасали.
Мне кажется, они не пропадут,
Как плотно бы их время ни прикрыло.
Найдут те строчки люди и прочтут,
Задумаются: вот как это было.

ЧЕЛОВЕК ИЗ НЕЗНАКОМОГО ГОРОДА

Владимир ШКЕРИН

г. Екатеринбург.

Рисунки автора

В кафе на рю де Флёрюс, недалеко от перекрестка, за которым эта улица перетекает в широкую аллею Люксембургского сада, германские офицеры пили коньяк и обсуждали парижскую жизнь на фоне большой европейской войны. На троих красовались серо-голубые мундиры с птичками люфтваффе на петлицах, что было неудивительно по соседству со ставкой фельдмаршала Шперле. Летчики уже успели распугать старичков, привыкших здесь читать газеты, когда за их столик подсел четвертый – сероглазый пехотный обер-лейтенант. Гарсон, мальчишеские щеки которого еще не привыкли к бритве, морщился, но обслуживал проворно.

– Это была не война, а санаторий! – предавался воспоминаниям летчик, которого товарищи звали Генрихом. – Наши войска вошли в Париж без единого выстрела. Элегантные женщины, прекрасное вино и товары, которых в Германии пару лет как не было в свободной продаже. И всё практически даром! Ведь один франк – это всего лишь пять пфеннигов! Моя добрая Эльза писала, что по всей Германии три дня гудели колокола, и народ ликовал на улицах.

– Одно плохо, – подхватил разговор другой летун, Гюнтер, – лягушатники умудрились както хитро испортить подъемники на Эйфелевой башне. Никогда еще я не поднимался в небо с таким трудом!

– Парижане боялись восстания рабочих и новой коммуны больше, чем нас, – заметил третий, в звании флигер-инженера, очевидно, имевший склонность к серьезным разговорам. – Потому и объявили Париж открытым городом. Наша армия могла бы взять его еще в прошлую войну, но проклятые политиканы...

– Ах, Мартин, оставь политику политикам, – отмахнулся от него Гюнтер. – Мы солдаты. Наше дело воевать и радоваться жизни, – и, обращаясь к новому собеседнику, осведомился: – А вы, герр обер-лейтенант, здесь по делам службы?

– Нет, я в отпуске. Фюрер поощряет туризм.

Летчики забарабанили ладонями по столешнице, выражая свое одобрение.

– У вас странный акцент, – отметил Мартин. – Откуда вы? Из Остмарка?

– Эйген Шлёцер, – представился пехотный офицер. – Просто Эйген, прошу вас! Все мы солдаты, это правда, так будем же проще. А что до моего происхождения, то я из Прибалтики. Еще более дальнее пограничье, еще более далекий Ост.

– То есть почти из России?

– Да, когда я был ребенком, наша семья некоторое время жила в самой России.

– Так вы знаете Россию! – воскликнул Генрих. – А нам только предстоит туда отправиться. Я предпочел бы и дальше бороздить небо веселой Франции на своем верном «Эмиле», охотиться на «ланкастеров», играть в догонялки с «харрикейнами» и «спитфайрами» над Ла-Маншем. Но интересы рейха...

– Проклятая Россия! – подхватил Гюнтер. – Там не будет ни вина, ни женщин.

– Не надо паники! Говорят, славянские женщины красивы, а всё французское вино теперь прямиком отправляют на Восточный фронт.

– Может, и отправляют. Но в России такой мороз, что вино превращается в лед и раскалывает бутылки. Да что бутылки! Не выдерживают даже синтетические шины на колесах шасси. А вся земля там покрыта снегом. Парни не находят аэродромов и гибнут понапрасну.

– Послушайте! Пока мы еще не в России, предлагаю вечером пойти в оперетту. Сегодня выступает Морис Шевалье со своим шансоном. Эйген, вы с нами?

– Увы, вечером я занят. Дела, дела...

– Какие в отпуске дела? Да еще в Париже! Эйген, дружище, признайтесь же, кто она – эта галльская курочка? А в воскресенье на ипподром Отей, ну?

– Генрих, разве не видишь, что обер-лейтенанту не интересны ни шансон, ни лошади? – хохотнул Гюнтер. – Он точно любитель удовольствий с перчиком. На пунктах франко-германского сближения, да? Только не говорите, что фюрер такие визиты не поощряет. Вам, старина, доводилось посещать дом утех «Один-два-два» на рю де Прованс? Там двадцать два номера и каждый в своем стиле: от пиратской каюты и деревенского сеновала до индейского вигвама и комнаты с кривыми зеркалами. Хотя эти французские девки так воняют... О, я понимаю, что теперь во всем Париже не найти порядочного мыла – ни тебе savon de toilette, ни savon liquide.

– Нет, Гюнтер, это потому, что ты вылил на себя всю туалетную воду Франции!

Генрих и Гюнтер еще погалдели и ушли по направлению к Люксембургскому саду. Оба молодые (пехотный офицер и флигер-инженер заметно старше – лет под сорок), гладко выбритые, терпко пахнувшие одеколоном. Их кортики кивали витыми рукоятями на каждый шаг, как шпаги мушкетеров. Сдвинутые не по уставу фуражки не скрывали таких белокурых волос, каких не найти во всей Франции. У оставшихся офицеров разговор пошел не бойко. Заказали кофе.

– Вы любите Париж? – поинтересовался флигер-инженер, прерывая неловкую паузу. – Да, разумеется, я тоже. Как там говорил Фронтен: Париж – весь мир, прочее – лишь его пригороды.

Обер-лейтенант улыбался и молчал. Понимал, что его визави о чем-то хочет высказаться (не о Париже, конечно) и не видел причин ни помогать ему, ни препятствовать.

– Да... Не знаю, выпивка ли это или наша германская сентиментальность. Когда услышал, что вы из России... Я ведь тоже бывал там. Можно сказать, что даже жил. И вот меня оставляют здесь, а друзей посылают... Превратности военной судьбы! Нет, я им не говорил. Просто незачем. Это не секрет, командование в курсе. Ничего такого. Когда наш фельдмаршал был еще майором, он тоже прошел курс в Липецкой летной школе. Значит, даже носил советскую форму.

– И вы тоже были в Липецке?

– Нет-нет. Я тогда еще не был военным. А вот инженером уже был, хотя и молодым. Вы ведь помните, как начинались тридцатые? Низкие зарплаты, высокие налоги, безработица. Вот я и подписал контракт на работу в России. Завербовался через советскую Торговую палату. Сначала на два года. Потом продлил. Итого, получилось четыре. Там нас называли «иноспециалисты», – последнее слово Мартин произнес по-русски. – О, я вижу, вы понимаете?

– Немного. Родители иногда разговаривали со мной по-русски. Потом было жаль терять язык: покупал и читал русские газеты.

– А мне пришлось посещать языковой кружок. Его для нас организовали прямо в гостинице. В специальной гостинице на улице Ильича. Так русские называли Ленина, своего прежнего коммунистического вождя. Нас было немало. Инженеры, строители, рабочие. Даже парикмахеры и повара. Из Германии, Австрии и Чехии.

– Вы всё еще не назвали русский город, в котором работали.

– Вот как? Действительно. Там строился большой металлургический завод. Нет, не большой, а гигантский! Город в городе. Улицы разбегались лучами от его проходной. Так и говорили: социалистический город Уралмашзавод. А старый город – он остался к югу от этой грандиозной стройки. И тоже был назван в честь одного из вождей русских коммунистов. Свердловск. Не доводилось бывать там, комрад?

По лицу пехотного офицера пробежала тень.

– Просто Эйген, – с нажимом напомнил он. – И я уже сказал, что мои родители – честные балтийские бюргеры. Мы жили в Риге. Да, некоторое время отец служил управляющим в имении какого-то русского или польского богача на юге России. Но это было давно, и я не помню, как называлось то место.

– Дорогой Эйген, простите меня! Если я и сказал что-то обидное, то невольно. Вы мне искренне симпатичны. Этот город, Свердловск, до прихода коммунистов к власти именовался на германский лад Екатеринбургом. Может, слышали о таком?

– Слышал, да. Но вы наверняка знаете больше. Если хотите, можете рассказать.

– О, не смею докучать своими воспоминаниями! Русская тема вам неприятна?

– Все мы поневоле теперь интересуемся Россией. Ведь она противостоит не только рейху, но и всей европейской культуре.

Но на этот раз флигер-инженер сам не пожелал говорить о политике.

– Я оставлю номер телефона, – он извлек из кармана блокнот и металлическую ручку, записал четырехзначный номер на разлинованном листе и аккуратно вырвал его. – Там внутренний коммутатор. Скажете, что нужен Мартин Зейдель. Это я.

Флигер-инженер встал, поправил фуражку с вышитой алюминиевой нитью кокардой и орлом на вздернутой тулье. Коротко козырнул и отправился вслед за сослуживцами. Обер-лейтенант проводил его долгим взглядом и подумал, что у флигера хорошие сапоги, наверное, шиты на заказ. Вскоре он и сам поднялся из-за стола. Прошел несколько шагов и, повинуясь безотчетному чувству, оглянулся. Кафе без них совсем опустело. Лишь гарсон стоял у покинутого офицерами столика и, не спеша убирать кофейные чашки, что-то пристально изучал внутри одной из них.

– Надеетесь отыскать следы волчьих клыков?

Юноша, не ожидавший, что немец вернется, вспыхнул:

– Простите! Бургундская бабушка в детстве приучила гадать по кофейной гуще.

– И что же гуща предсказывает на этот раз?

Гарсон уже совладал с собой и отвечал дерзко:

– Что один из вас плохо кончит. Кажется, уже скоро.

– Вот как? Кто же? Который из нас двоих?

– Не знаю, мосье. Я перепутал чашки, когда ставил их на поднос.

* * *

Обер-лейтенант шел по улице.

Навстречу ему степенно шествовал патруль – три фигуры цвета фельдграу с винтовками за плечами, со штыками на поясных кожаных ремнях. Сойдясь, военные козырнули друг другу: сначала солдаты, потом офицер. Молоденький почтальон в черном мундире и черной же шапочке катил мимо них трехколесную темно-зеленую тележку с белой надписью «Postes». Возле другой тележки – с пестрыми цветами переминалась с ноги на ногу унылая торговка. Недолговечный ее товар все чаще пропадал без спроса. За компанию с ней стоял шарманщик и, без устали крутя ручку, извлекал из своего ящика монотонную скрипучую мелодию.

– Шел бы ты, Фабрис, в стекольщики, – ворчала цветочница. – У стекольщиков нынче много работы.

В сопровождении жандарма, крест-накрест перечеркнутого ремнями портупеи, ковылял бородатый старик с землистого цвета лицом и с желтой звездой на впалой груди. Проехал молодой аккуратно одетый велосипедист с кожаным чемоданчиком на переднем багажнике. Оживленно переговариваясь, прошли два марокканца или алжирца, которых до войны было много в Париже, теперь же заметно поубавилось. Натужно протарахтел газогенераторный грузовичок с дровами – не с угольными брикетами, не с опилками, а с настоящими, диковинными нынче дровами. За ним с веселыми воплями гналась стайка сорванцов с бамбуковыми удочками в руках. Фары автомобиля, согласно требованию военного времени, покрывала синяя краска.

Вдоль узкого тротуара вытянулась очередь, стоя в которой, женщина в косынке на вытравленных пергидролем волосах обстоятельно докладывала товаркам:

– Торгуют треской и вином. Без талонов дают сыр, саразан и финиковый джем.

– Может, и колбаса есть? – робко спрашивала одна из слу-

шательниц, с самодельным тюрбаном на голове и безнадежно уточняла. – Кровяная или куриная?

– О чем вы, Жюли! Норму мяса опять урезали. В овощной лавке одна сушеная морковь. Скоро все перейдем на капустные котлетки, как их фюрер...

Тут пергидролевая мадам заметила проходившего мимо офицера и испуганно поперхнулась. Молчание и сердитые взгляды в спину. Ничего, добротная германская материя выдержит. И не такое выдерживала. Обер-лейтенант свернул за угол и, неспешно пройдя еще несколько шагов, остановился.

Ну, вот и искомый дом. Типичный парижский дом, османский стиль. Стены из желтого кирпича, узкие балкончики с цветочными горшками, на шестом этаже – ее окна... Зайти? Консьержка в единственном на весь дом подъезде, конечно, не преграда. Но молчать ее не заставишь, и вскоре все соседи будут знать о визите оккупанта. Или того хуже: консьержка узнает его, ведь пять лет назад он жил здесь. Десять счастливых месяцев на шестом этаже, в квартире с бесконечно-длинным коридором. Там на столе стояла видавшая виды американская пишущая машинка, на стенах висели фото в простых деревянных рамках и на каминной полке пылились вычурные часы эпохи Наполеона III. Вероятно, часы так и остались единственной удачной покупкой на обожаемых ею блошиных рынках.

Он даже подошел к подъезду и как бы ненароком заглянул внутрь. Справа от входа увидел знакомую дверь консьержки. Далее белела табличка, извещавшая о неработающем лифте – совсем как на Эйфелевой башне. И уже совсем под лестницей, в полутьме виднелись велосипеды и детские коляски. Заглянул – и прошел мимо. Войти так и не решился. Сделал вид, что разглядывает плакаты на стене. Сквозь кроваво-красный фон проступала каменная голова германского солдата, под которой черные фигурки бодро маршировали в сторону заводских труб: «Они отдают свою кровь, отдайте свой труд за спасение Европы от большевизма». На другом плакате мечтательный мосье глядел вдаль с порога своего дома: «Хочешь зарабатывать больше – поезжай в Германию».

Сзади раздался стук деревянных подошв о булыжники тротуара. Таким звуком город был полон с тех пор, как парижанки износили последний каучук. Но эти шаги звучали как-то особенно вызывающе. Обер-лейтенант оглянулся. Да, это была она. Галльская курочка... Со времени последней встречи сильно похудела. Костюм ее составляли длинный жакет с маленькими лацканами и прямая юбка до колен. На голове угнездилась замысловатая шляпка с перьями, искусственными фиалками и паутинкой вуалетки. Женщина бросила надменный взгляд на офицера, вздрогнула и вытянулась, напряглась всем телом. Остановилась.

– Александр? Не ожидала встретить тебя... и в таком виде.

Желтизна на скулах, морщинки вокруг глаз.

– Зато ты, Николь, элегантна как прежде.

– Насмехаешься? Это вещи, сменившие пол. В прошлой жизни – пиджак и брюки моего последнего мужчины.

Он почувствовал нечто вроде укола ревности. Глупо, конечно. После тех десяти месяцев пять лет прожили порознь, в разных странах, без единой весточки.

– Зато шляпка...

– ...из тюля и крашенной бумаги. Да и та нужна, чтобы скрыть отсутствие шампуня. Для полноты образа добавлю, что я без чулок, ноги исцарапаны пемзой и выкрашены охрой, а линия шва нанесена карандашом для бровей. И вообще: речь о возобновлении нашего романа не идет.

– Я виноват...

И эту фразу она не дала ему закончить:

– Разумеется. Нельзя верить первому слову женщины. Если бы ты еще разок позвонил тогда, я бы бросила всё и уехала за тобой из Франции.

– Ты всё это время жила в Париже? – спросил он, чтобы сменить тему.

– Почему же? В сороковом после первых бомбежек бежала вместе со всеми. Помню черный дым от горевших бензиновых складов, дороги, забитые вереницами машин, телег, велосипедистов и пеших людей, матрасы и рыжие чемоданы на крышах легковушек, младенцев, оравших в бельевых корзинах, самолеты, кружившие хищными птицами, вой падавших бомб. Снимала угол в сарае у добрых луарских пейзан по цене квартиры в четвертом арондисмане. Потом вместе со всеми вернулась. Такое вот развеселое турне.

– По-прежнему работаешь журналисткой?

– При оккупационном-то режиме? Где? В «Gringoire», например? Скорее бы пошла в кокотки! Ведь я женщина без мужа, без детей и без работы. К тому же заумная девица. По всем статьям бесполезная особа.

Разговор очевидно не клеился.

– Мы можем посидеть в кафе?

– У всех на виду? Репутация германской подстилки мне ни к чему.

– А если...

– Еще одна плохая идея, – отрезала она и вдруг спросила совсем иным – отмякшим голосом: – Ты всё еще пишешь стихи?

– Нет, – улыбнулся он. – Но за вопрос спасибо.

– Кажется, ты был талантлив.

– Я был молод.

Николь легонько притопнула деревянным каблуком.

– Ну... Мне пора.

– Конечно, – кивнул он. – Знаешь, а я ведь до сих не забыл аромат твоих духов.

– Каких духов? – горько усмехнулась она. – Их давно нет.

– Не важно. Я слышу их запах.

* * *

Со встречи офицеров на улице Флёрюс минуло около месяца. За это время Александр дважды ездил из Парижа на демаркационную линию. Сопровождал тех, кому столичная жизнь стала небезопасна. Этих людей ему препоручал человек по прозвищу Профессор. Он же снабжал беглецов удостоверениями личности, якобы полученными в одной из сгоревших мэрий Эльзаса. Мог достать всё, что угодно: документы о непринадлежности к еврейской расе, пайковые карточки, разрешения на трудовую деятельность и даже пропуска в свободную зону. Первой в этом месяце была семья еврейского ювелира, которую Александр вывез с Аустерлицкого вокзала вечерним поездом на Тулузу. Ехали с почти невозможным теперь комфортом, заняв два купе в спальном вагоне. В другой раз вез на авто сбитого британского летчика и двух уклонистов, не желавших идти в германские рабочие батальоны. Это задание было опасней, троицу приходилось высаживать перед каждым пропускным пунктом. Расстались у реки, которую беглецам предстояло преодолеть вплавь. На другом берегу их должен был встречать новый проводник. И так по цепочке до самой границы, через которую переводили испанцы, сами бежавшие во Францию от каудильо. С ювелира и уклонистов Профессор взял немалые деньги. Александр об этом знал и считал оправданным: деятельность группы требовала расходов. Британец отблагодарил своих спасителей лишь несколькими пачками превосходного табака, да лично Александру при расставании вручил зажигалку «Dunhill».

Обер-лейтенант подошел к дверям дома – другого дома, на другой улице, не важно, на какой – и на этот раз без колебания отворил их. По винтовой лестнице поднялся на четвертый этаж, постучал в дверь квартиры. Два удара, пауза, еще удар. За дверью послышалось шарканье шагов, мужской голос произнес:

– Лютен, не волнуйся. Свои, свои.

Открылось смотровое окошко, чьи-то внимательные глаза ощупали офицера сквозь ячейки бронзовой решетки. Щелкнул замок, скрипнули петли. На пороге встретил молодой человек, у которого были черные курчавые волосы, карие глаза и пухлые губы. Растянутая шерстяная кофта и летние туфли на веревочной подошве выдавали в нем хозяина квартиры. Об ноги его терся белый пушистый кот.

– Здравствуй, Поль! Привет, Лютен! – пришедший поздоровался с обоими.

Строго говоря, квартира Полю не принадлежала: он ее арендовал, притом на чужое имя и на деньги группы. Полсотни франков давал Профессор, за электричество и уборку подъезда Поль доплачивал из своего кармана. Но обжился он на конспиративной квартире так основательно, что даже кота завел. В родной дом возвращаться не хотел. Отчим его был преуспевающим парижским хирургом. Когда отчиму, как еврею, запретили оперировать, он заперся в домашнем кабинете и вскрыл себе вены. Слишком профессионально, чтобы можно было спасти. Мать после этого случая угодила в психиатрическую лечебницу. Больше Поля с тем домом ничего не связывало. Кроме воспоминаний.

Они прошли в гостиную. Там за столом сидел Антуан. Это был крупный белолицый мужчина в замшевой куртке, с клетчатым платком на жилистой шее. Александр кивнул ему и оглядел комнату. Всё, вроде бы, как всегда. Круглый стол под цветастой клеенкой. Дорогой хозяйский рояль. На комоде – радиоприемник. Топилась железная цилиндрическая печь, на ее плоской крышке парил кофейник. Пахло дымком. Рядом с печкой стоял чурбак, с вонзенным в него маленьким топориком, вроде индейского томагавка.

Мелочи имеют значение. Нелегальная жизнь к этой мысли приучила.

– Хотите кофе? – предложил Поль. – Ну, как кофе… Жареный ячмень, цикорий и каштаны с сахарином. Германские офицеры такого, наверное, не пьют?

Чтобы не разочаровывать его, Александр от ячменного пойла отказался. На столе стояли мятые бумажные пакеты с жареными каштанами, полупустая бутылка без этикетки, стаканы, пепельница с окурками, рядом лежала ядовито-зеленая пачка «Eckstein». Эти сигареты выдавали солдатам вермахта по норме шесть штук на день. Невесть что, конечно, но, несомненно, лучше французских «Gauloises», начиненных вонючим эрзац-табаком. Александр не курил, однако с тех пор, как сигареты стали дефицитом, поневоле начал разбираться в их марках. Впрочем, на этот раз удивился он не особо: на черном рынке можно было найти всё, что угодно душе и желудку.

Кот прыгнул на комод и залег возле массивного радиоприемника.

– Добрались ли уклонисты до Испании? – не здороваясь, спросил Антуан.

– До линии точно добрались, – ответил Александр и сел, закинув ногу на ногу.

Антуан был из числа военнопленных, получивших свободу, как официально объявлялось, благодаря уехавшим в Германию рабочим. Домой, в Бургундию, не вернулся, предпочтя обосноваться в Париже на семь тысяч франков пенсии военного инвалида. В чем заключалась его инвалидность, никто не знал. Антуан считал себя обязанным по-

могать бывшим военным. К мужчинам, не носившим погон, не защищавшим родину и свободу с оружием в руках, он, несмотря на обстоятельства собственного освобождения, относился с почти нескрываемым презрением. Этим объяснялись его вечные пикировки с Полем.

Тот не преминул ввязаться:

– Ты, буржуй недорезанный, упрекаешь ребят за нежелание горбатиться на фрицев? Надеюсь, что они уже в Лиссабоне или Гибралтаре.

– Буржуй? – вспыхнул Антуан. – У нашей семьи виноградники, это правда. Но знаешь ли ты, как жили виноградари до войны? Мы ели хлеб, не имея денег на масло. О медовых кексах или анисовых конфетах для детей и не мечтали. Ты когда-нибудь носил деревянные сабо? А я в них вырос. Да! Предки нашего соседа двести лет занимались виноделием, он же продал участок и пошел в жандармы. Потом началась война. Меня призвали. И армию предали.

– Кто предал?

– Французы и предали. Штатские. Да, поначалу мне самому нравилась такая война. Мы заняли оборону на подступах к одному городку. Боши поднимали над своими позициями плакаты: «Не будем стрелять друг в друга!» И не стреляли. Даже музыкой нас развлекали – и своей, и французской. Радиопередачи с призывами сдаваться тоже включали иногда. Мол, Германия не хочет войны, все солдаты – братья, то, сё... Мы шутили, что добрые хозяюшки из соседнего городка по ночам будут носить нам в окопы вино и колбасы. Но пришла депутация из мэрии: мол, ради всего святого, уходите скорее, не устраивайте здесь боя. Командир прогнал их с позором. А ночью нам в спины стали стрелять. Мужья тех самых добрых хозяюшек.

– Дай-ка угадаю... И вы, этакие героические пуалю, обиделись и ушли?

– Примерно так. Командир сказал, что фронт развален, войска отступают, что нам угрожает окружение. Еще сказал, что все коллаборационисты – педерасты. Им нравится подчиняться, в этом всё дело. И что мы не обязаны погибать за этих ублюдков. После этого мы и ушли.

– Да, да, да. Но в лагерь все равно угодили, откуда вас вытащил маршал Петен. Увенчанный лаврами старый воин даже письмо прислал. Слышали всё это и не раз.

– Сам-то, почему не был в армии? Закон о военной обязанности не про тебя?

– Я единственный сын у больной матери. Меня не взяли.

– Что ж, теперь ты в Резистанс. Значит, получил шанс умереть за Францию.

Александр поморщился: Антуан перегибал палку. Дверь в соседнюю комнату оставалась закрытой. Вернее, в соседние комнаты, потому что за дверью пряталась небольшая анфилада. Ох, уж эти затейливые планировки старых парижских квартир! И где-то там сейчас засел вызвавший его Профессор. Нагонял важности: делал вид, что занят подготовкой очередной операции. Ну-ну...

– А дела твоего семейства, надо полагать, пошли в гору? – парировал Поль.

– Ты о том, что мой отец продает вино фрицам? Да, они платят аккуратно. Отец погасил все долги, даже довоенные. Упрекаешь? А, помнишь, я привозил вино, которое мы продали по двести франков за бутылку? Помнишь, куда пошли деньги?

– Много ты привозил! – хмыкнул Поль.

– Сколько отец давал, столько и привозил. Сам ни капли не выпил. Пью тут с тобой, – Антуан кивнул на бутылку и стаканы, – поддельный грог из кальвадоса.

– Герой! Напиши маршалу. Глядишь, и «Франциска» на грудь повесит...

Дверь скрипнула и приоткрылась. Спорщики мгновенно примолкли. Видя, что обер-лейтенант не спешит вставать со стула, Поль поторопил вполголоса:

– Вас ждут! Сегодня особый случай...

* * *

Профессор сидел за столом в комнате, освещенной одной лишь настольной лампой. Профессором его прозвали, вероятно, за очки в круглой оправе. Впрочем, до войны он, и правда, мог преподавать в каком-нибудь университете. Почему бы и нет? Широкоплечий, плотный, в поношенном твидовом костюме, с лысиной, блестевшей под электрическим лучом, с аккуратно постриженной щеткой усов. Сидел, листал книжицу с орлом и свастикой на мутно-желтой картонной обложке.

– Британец и уклонисты перешли границу. Всё в порядке, – будничным голосом сообщил Профессор, будто слышал разговор, происходивший без него в соседней комнате. – Я получил условленную открытку с межзональным штемпелем.

Александр молча кивнул. Профессор поднял на него глаза и внезапно сказал:

– Я знаю, что вы не бош. Не Шлёцер. И уж тем более не француз. Вы – русский.

Они вместе рисковали жизнями, но панибратских «tu» Профессор в общении не допускал: только церемонные «vous». И о национальности обер-лейтенанта разговор заводил не впервые. Всех русских Профессор считал явными или тайными коммунистами. Коммунистам же он не доверял, даже несмотря на их нынешнее участие в Сопротивлении. Поминал былые прогерманские настроения, дезертирство Мориса Тореза и сталинские поздравления Гитлеру на взятие Парижа. Шлёцер или не Шлёцер при таких разговорах лишь плечами пожимал: вот уж

в чем нельзя было заподозрить французских русских, так это в симпатиях к коммунизму. Знал Шлёцер и о том, что Профессор до войны состоял в боевой группе кагуляров, многие из которых теперь служили оккупантам. Но не спорил, понимая, что Профессор – человек неглупый и если упорствует, то дело не в доказательствах, а в вере.

– Мне также известно, что вы не из балтийских департаментов. Это легенда и к тому же рискованная, – продолжил Профессор, пристально наблюдая за реакцией слушателя. – Вы из внутренней России. И город ваш зовется Свердловском.

Это уже было что-то новенькое. Значит, копает Профессор, наводит справки. Не доверяет. Ну что ж, имеет право: подполье – дело осторожное.

– Екатеринбург, – поправил Шлёцер. – Мой город называется Екатеринбург.

– То есть не Свердловск? – самолюбие Профессора, кажется, было уязвлено.

– Когда я там жил, город звался Екатеринбургом. А потом его переименовали большевики в память об одном из своих вождей.

– Что за варварский обычай менять городам имена!

– Вряд ли вы позвали, чтобы побеседовать о моем происхождении.

– Разумеется, не для этого. Садитесь! Дело в том, что к нам пришел солдат вермахта. Обычный шютце, стрелок. Немного говорит по-французски. Из советских военнопленных. Уверяет, что всё осознал и хочет искупить.

– Его солдатская книжка? – Шлёцер кивнул на картонку в руках Профессора.

– Точно. Его зольдбух.

– Вы позволите?

На обороте обложки – серый квадрат фотографии: молодой мужчина с широким открытым лицом и зачесанными назад русыми волосами был запечатлен вполоборота, глядел куда-то мимо объектива. Под нижним краем фото – подпись кириллицей «Ковал...», дальше неразборчиво. Две круглых красных печати – еще два орла с прямыми крыльями. Имя на титуле: Iwan Kowaljenko. Звание – рядовой.

– Что требуется от меня? – спросил Шлёцер, возвращая документ.

– Допросить его. Важно не только ваше знание языка. Важно, что парень тоже из этого вашего города, как бы он не назывался. Во всяком случае, он так говорит.

– А моя задача – выяснить, не врет ли он? Хорошо. Я попробую.

– Весьма на вас рассчитываю. И не беспокойтесь: он вас не увидит.

* * *

Обер-лейтенант прошел в следующую комнату анфилады и закрыл за собой дверь. Окна здесь были плотно зашторены, царил полумрак. Посреди комнаты на стуле сидел солдат. Глаза его были завязаны темной тряпкой, ноги скованны короткой стальной цепью, но руки оставались свободными. Волосы зачесаны как на фото, только теперь еще и выбриты над ушами. Одет он был в голландскую полевую куртку с зелеными погонами. На правой стороне груди распростер крылья германский орел. Ни поясного ремня, ни шнурков на маршевых ботинках не было.

– Добрый день!

Солдат вздрогнул:

– Вы русский?

В голосе тревога, голову попытался задрать так, чтобы видеть из-под повязки.

– Не надо. Опустите подбородок. Вопросы задаю я, вы отвечаете.

– Но я ведь слышу! Ни один иностранец так по-нашему не умеет.

– Возможно. И все-таки поговорим не обо мне, а о вас.

Слышит он... А у самого говор мягкий, не уральский. Вот с этого и начнем.

– Где вы жили в России?

– Ну, Советский Союз – это не только Россия. Я сам вообще-то с Харькова. На турбогенераторном заводе работал. Как и вся наша семья. Батя, пока не помер с натуги... Это еще до войны случилось. Мать и старшая сеструха – в заводской столовке. Вот вместе с заводом нас всех и эвакуировали на Урал. Меня оставили в Свердловске, а мать с сестрой отправили в село Махнёво. Больше не свиделись.

– Почему вас разлучили?

– Город был переполнен. Отбирали только нужных для производства. И то с трудом. Нас, холостяков, разместили в засыпном бараке...

– Засыпном? – переспросил обер-лейтенант. – Что такое засыпной барак?

– Вы не знаете? – в свою очередь удивился допрашиваемый. – Русский и не разбираетесь в бараках? Засыпной барак – это когда между досками обшивки не бревна, а песок и опилки. Считается, что утепляют. Но со временем все это добро оседает, сваливается, и тогда ветер продувает постройку насквозь. Продолжать? Так вот, напихали нас в тот барак возле завода, как сельдей в банку. По сорок человек в комнату. Койки поставили двухъярусные, а все равно не хватало. Спали по очереди.

– Возле какого завода? Завода Ятеса?

– Какого еще Ятеса? Возле турбинного, конечно. В Союзе всего-то три завода паровые турбины делали: наш Харьковский, Ленинградский металлический и вот этот Уральский. Харьков тогда уже немцы взяли, Ленинград – в блокаде. Одна надежда оставалась на Свердловск, да и то...

– Где этот завод в Екате... в городе расположен?

Оговорка не ускользнула от солдата.

– Вы сами-то что – хорошо знаете Свердловск? Что еще за Ятес? Немец?

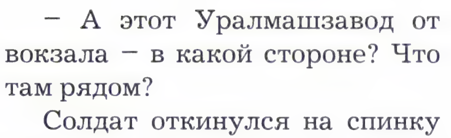
– Англичанин. Я спутал. Ятес делал водяные турбины.

– А хоть бы и англичанин. Советская власть всех буржуев ликвидировала.

Вот так-то, господин обер-лейтенант! Допросы – не ваше. Похоже, солдатик и с завязанными глазами разглядел, что перед ним русский «бывший».

– Довольно! Я задал вопрос и не слышу ответа. Итак, вы работали на турбинном заводе. Где он расположен?

– Если от вокзала ехать на Уралмаш, так на полпути направо. Там и Турбинка, и Электромаш по соседству. Только вот с работой... Турбина – она ж агрегат сугубо мирный. А на кой теперь такая продукция? Экономя киловатты, ты даешь на фронт гранаты... Привезли оборудование из Ленинграда, с Харькова опять же – с транспортного завода. Инженеры, рабочие приехали. Освоили выпуск танковых дизелей. Нас, турбинистов, в недостроенные цеха турнули. Монтировали станки под открытым небом, руки к металлу примерзали. Представляете, размеры станков в турбинном производстве? О-го-го! И ради чего эти муки? Да еще в такую даль тащились... Обидно!

– А этот Уралмашзавод от вокзала – в какой стороне? Что там рядом?

Солдат откинулся на спинку стула:

– Так вы, господин хороший, вовсе не знаете Свердловска! Уралмаш с Турбозаводом на пустом месте строились, по другую сторону железнодорожных путей от старого города. Что ж там может быть рядом?

– Но вы бывали в этом, как вы называете, старом городе?

– Чего я там забыл-то? Ну, прокатился разок на трамвае, поглазел в окно. Почти ничего не помню. Пруд в центре... Я закурю?

– Курите.

Солдат ощупью извлек из кармана австрийскую зажигалку, известную в войсках под именем «безотказной вдовушки», и пачку «Eckstein». Вот, значит, откуда...

– Не поможете? Не хотелось бы обжечься.

Обер-лейтенант подошел вплотную, ощутив терпкий запах молодого пота и дешевенького одеколона. Взял зажигалку, мимоходом заметил:

– Фюрер не одобряет курения.

– Шесть сигарет – мои законные, – буркнул солдат и жадно затянулся.

– Придется об этом забыть, – позлорадствовал офицер. – Французы нынче курят траву, политую раствором табака. Тем, что опрыскивают виноградники, – и, продолжая тему лишений, осведомился: – Голодно было в Свердловске?

– Не сытно. С восьмисот граммов хлеба по рабочей карточке не зажируешь, а на базаре буханка весила двести сорок рубчиков. Откуда ж такие деньги? У меня, как электромонтера, зарплата была семьсот рублей. Это только у директора три тысячи, да премиальные... Просился на дизельный завод. Дизельный – он ведь оборонного значения, у рабочих продовольственные карточки

первой категории и талоны на горячее в заводской столовой. Не взяли, своих эвакуированных девать некуда. Я и подался в военкомат: пишите, говорю, добровольцем на фронт. Неудобно как-то: молодой, здоровый, отсиживаюсь в тылу непонятно зачем. Опять же и матери с сестрой, как семье фронтовика, госпособие дадут. Только вот теперь если особисты прознали, что в плен попал, так плакало пособие. А то еще арестуют их... Может, пропавшим без вести записали, а? Как они нашего брата делят-то? – и, не дождавшись ответа, на всякий случай добавил: – Семьям немецких солдат платят почти полное жалование, которое получали до призыва.

«Всё еще сомневается, в чьи руки попал, – отметил обер-лейтенант. – На всякий случай соломки подстелил».

Солдат крутанул стриженой головой и заговорил без вопроса:

– На фронте несколько раз в атаку ходил. Сначала артподготовка, после – мы. Бежишь по полю, чувствуешь себя магнитом. Все пули, снаряды, всё железо летит к тебе, в тебя. Потом – хлоп! – кто-то рядом упал. Стыдно, а первое чувство все равно радость: не твоя очередь. Поживешь еще... Заляжем, ждем, пока наша артиллерия их-ние точки подавит. А она молчит. Отстрелялась перед началом атаки и молчит. Вот почему так? Ну, потихоньку, с командой или без, начинаем отступать. Тут-то и несем основные потери. Кругом раненные товарищи стонут, а ты ползешь...

– Как попали в плен? – перебил обер-лейтенант.

Солдат скривил губы в невеселой усмешке:

– Теперь кажется, что по глупости. Жрать уж очень хотелось. Снабженцы, суки, по деревням с бабами валандались, на передовую не спешили. Когда и покормят, то дадут на день шестьсот граммов черного хлеба да баланды. Мучной подсоленной водицы, такой, что дно миски видать. Американская колбаса в банках нам редко доставалась. Пока довольствие с дивизионных складов через полк и батальон до роты дойдет, так от солдатской пайки кто только не откусит. Мы и затеяли по ночам на нейтральную полосу ползать, вещмешки у убитых фрицев проверять. Ну, там сухари, консервы, гороховый концентрат в брикетах, сахар... Фрицы стреляли на звук, так что мы пробирались по одному, чтоб шума меньше. Вот меня ихняя разведгруппа и сцапала. Здоровые черти, чуть шею не свернули. И голову разнесли так, что кровью и исподняя рубаха бязевая промокла. А что как-то иначе в плен попадают? В бою тяни руки, не тяни, все равно укокошат.

– Закатайте рукав.

Солдат понял, молча показал синий лагерный номер на левой руке.

– Где были в плену?

– Шталаг номер четыре «Б», затем шталаг номер четыре «Ф», – заученно отрапортовал солдат. – Где голову наполовину брили, где наголо. А лагерная одежка всюду полосатая и сандалии на деревянной подошве. Был в рабочих командах в округе Мариенберг, в городе Плауэн, в округе Рохлиц... Всё перечислять? Гнул спину в поместьях, питался брюквой, турнепсом, подгнившей картошкой наравне со свиньями. Всё не чищенное, не мытое, без соли. Зато вместе с ботвой... Бывало, что и дрались промеж себя за хлеб и табак... Как-то раз возмутился. Бауэр, хозяин то есть, три дня продержал в подвале без еды и воды. Сказал, что без того платит за мою аренду по шесть марок в день. А у самого электричество на всем дворе, камин в доме, гномики в палисаднике, забор высоченный. Чисто всё. Машины всякие сельскохозяйственные... Потом вернул меня в лагерь. А уж там капо руки мне назад скрутил да всыпал раз двадцать пять. У него шланг такой с песком. Как даст по башке, аж искры из глаз. Ну, это ладно, главное, что ничего не отбил. Недели две только на животе спать мог. Дисциплина у немцев – страсть. Не забалуешь!

– Ordnung muss sein, – негромко, как бы про себя, произнес обер-лейтенант.

– Вот-вот. Должен быть порядок. Знаем. В печенках у меня сидит этот орднунг.

– Почему же вас, электромонтера, не отправили на какой-нибудь завод?

– Да шут их знает! Я что ли распределением занимался? Выстроят с утра на аппельплаце, пересчитают всех. Потом ворота откроют, покупателей запустят. Те ходят по рядам: «Дайне наме? Мунде хох». Мол, как звать, рот открой, зубы покажи, а то и порты сними. Выбирали ну чисто как скотину. Или как негров в Америке. Однажды повстречал землячек, харьковчанок. Остовки. Были у них на куртках такие квадратики голубые с белыми буквами «OST». Призвали их через биржу труда в Госпитальном переулке. В повестках барышнями величали. Сулили, мол, денег заработаете, профессии получите. Европа, цивилизация, то, сё... Их таких целый эшелон набрался. Провожали с оркестром. А везли девять дней в товарных вагонах: нары, солома, вместо туалета – дыра в полу. И в Германии очутились со мной, кригсгефангенером, в одном свинарнике. Рады были, что молоды и блондинки. Еще завидовали какой-то своей подруге, которую взяли горничной в приличную семью. Тех, что постарше посылали в шахты или на оборонные заводы. А там – тиф, смерть...

– Молоды – это сколько лет?

– Ну, при отправке им было по пятнадцать. Да около года в Германии... Бауэр предлагал переспать с ними. Думал, что я за это лучше работать буду.

– Как попали в немецкую армию?

– Как попал... Обыкновенно. Как все. Умирать-то никому неохота. После смерти ж ни родины, ни Сталина нету... Вызвали как-то в шухаус, в комендатуру. Там русский офицер. То есть сам русский, но форма ихняя. Говорит, мол, армия наша гуманная, будешь жить хорошо, со временем можешь получить офицерский чин. Отказался. Кинули в карцер. Пол цементный, стены цементные. Сутки просидел или дольше. Дверь открывается: «Ауштейн, рус! Раус!» Снова к тому офицеру. Я, значит, на своем стою. «Лёс ауф!» – назад в карцер. На этот раз, наверное, суток двое просидел. Приходят опять: «Лёс аус». Ну, думаю, теперь откажусь – точно расстреляют. Вот и согласился. Офицер сразу повеселел, подобрел. Чего ж ты, говорит, дурья башка, кобенился. Сломать можно любого. А то, отвечаю, что русские только на третье приглашение отзываются. Смеялся офицер... Вы тоже можете посмеяться, но я в ихней учебке впервые после Харькова наелся досыта. Гороховый суп с салом, галеты. Ячменный кофе и вишневый компот без косточек. Не баланда из брюквы и хлеб с опилками, как в лагере. И еще прямо в солдатской столовой можно было купить пиво, шнапс или анисовую водку. Фрицы своих солдат кормят тем же, чем и офицеров. Вооружили нас родными мосинками. Да я бы и к их оружию быстро приспособился. Случалось и в Красной армии трофейным воевать. Только автомат ихний к нашей зиме плохо приспособлен: заряжать сложно и магазин перекашивает. А у пулемета отдача сильная, назад отбрасывает.

– Были пулеметчиком? – насторожился обер-лейтенант. – На фронте?

– Какое там! Не очень-то нам доверяли. Мы ж эти – унтерменшен, так сказать, недолюди. Погрузили в эшелон и ту-ту. На остановках не выпускали. Думали, что на Восточный фронт, а оказалось, на запад, в Нормандию. Когда ходили строем – пели красноармейские песни. Немцы не возражали. Да мы и не знали других строевых.

– Что за люди служили в полку?

– Разные. Много необстрелянных, их немцы мобилизовали. И военнопленные, как я. Наверное, были и офицеры, которые успели документы и знаки отличия уничтожить. Кто мог, чужое имя брал, чтоб родня не пострадала. О себе никто особо не рассказывал. А дела на фронте обсуждали, да. Мол, что Красная армия наступает.

– Потому и решили бежать?

– Ну, может быть, и поэтому тоже.

– Покинули расположение части и что дальше? Знали куда идти?

– Не знал. В одиночку же по Франции долго не побегаешь. Они ведь как тут живут: у каждого свое шато. Дом, значит, каменный. Вокруг – виноградники, поля. Дальше через пару километров – следующее шато. Сёл, деревень, как у нас, совсем мало. В каждом таком шато собак штук по пять, по шесть. Злые, здоровые, как немецкие овчарки. И без привязи. Так что я просто сел в поезд на Париж. Воинского требования не было, поэтому билет пришлось брать за полную стоимость. На станциях в вагон заходили французские полицейские. Смотрели документы и чемоданы. Но к солдатам вермахта не придирались.

– Повезло. Могли проверять и немцы.

– Наверное, повезло. Я вообще везучий. Сошел, не доезжая Парижа. Знал, что на столичных вокзалах немецкие полевые жандармы у турникетов стоят. Как те цепные псы. Дезертиров ищут. Меня бы уже расстреляли.

– Дальше.

– Дальше вы сами знаете, – усмехнулся солдат.

Ну, да. Профессор, во всяком случае, должен знать.

– Ладно. Пока это всё, – и обер-лейтенант сделал шаг к двери.

– Эй! – вдруг окликнул солдат. – Не знаю, как вас... Можно спросить?

Офицер остановился:

– Слушаю.

– Я ведь сам пришел. Правда, сам. А у меня кошелек забрали с сотней франков и двадцатью марками. Часы наручные. Ну, и по мелочи: зеркальце там, вилку-ложку, банку компанейской помадки для волос...

– Обращение рейхсмарок за пределами Германии запрещено, – не дослушав, холодно прервал обер-лейтенант и покинул комнату.

Как будто речь шла только о марках. Через такие передряги прошел человек – эвакуация, фронт, плен, а о помадке для волос печется. Силен бродяга!

* * *

– Как поговорили? – кинул Профессор, когда на смену обер-лейтенанту в комнату с солдатом прошел Антуан.

– Побеседовали о турбостроении, в котором я ничего не смыслю, и о городе, которого я не знаю.

– То есть он не из Екатеринбурга?

– Он из Свердловска, который стал совсем другим городом.

Профессор встал, прошелся по комнате:

– Плохо. Очень плохо.

– Что теперь с ним будет?

– Вам-то какое дело?

– Не было никакого. До тех пор, пока меня не привлекли к допросу.

Профессор молчал.

– Я могу отвезти его на испанскую границу.

– Вот как? А я, глядя на этого приблуду, вижу человека в форме врага и знаю, что он предатель. Денег у него тоже нет. Так чего же ради рисковать группой? Жизнями людей, в том числе и вашей?

Обер-лейтенант поглядел на дверь, скрывавшую солдата и

Антуана. Странно все это, очень странно. Сначала флигер, потом Профессор с дезертиром. Слишком зачастили разговоры о его, Александра, родном городе. Слишком много совпадений. Что если свести Зейделя с этим Коваленко? Один уверяет, что работал на Уралмаше, другой – на соседнем заводе. Вот пусть теперь и проверяют друг друга на знание Свердловска. А он послушает, понаблюдает.

– У меня есть знакомый, проживший четыре года в Свердловске. И, кажется, он с радостью повспоминал бы, поговорил с кем-нибудь об этом городе.

– Под вашим присмотром, как я понимаю? Кто он? Еще один русский?

– Отнюдь. Флигер-инженер люфтваффе Мартин Зейдель. В Советском Союзе работал по найму как гражданский специалист. Еще до прихода к власти нацистов.

– Еще до прихода нацистов, – эхом повторил Профессор и, повернувшись на каблуках, в упор уставился на собеседника: – Удобно, да?

– Что удобно? – не понял обер-лейтенант.

– Носить германский мундир, сидеть с вражескими офицерами в кафе, поддерживать с ними приятельские отношения...

– Это часть моей легенды. Рискованной, как вы заметили.

– Разумеется. Но если потребуется устранить кого-то из приятелей... Не абстрактного алемана, а, например, этого вашего Зейделя. Сможете?

Обер-лейтенант ответил не сразу:

– Зейдель – инженер, хоть и в военной форме. Техническая служба люфтваффе. Розовые петлицы. Зачем его убивать?

– В люфтваффе служат технари, медики, метеорологи, диспетчеры, связисты, полицейские... Все есть. Нет только невиновных. Как и вообще средь фрицев. Этот народ никто не обманывал, он сам создал фюрера. Не он сделал их такими, но они его. Своей верой в украденную победу, своими обидами на весь мир, культом армии и силы, своей манией величия. Инженеры, фермеры и домохозяйки. Все виновны!

– А французы, которые нынче работают на военных заводах или поставляют германской армии вино и продукты, учат немецкий язык в университетах, наконец, просто живут при новом порядке? Им вы тоже будете мстить?

– Во всяком случае, не вижу причин их жалеть. Петенисты вечно твердят о патриотизме. Патриотизм же их заключается в непротивлении оккупантам. Чтобы не подвергать несчастную Францию еще большим бедам. Патриотизм пораженцев.

– Не все, оставшиеся ныне во Франции, сторонники Петена. Далеко не все.

– Так пусть доказывают это делом!

– Полагаю, они просто надеются пережить оккупацию. Обычные люди. И, вероятно, на их долю не выпало того, что случилось с членами вашей группы.

– Что именно? О чем вы?

– Антуан считает, что армию предали. Поль потерял человека, заменившего ему отца. Что произошло лично с вами, я не знаю.

– Лично у меня враг отнял родину! По-моему, вполне достаточно.

Профессор снял круглые очки и принялся массировать двумя пальцами алый след от тесной дужки на переносице. Выражение лица его в этот момент показалось Александру совсем беспомощным.

– Хорошо, – кивнул Профессор, возвращая очки на насиженное место, – хорошо. Назначайте встречу с этим вашим фрицем, а мы доставим на нее нашего гостя. Заранее предупреждать флигер-инженера о предстоящем разговоре не нужно. После скажете, что хотели устроить сюрприз: желал де побеседовать о Свердловске – пожалуйста. Только не затягивайте. Мне этого мутного типа прятать особо негде, да и желания, откровенно говоря, не испытываю.

* * *

В тот вечер что-то пошло не так. Во всяком случае, Александра-Эйгена мучило всё возраставшее ощущение, что он опрометчиво ввязался в игру с неведомыми ему правилами. Они с флигер-инженером просидели в офицерском казино почти до комендантского часа, но Коваленко так и не появился. Зейдель раз пять спросил о причине их внезапной встречи и, наконец, предложил прогуляться по Монмартру.

Швейцар, распахивая двери, на прощание приподнял над лысеющей головой красную фуражку. Маячившие напротив казино подростки в синих форменных рубахах поспешно приветствовали офицеров римским салютом. Зейдель небрежно махнул им в ответ, Шлёцер и вовсе проигнорировал.

– Воображают себя нашими союзниками, – хмыкнул Мартин. – Новая Европа, национальный и социалистический строй, семья и родина, спорт и труд, долой большевиков и плутократов, ну и всё такое прочее. Что ж, пусть верят! Фюрер вот и прах наполеоновского Орленка из Вены выписал. Дабы юным франсистам было на кого равняться. Желаете бельгийскую сигаретку?

– Не курю. Надеюсь, что так проживу подольше.

– Весьма наивно для солдата... Ну, к Сакре-Кёр, если не возражаете?

На воздухе флигер-инженера заметно развезло. Позванивая подковками сапог по булыжникам темных улочек, они вышли к молочно-белой базилике. Высоко над их головами, верхом на каменном коне, Святой Луи вздымал в черное небо руку с мечом-крестом.

– А вы знаете, что эту громадину лягушатники заложили в память о потерях на франко-прусской войне и едва успели достроить к началу следующей войны с нами? – заметил флигер-инженер. – Так что это памятник их ненависти к нам.

– Стоит ли так обострять? У меня во фляжке коньячок. Не желаете?

– Еще как желаю! Сядем вон там – на ступенях. Лучший вид на Париж...

– Какой может быть вид на затемненный город? Да и прилично ли германским офицерам распивать французский коньяк на лестнице?

– Будет вам! На Монмартре всё прилично. А Париж отсюда похож на ночное море. Ночное бездонное море.

Часы по берлинскому, а теперь и парижскому времени отбили одиннадцать вечера. На широкой каменной лестнице перед собором примостилась лишь парочка влюбленных, да и те, завидев немцев, растворились во тьме.

– Вот они – побочные радости оккупации, – заметил Шлёцер. – В мирное время тут полным-полно праздного люда.

– Так вам, обер-лейтенант, посчастливилось бывать в Париже до войны?

– Доводилось.

– То-то вы так бегло изъясняетесь по-французски. Для моего же саксонского уха их речь слишком тороплива. Завидую!

– Не скромничайте, Мартин. Вам довелось пожить в столь далеких краях, что даже фюрер не планирует до них добраться.

– Наконец, захотелось говорить о России? Здесь, сейчас?

– Хочу понять, почему там не удался блицкриг, как во Франции. За счет чего русские держатся? Главные оборонные заводы ведь расположены на Урале, так?

Но свернуть флигер-инженера на нужную стезю оказалось непросто.

– В такой вот славный парижский вечер – и о России, об уральских заводах? В вас, Эйген, совсем нет романтики?

– А вы, значит, романтик? – неожиданно зло огрызнулся Шлёцер.

– Я? Пожалуй, что уже нет. Вот фюрер, говорят, романтик. Воображает себя вождем Виннету, а нас – своими апачами. В смысле настоящими краснокожими, а не бандитами с Монмартра. Я же детством переболел вовремя. Небо в ту пору влекло меня больше, чем все нюрнбергские солдатики в витринах роскошных магазинов на Прагерштрассе и Шлоссштрассе. Я говорил, что родом из Дрездена? Нет? О, это самый красивый город на свете! Разве что, после Парижа... Кто из нас не завидовал тогда храбрым летчикам? Теперь же я счастлив, да, счастлив, что, служа в авиации, не бомблю чужие города. Летчики – не повзрослевшие мальчики и самые страшные убийцы на этой войне. Перед боевыми вылетами они желают друг другу удачной охоты. Как будто речь об игре. Веселы, беспечны и совсем не кровожадны. Но когда газеты печатают фотографии разорванных в клочья людей, детей – это работа летчиков. Английских, американских, советских и германских. Да, германских тоже... Кажется, скоро меня пошлют преподавать в одну из наших летных школ. Здесь, во Франции: в Биаррице или в Бордо... Где, черт подери, обещанная фляга?

Шлёцер передал Зейделю небольшую плоскую бутылку с красным горлышком.

– Prost! – провозгласил тот и запрокинул голову.

Воспользовавшись мгновением, Александр усмехнулся. Все-таки странные эти немцы. Любят порассуждать о своем мягком сердце, о сентиментальности, как национальной черте, а у самих даже заздравный тост звучит как воинская команда.

После изрядного глотка коньяка, Зейдель потянулся за сигаретами. Обер-лейтенант достал из кармана зажигалку, ногтем откинул крышку, и сдвоенные колесики «Dunhill» высекли голубой язычок пламени.

– Не курите, а зажигалку носите? Вроде бы, английская? Изящная вещица.

– Подарок. И тоже от летчика.

Флигер-инженер пьяно хохотнул:

– Рискованно шутите! – затянулся сигаретой. – Так вы возжелали послушать о моей работе в Свердловске? Jawohl! Эти русские были по-своему неплохие ребята. Хоровые песнопения, речи вождей под бурные аплодисменты, предчувствие великих свершений. Как всё это знакомо! И первого мая у них – день труда, как в рейхе. Или у нас, как у них...

– Вы полагаете, что их можно германизировать?

Из-за угла на площадь стремительно и бесшумно выехали на велосипедах двое полицейских. Их короткие плащи разлетались черными крыльями, тускло мерцали фары. Мельком взглянули на германских офицеров и промчались мимо.

– За что их прозвали ласточками? – сгримасничал Зейдель. – Больше похожи на летучих мышей... О чем мы? Можно ли германизировать славян? Увы, отношения с советскими коллегами у нас не особо ладились. Отчасти по нашей вине, но только отчасти. Да, за работу нам платили больше. Половину в рублях, половину валютой, чтобы могли отослать семьям на родину. Жили мы отдельно от русских, питались в специальных столовых. Продукты получали в особых распределителях: сыр, фрукты, ветчину, конфеты, сигареты. Но если мы предупреждали, что не стоит заранее покупать дорогие импортные станки и гробить их под открытым небом, если критиковали организацию производства, то нас обзывали

буржуями и чуть ли не вредителями. Спорные ситуации должен решать профсоюз, однако мы не состояли его членами. Едва ли славяне способны перенять германскую привычку к порядку.

– Этот Уралмаш ведь не единственный завод в городе? – Александр поспешил свернуть разговор со скользкой темы, так неосторожно им самим подброшенной.

– О, далеко не единственный! – охотно поддался Зейдель. – Уралмаш большой завод, но и Свердловск большой город. Там очень много заводов.

– Среди них был турбинный или турбогенераторный?

Рука с флягой замерла в воздухе.

– Турбинный? Не помню такого. Строился Электромаш, там, вроде, и турбины грозились делать. Ну, как строился... То рубили лес, расчищая площадку, то не рубили. Я ведь говорил, что у русских проблемы с организацией производства... Что, коньяк кончился? Хотите первитину? Нет? А я, пожалуй, проглочу таблеточку.

Зейдель извлек из внутреннего кармана небольшой цилиндрик и вновь – на этот раз всего на мгновение запрокинул голову. Встреча теряла всякий смысл, и даже подгулявший флигер уже не допытывался о ее причине. Где же ты, солдатик, где ты?

– Вы далеко живете? – поинтересовался Шлёцер.

– Я? О, пустяки! Только спуститься с этого холма. Бульвар Рошешуар. А вы? Лишняя койка в нашем офицерском пристанище найдется.

– Благодарю. Я доберусь.

Помолчали. И уже через минуту Александр пожалел, что не ушел раньше.

– Эйген, вы были ранены? – неожиданно спросил Мартин.

– Случалось, – не без удивления подтвердил Шлёцер. – Прежде.

– Может, вы отличились на фронте? Или поступаете в университет?

– Ах, вот вы о чем!

– Да-да, о вашем отпуске. Обычно это две, ну три недели. Наше же знакомство состоялось более месяца назад. За это время Генрих Майер – помните его? – был сбит и пропал без вести в России. Иваны сделали то, что не сумели Томми. Да, его сбили. Квадрат обыскали. Нашли самолет – весь, как решето. Но без Генриха. Надеюсь, он не попал в плен, а погиб за родину, народ и фюрера, как пишут в похоронках и в этих гнусных статейках в «Der Adler». У летчиков жизнь быстрая и смерть быстрая. Они не видят мертвых товарищей. Вечером выпьют бокал шампанского, минуту постоят, помолчат – и всё... Зато вы по-прежнему в Париже.

– Я помню обоих ваших друзей, – обер-лейтенант словно не расслышал в вопросе главного. – Но, боюсь, уже не различу, кто из них Генрих, а кто – Гюнтер.

– Не желаете отвечать? Остается предположить, что вы носите чужой мундир. Кто вы? Откуда? Контрразведка? Гестапо? С авеню Фош?

– Да хоть с Принц-Альберхт-штрассе. Гестапо не занимается военными.

– Официально не занимается. Но ведь граждане пишут доносы на всех, не так ли? А, может, вы... В любом случае, неразумно вести с вами задушевные разговоры.

– Воля ваша, Мартин. Мне наших разговоров будет не хватать.

– Могу ли я без опаски хотя бы повернуться к вам спиной? Да? Тогда прощайте, камрад Эйген или как вас там. Ах, да... Спасибо за коньяк!

Флигер-инженер поднялся со ступеней, шаркнул себя ладонью по ягодицам, козырнул, покачнулся, но одолел мимолетную слабость и зашагал по лестнице вниз – туда, где темным бездонным морем лежал, поджидая его, оккупированный Париж.

* * *

Снизу, с лестницы раздался короткий сдавленный крик.

Александр прислушался – не почудилось ли? – расстегнул кобуру и осторожно последовал за Зейделем. Луна светила ярко, но там, куда ее голубым лучам мешали проникнуть ветви вязов и платанов, темнота была еще гуще, непрогляднее. Поэтому сначала он заметил лишь одного человека, стоявшего на открытой каменной площадке – в плаще и шляпе, с чемоданчиком в руке. Александр опустил ладонь на рифленую рукоять «Люгера», потянул из кобуры, но человек обернулся, и он узнал Профессора. Не удивился, кивнул. Профессор так же молча ответил на приветствие.

Потом Александр увидел протянувшиеся из тени деревьев ноги в офицерских сапогах. Ясно, так ясно, словно на эти сапоги упал луч прожектора, он разглядел кожаные подошвы цвета сырой умбры – с мягким блеском, со сдвоенными рядами квадратных гвоздяных шляпок из золотистой латуни, со светлыми царапинами от соприкосновения с мостовыми Парижа и, вероятно, не только Парижа. И темную смесь мочи и крови, подтекавшую к голеницам этих великолепных сапог.

В следующее мгновение из-за занавеса тени появился солдат Коваленко и, не обращая внимания на обер-лейтенанта, принялся разглядывать в лунном свете вороненое лезвие армейского штык-ножа. Провел подушечками пальцев по долам, коротко по-русски выругался и вновь нырнул в тень. Ноги в сапогах еще двигались, подрагивали, но когда Коваленко вернулся, штык был убран в черные стальные ножны и покоился на поясном ремне.

Глаза Александра привыкли к темноте, и он различил еще одного участника нападения – Антуана. Сидя на корточках и стараясь не испачкаться чужой кровью, здоровяк обшаривал

карманы жертвы. Рядом на камнях валялись распотрошенный бумажник, две-три фотографии, пачка бельгийских сигарет с надорванным уголком и цилиндрический футлярчик первитина.

– Кончай эту канитель! – поторопил Антуана Профессор. – Забирай солдата, и марш на квартиру к Полю. Постарайтесь не попасться ажанам. Пропуск надежный, из комиссариата, но все-таки... Мы в другую сторону. Расходимся!

Антуан встал, одним движением руки отряхнул колени и, кинув прощальный взгляд на агонизировавшего врага, обронил с усмешкой:

– Повезло тебе, грязный бош, испустить дух у сердца Иисусова!

Миновав открытое пространство сквера, Профессор и Александр свернули в узкую расщелину улицы. Шли быстро. Изредка навстречу им попадались прохожие с тусклыми, замазанными синей краской фонариками в руках. Все они торопились прошмыгнуть мимо, горбились и отворачивали лица. Только раз двое в длинных кожаных пальто и одинаковых фетровых шляпах внезапно ринулись наперерез, но, разглядев мундир германского офицера, почтительно расступились.

– Профессор, а вы не боитесь переодетых полицейских? – позлорадствовал Александр. – Знаете, сколько сутенеров с Монмартра нынче служат бошам?

– Не боюсь. У меня в кармане удостоверение врача и вот здесь... – Профессор легонько тряхнул чемоданчиком, – инструменты и лекарства. Это, раз. Флики получают по тысяче восемьсот франков жалования. На черном рынке едва хватит на четыре куска масла. За такие крохи они не желают ссориться с резистантами. Это два. Наконец, я вроде бы с офицером вермахта. Самому-то не жмет чужая форма? Если попадетесь, вас расстреляют как

шпиона в полном соответствии с Женевской конвенцией.

– Что ж, меня расстреляют за дело. Но завтра они заберут десять-двадцать случайных людей из соседних домов или просто схватят на улице и следующим утром казнят на Мон-Валерьен как заложников. Если не найдут убийцу...

– Его не найдут, – заверил Профессор. – Я проверенных бойцов не сдаю.

Голос его был сух и спокоен.

– Так это была проверка? Вот это, а не мои расспросы о русском городе?

– У нас свои методы. Не из-за недоверия к вам. Ничего личного. Просто война.

– Но я не ваш боевик, чтобы меня проверяли!

– И поэтому тоже. Нервирует ваша позиция вольного стрелка.

Некоторое время они шли молча.

– Значит, весь вечер вы караулили нас у казино, – заговорил Александр, играя желваками. – А еще вы знаете, что я не Шлёцер. Это так. Эйген Шлёцер – немецкий друг моего русского детства. И я убил его. В сорок первом. За то, что он собирался ехать воевать в Россию. Но он был моим другом. Мое детство, отрочество, юность. Вместе учились в гимназии, вместе служили в студенческой роте на русской гражданской войне. Этого не изменишь. Я убил его. Я – его. Что мне ваша проверка?

– В чем же вы нас упрекаете?

– Я его встретил и убил в нейтральной Швеции. Там заложников не брали.

– Увы, здесь не Швеция и потому, боюсь, что это неизбежно. И вина за гибель заложников ляжет не на нас, а на фрицев с их пособниками вишистами.

– Ладно, не будем об этом. Но, к сожалению, вы не единственный, кто за последнее время усомнился в правдивости моей легенды.

– Кто еще?

– Флигер заметил, что я слишком долго играю роль отпускника в Париже.

– О нем уже можно не беспокоиться.

– Могут найтись и другие, столь же догадливые.

– Вы хотите на время исчезнуть?

Александр остановился так внезапно, что Профессор по инерции успел сделать еще пару шагов и только тогда оглянулся.

– Да. Хочу. Прямо сейчас. Я не пойду с вами дальше.

Профессор повернулся всем корпусом, переложил чемоданчик из правой руки в левую. Правая рука как бы невзначай скользнула в карман.

– И что – я вас больше не увижу?

– Надеюсь, что увидите. Я планирую вывезти в свободную зону еще одного человека. Понадобятся надежные документы.

– Кто этот человек? Я должен знать: от этого зависят условия.

– Разумеется, я предоставлю нужные сведения. Но позже. Если всё получится.

Александр протянул руку, и рука Профессора нехотя выскользнула из кармана.

– Я буду ждать вас. Должен признать, что вы были лучшим проводником в нашей группе. Я буду ждать вас, герр Шлёцер.

Они крепко пожали друг другу руки и разошлись в темноте.

* * *

Александр шел по ночной улице и думал о Николь. Да, он был всего лишь одним из тех, кого она любила. Что с того? Она его любила. И теперь он добудет через Профессора самый надежный, по всем правилам выправленный аусвайс. Будет нужно – заплатит. Он увезет ее на юг, в свободную зону, в какой-нибудь прибрежный городок. Они поселятся в небольшом отеле, в комнате с окнами на море, так чтобы по ночам, в чернильной темноте над их ложем мерно шумел прибой, а утром солнце тянуло к ним лучи сквозь легкий туман занавесок. И неважно, будет ли это время цветения нарциссов или сбора винограда. Их кожа приобретет золотисто-коричневый оттенок, волосы порыжеют на солнце и станут жесткими от морской соли. А если это будет пора штормов и мистралей, они будут кутаться в толстые пледы и, сидя у камина, долго-долго глядеть на огонь. Неважно. Главное, что там не будет войны. Лишь бы она согласилась.

Он зашел в случайно подвернувшийся отель и потребовал номер с ванной и бутылку коньяку. Что? Как это нет? Маслянистые зрачки ночного портье съежились под стальным беспощадным взором арийца. Комната, ванна и выпивка нашлись. И пусть всё не высшего сорта. Коньячок в частности оказался сладковат. Но это даже к лучшему. Пять лет назад коньяк у них тоже был так себе. Они пили его в квартире близ Люксембургского сада, сидя лицом к лицу в старой ванне, передавая друг другу бутылку зеленого матового стекла и с нею поцелуи. Ее маленькие ступни крепко упирались в его грудь, он гладил ладонью ее блестевшие от воды голени. И они говорили, говорили, говорили... Кажется, за десять вместе прожитых месяцев это была первая ночь, когда между ними без дополнительных на то причин не было физической близости. Разумеется, они напились: расширенные горячей ванной сосуды жадно впитали алкоголь. На щеках ее выступали капли пота и чем крупнее они становились, тем больше походили на слезы. Но и духовной близости той ночи им уже никогда не довелось достичь. Они мечтали о долгой общей жизни, о своих будущих детях: «полурусских» – настаивал он, «маленьких французиках» – сердилась она. И пьяно смеялись, зная наперед, что ничего прекрасней этой старой ванны и этого дурного коньяка у них двоих уже не будет. ■

БИБЛИОТЕКА ПОЭЗИИ КАМЕННОГО ПОЯСА

ЕКАТЕРИНБУРГ: ИЗДАТЕЛЬСТВО «БАНК КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ»

